

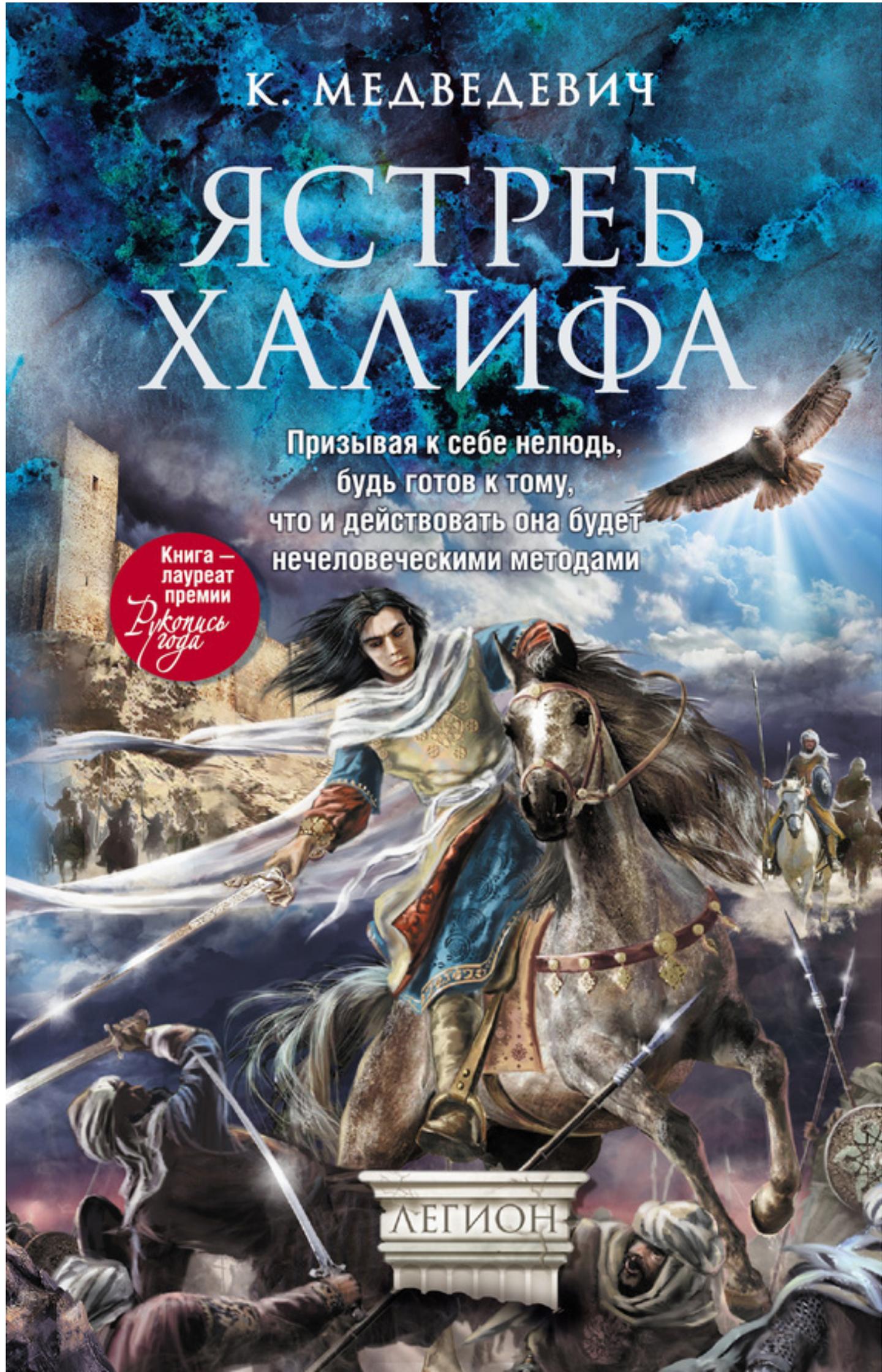
К. МЕДВЕДЕВИЧ

ЯСТРЕБЬ ХАЛИФА

Призывая к себе нелюдь,
будь готов к тому,
что и действовать она будет
нечеловеческими методами

Книга —
лауреат
премии
*Рукопись
года*

ЛЕГИОН

Страж Престола

Ксения Медведевич

Ястреб халифа

«Автор»

2013

Медведевич К.

Ястреб халифа / К. Медведевич — «Автор», 2013 — (Страж Престола)

Призывая к себе нелюдь, будь готов к тому, что и действовать она будет нечеловеческими методами. Государство стоит на краю гибели, в пророчестве сказано, что его спасет чужестранец, пленник из волшебного народа аль-самийа, который станет верным слугой престола. Пророчество сбудется, но люди зададутся страшным вопросом: а не слишком ли высокую цену они заплатили за победу? Политическая воронка закручивается как смерч. Герои пытаются вырваться из губительного вихря – получится ли у них? Ведь судьба – самый страшный противник.

© Медведевич К., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Книга первая	5
Пролог	5
1. Ночь договора	9
2. Жемчужина Хорасана	27
3. Когти ястреба	40
4. Небесный волк	60
5. Пятничная проповедь	81
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Ксения Павловна Медведевич

Ястреб халифа

*Автор выражает признательность
историку М. В. Нечитайлову за консультации
и неоценимую помощь в работе над книгой*

Книга первая

Ястреб халифа

Пролог

Отпихнув ногой пару мандаринов, старый мулла уселся на коврик под садовым навесом. В небе неслись сорванные ветром цветы миндаля, в ведро с водой, как всегда, спустился из-под стропил большой серый паук – попить.

Наконец-то можно спокойно сесть и прочитать письмо друга – из самой столицы, сколько ждал, между прочим. С письмом должен был прийти ответ на важный вопрос: можно ли поить осла водой, оставшейся после омовения? Старик на всякий случай попросил узнать мнение законников из столичной Пятничной мечети.

Кряхтя, мулла развернул большой лист бумаги. И, конечно, вместо ответа нашел всякую ерунду. Описание казни заговорщиков – в том числе и старшего брата халифа. Имена посредников, доставляющих во дворец невольниц. Сплетни о споре двух уважаемых шейхов – почтенные наставники веры чуть не выдрали друг другу бороды, выясняя, как лучше защитить халифат от набегов кочевников.

Прочитав про кочевников, старый мулла вздрогнул, на всякий случай поднялся на ноги и огляделся. В приграничье присловье «На Всевышнего надейся, а осла привязывай» помнили очень хорошо.

В заматаемой бело-розовыми лепестками дали безмятежно синело небо. В весеннем воздухе четко рисовались желтоватые стены форта на холме. Под ними – беленые домишки.

Вон – низенький купол мечети. Зеленые оливковые деревья на уступах террас колыхались под порывами ветра. На дне долины шумел огромный, в два человеческих роста камыш. А к югу долина раскрывалась – степью. Ровной, гладкой, нескончаемой степью. Великой степью, как ее называли купцы.

Сейчас серо-зеленая травяная гладь выглядела тихой и приветливой. Потому что там не было никого.

Старик облегченно вздохнул и сел. С ветки шлепнулся еще один мандарин.

Шейхи спорили. Один требовал повысить налоги и увеличить численность халифской гвардии. Другой кричал, что в пустыне ему было откровение и что ангел велел верующим искать защитника на западе.

Мулла сочувственно покачал головой – умалишенные. Безумцы. Да, мало того что защитника следовало искать на западе, так еще и не среди людей. Мол, Всевышний отдаст нам в руки военачальника из волшебного народа аль-самийа, сумеречников. Да-да-да. Конечно. Воистину, безумцы. Осла надо привязывать! Войско набирать, то есть! Идиоты.

Неожиданно в форте забил большой молитвенный барабан. Гулко, мерно, мощно – но в неурочное время. Ведь до вечерней молитвы еще...

Старый мулла ахнул, тихо поднялся с коврика и снова посмотрел на юг.

Теперь степь выглядела по-другому.
Над горизонтом росло серо-коричневое облако.
О Всевышний. Набег.
Как семь лет назад.

Черные, скрюченные от огня апельсиновые деревья. Раздувшиеся на жаре трупы. Кровь вместо воды в канавках двора омовений.

Старик сглотнул. Руки тряслись, он не сразу смог записать письмо в рукав. Тут он вспомнил про жену. Его старая Наджа наверняка собирала воду во дворе омовений мечети! А мечеть стояла на самой окраине! Южной окраине! Будь проклято это дурацкое письмо, которое он решил прочитать в уединении!

Когда, задыхаясь и хрипя, мулла выбрался из сада, улицы уже заволокло пылью. Люди выбегали из дворов, кричали и бестолково метались, хватая и бросая вещи. У глинобитного забора крутился верховой в кольчуге:

– В крепость!.. Все в крепость!.. На нас идут джунгары!

Прямо на старика выбежала молоденькая Зейнаб, жена шорника, – лицо перекошено, платок сбился, под мышкой орущий двухлетка. Мулла с силой развернул ее и пихнул обратно – вверх по улице.

– В крепость, о неразумная!

Из-под чалмы всадника тек пот. Воин замахнулся плетью:

– К-куда, о враг веры! Я сказал – в крепость!

Узнав, кто перед ним, раздумал бить:

– Я сказал – идти в крепость, о Абу Салам! Разве крепость там, куда ты идешь?!

– У меня жена, – держась за колотящееся сердце, выдохнул мулла, – во дворе омовений.

Одна – в крепость не поднимется. У нее колени...

И кинулся прочь, не слушая ответную ругань.

На соседней улице его чуть не стоптал идущий на рысях верховой отряд – хорошо, калитка в чей-то двор была открыта. Звон, топот, крики. Во дворе валялись пестрые подушки и бродили, глупо кудахта, куры.

В небе засвистело. В навес над террасой воткнулась горящая стрела. Сухой камыш занялся сразу.

На крохотной площади с колодцем его настигли крики – женские. Женщина кричала где-то в садах. Истошно. Оттуда же, из садов, неслась вой. Нечеловеческий, хотелось думать. Мулла знал, что это не так. Человеческий. Джунгарский. Вой и гиканье.

Вбежав во двор мечети, старик первым делом захлопнул и заложил засовом ворота. Кругом плавал дым, порывы ветра гоняли лепестки миндаля, но дыма все прибывало.

– Наджа! – со всей оставшейся силы закричал он.

Ему никто не ответил. Глаза слезились от дыма, над низеньким забором вдруг взметнулось пламя – сарай с дровами. Горит сарай.

– Наджа!!!

Держась за ходящую ходуном грудь, мулла поковылял через двор к ступеням входа.

– Наджа!..

С силой распахнув двери, он увидел то, что увидел, и тихо охнул. Они сидели – мужчины и женщины вперемежку – в молельном зале. Под куполом ходило эхо шепотков – и стояла тень страха. Увидев знакомую фигуру в просвете входа, Наджа жалобно вскрикнула – откуда-то от дальней стены. Как по команде заревели дети.

– Почему... почему вы здесь... – в ужасе пробормотал мулла.

– Всевышний... Нас защитит Всевышний... – это был голос Марьям, соседки.

Марьям сидела у самого входа, спиной к колонне – с совершенно черными от ужаса глазами. Под полами абайи¹ шевелился младенец.

Треск и грохот за спиной заставили муллу обернуться.

Ворота во двор дернулись от страшного удара, выдохнув щепки и пыль. На улице переговаривались – взлаивая, как по-собачьи.

От следующего удара скобы засова вылетели, и ворота широко распахнулись. В них вбежали, все еще держась за деревянный столб-таран, низенькие мохнатые... люди. Почему-то на них были наверхены овчинные шубы.

Всадники на маленьких гнедых лошадках влетели во двор следом. Они радостно верещали.

Муллу просто пихнули в сторону – как досадное препятствие. Старик упал, навзничь растянувшись на каменном полу, потом все-таки отполз к стене. С затылка на спину текло теплое – кровь.

Ребенка Марьям они отбросили так же – как нечто ненужное. Маленький сверток ударился о стену – и упал вниз без звука. Марьям они обнажили грудь, потом сорвали платок. Муж ее сидел неподвижно и смотрел на это. И все остальные сидели и смотрели, молча смотрели, тесно прижимаясь друг к другу.

А потом Марьям вытолкнули наружу. Повалили, растянули, задрали платье, быстро, в четыре руки стянули шальвары. Марьям все еще молчала. И все молчали.

Закричали, только когда вонючий овчинный человечек ткнул копьем в старую Марджану. Старуха страшно захрипела. И все заорали.

Женщин джунгары выволакивали по одной, сдирали платки и абайи, крутили, вертели, потом хозяйственно накидывали на шеи веревки. Или принимались толкать, от одного к другому, смеялись и кричали, а потом валили на землю и распускали завязки штанов. Старых и некрасивых тыкали в живот ножами. Мужчин кололи на месте – только двух мальчиков связали за шеи и повели со двора. А маленькими детьми они кидались, как тряпичными куклами, – а потом поддевали на копыя. Джунгары смеялись и кричали, словно это была веселая игра.

Наджу убили на месте.

Переступая через трупы и отпихивая растопыренные руки-ноги, степняки еще долго бродили по мечети, потроша ящики с книгами, опрокидывая лари с бумагой и письменными принадлежностями. Потом нашли ханьский шелк, оставленный на хранение прошлогодними купцами, и потащили полотнища на двор, разматывая локоть за локтем толстые свертки. Синие, оранжевые, зеленые ленты. Джунгары наворачивали их на шею лошадям, резали сикось-накось, набрасывали драгоценную материю на седла, как попоны.

В груди Марьям торчало копьё. Одна из лошадей, пятая, наступила на нее и брыкнула. Зухру – в окровавленном голом теле трудно было узнать дочку медника – джунгары, все также играючи, смеясь и перекидываясь шутками, зачем-то повесили на апельсиновом дереве. Зухра дрыгалась и задыхалась в петле долго – щупленькая была девушка, шея все не ломалась.

Распотрошив мечеть, джунгары двинулись к выходу. Вонючий степняк в волчьем малахае тряс переплетом – кожаным, куртубским, с золотым тиснением, – вытряхивая на пол страницы Книги Али. Ему был нужен только переплет.

Один из листков слетел прямо к старым кожаным туфлям муллы. Это был список Книги, выполненный божественной рукой великого каллиграфа ибн Муклы. Желтоватая от старости страница тут же заплыла красным – с правого угла. Справа лежал Абу Саиб. Ему распороли грудь, и лужа натекла порядочная.

– О Всевышний... – прохрипел мулла.

---

¹ Абайя – верхнее традиционное арабское женское платье с рукавами.

Услышав его хрипение, степняк обернулся. Улыбнулся, пожал плечами и поднял копьё для удара.

В пустом небе безмятежно плыли облака. Летел миндальный цвет.

– О Всевышний... – снова прошептал мулла.

Джунгар ударил. Потом, морщась, выдернул наконечник копья из груди старика.

В небе ничего не изменилось.

Из рукава бессильно лежавшей руки высовывался клочок бумаги.

До того, как он пропитался кровью, любопытный взгляд мог бы прочесть последние новости, так будоражившие столицу.

«И представь себе, о Абу Салам, эмир верующих – да продлит дни его жизни Всевышний! – склонил свой слух к этим малоумным, поверившим в защитника-сумеречника! Мало того что сумеречника, так еще и сумеречника из племени нерегилий! Тебе приходилось слышать о нерегилах, о Абу Салам? Это истинное бедствие из бедствий, мятежники, упрямые и злобные, как дикие ослы, сражающиеся против всех из чистой ослиной злобы! Но словно и этого мало, захватить и привезти нерегиля отправили – кого бы ты думал?! Этого старого, выжившего из ума астролога Яхью ибн Саида!»

Написавший письмо еще долго возмущался и поносил глупость Яхьи и косность богословов, но, увы, оценить безупречный почерк и изящество оборотов речи было некому. К тому же лежавший в рукаве листок быстро намок от крови, и буквы расплылись.

В разоренный молельный зал влетели горящие факелы. Разметанная по полу бумага вспыхнула, огонь пополз по дереву разломанных ящиков и полок. Последними занялись брусья перекрытий.

К вечеру от мечети осталась груда обгорелых камней. Над ними все так же летели белорозовые лепестки. В пустом закатном небе плыли облака и тихо кружили птицы.

Птицы, описывая круги, медленно снижались. Они знали, что их никто не прогонит. В виляйте под стенами желтой крепости не осталось ни одной живой души.

1. Ночь договора

Мадинат-аль-Заура, 402 год аята

Дворец растревоженно гудел – и шелестел. Шепотками. Евнухи шептали невольницам, те – евнухам, сановники оглаживали бороды и важно кивали, подтверждая новость.

Истинно, истинно так: Яхья ибн Саид вернулся из путешествия на запад. Три года странствий завершились – старый астроном прибыл в столицу. И – против всех ожиданий и домыслов! – привез обещанное! Привез живого сумеречника из племени нерегилей! Многие считали, что это знак от Всевышнего. В конце концов, по слухам, именно такого самийа шейху Исмаилу обещал в пустыне ангел: мол, военачальник-нерегиль окажется в плену, а вы выкупите его жизнь. И купленный за золото чужой пленник не из числа людей станет служить халифату. Чудесное, чудесное избавление для аш-Шарийа...

В Львиный двор этим утром набилось столько людей, что на один молитвенный коврик садились трое. В левый зал за плотными занавесями прошли мать покойного халифа и ее доверенные невольницы. Говорили, что за место на коврах левого зала женщины харима платили две сотни динаров.

Все хотели увидеть чужеземного сумеречника.

И все остались жестоко разочарованы: Яхья ибн Саид не привез нерегиля во дворец, а почему-то оставил под стражей в пригороде. Зато с ним приехали двое сумеречных магов – один из Лаона, другой из Ауранна. Говорили, что их пригласили за огромные выплаты золотом и рабами – осмотреть иноземного самийа, доставленного Яхьей. Ну и присмотреть за ним, конечно. О нерегиле ходили самые разные слухи, и не все они были приятными.

Когда двое магов – в роскошной длинной парче, с надменными лицами, – шли в Львиный двор, их приближение угадывалось по вскрикам и возгласам: смотрите, смотрите, верующие, вот идут аль-самийа с острыми мордами и ушами, а за ними семят крохотные джинны, придерживающие края расшитых золотом одежд!

Сейчас оба мага и астроном сидели перед халифом. За тройными шелковыми занавесями мелькали тени – по двору сновали невольники, разносившие шерbetы.

Там, где изнывали от жары и ожидания охотники до последних новостей, бессильно плескался фонтан, в круглой мраморной чаше умирала вода, и солнечный свет ярился над полированными мраморными плитами.

В зале, где принимал халиф Аммар, стояла прохлада – поскрипывали опахала, на большом подносе медленно плавился лед. Маги сидели неподвижно – как большие кошки, сторожащие мышь. А вот Яхья ибн Саид явно тревожился – хотя и пытался не подавать виду.

– Я ожидал, что увижу свое приобретение, – недовольно поморщился молодой халиф.

В конце концов, он ждал три года.

– А ты, о Яхья, принес лишь это, – и Аммар ткнул в лежавшие на шелковом платке предметы.

Разорванная нечищенная серебряная цепочка, деревянная шкатулка и обрывок серебряной материи с цветочной вышивкой.

– О мой повелитель! – неожиданно спокойно улыбнулся в ответ старый астроном. – Я... опасаюсь моего... ммм... подопечного. Мы имели возможность убедиться – нерегилю не по нраву, когда на него глазют.

– Но разве не ты сказал, о Яхья, что на границе он дал слово не набрасываться на стражу и подчиняться ее приказам?

Ответ халифу пришел с неожиданной стороны:

– Вот именно. Он дал слово не убивать стражу. Но о зеваках, придворных и случайных путниках нерегиль не говорил ничего. Мы уже сделали все необходимое – опечатали знаками отсечения выходы из внутренних дворов. Ты встретишься с нерегилем ночью, когда все разойдутся.

Произнесший это лаонский маг вежливо склонил голову и очень неприятно улыбнулся, сверкнуло наверх золотой шпильки в узле волос на затылке. Халиф почувствовал, что начинает закипать от гнева. Впрочем, улыбка аль-самийа, народа Сумерек, всегда казалась Аммару злой. Приподнятые к вискам глаза, высокие скулы, узкий подбородок – стоит глазам сощуриться и губам изогнуться, как на лице проступает недоброе веселье. А еще раздражала их поддельная молодость – вот этому лаонцу, к примеру, сколько лет? Пятьсот, восемьсот? Ни дать ни взять смазливый отрок с холодными расчетливыми глазами старика, составляющего завещание.

Лаонец между тем продолжил свою речь:

– Однако вы скоро увидите. Нерегиль согласился на... встречу с тобой.

Аммар нетерпеливо кивнул. Как известно, волшебные существа могут служить человеку добровольно. Но чаще всего их верность приходится завоевывать силой. По древним, еще до основания аш-Шарийа принятым установлениям, на такой бой отводится три ночи. Впрочем, какой уж тут бой – скорее, беседа. Нельзя заклинаниями захватывать разум – зато можно запугивать. Обманывать – тоже нельзя. Зато можно изводить хитростями. Да уж, хитрость – это исконная ашшаритская добродетель, что уж говорить. Но и сумеречники на плутни горазды, этого у них не отнимешь.

Выигравший получает власть над проигравшим. Все честно. Победит Аммар – нерегиль станет верным слугой престола. О другом исходе поединка халиф старался не думать. Лаонский и аураннский маги прибыли за тем, чтобы все подготовить – и засвидетельствовать исход боя.

Аммар спокойно спросил:

– Нерегиль присягнет аш-Шарийа добровольно? Или... нет?

Лаонец предупреждающе выставил вперед золотистую узкую ладонь – подожди, мол. Не спеши. И насмешливо, по-кошачьи, улыбнулся:

– Нерегиль согласился либо подписать договор служения халифату, либо вступить с тобой в поединок.

От этой чуши у Аммара пошла кругом голова, и он даже глотнул ледяной воды с патокой:

– Подожди, о самийа, – поморщился халиф – зубы свело от холода.

Как его зовут, этого лаонца? Морврин? Морврин ап-Сеанах? Нет, такое выговорить он не в силах, пусть ломает язык кто-то другой.

– Вы видели это существо?

– Да, – одинаково наклонили головы оба сумеречника.

– Вы его осмотрели?

– Да, – снова поклонились, как ханьские болванчики.

– Так он согласился принести клятву верности престолу?! Или он решил вступить со мной в поединок?!

– Нет, – золотая шпилька лаонца и черный хвостик волос аураннца снова нырнули в одинаковые поклоны.

– А на что он, во имя Всевышнего, милостивого, прощающего, согласился?!

– Он согласился, что либо подпишет договор без поединка, либо вступит с тобой в поединок, – невозмутимо ответил золотистый, как ханьский карп, лаонец.

Тут Аммар взорвался:

– А что, он мог отказаться?!

– Да, – безмятежно ответили сумеречники – и снова нырнули в поклоны.

Яхья вежливо кашлянул.

Аммар опустил занесенную было для проклятия руку.

– Нерегиль мог отказаться вообще от всего, – подтверждающе кивнул астроном. – Недаром это племя так и зовут – «нерегили».

Действительно, так на ашшари называли большой орех, произрастающий на кокосовой пальме. Что значило это слово на языке аль-самийа, халиф не знал, но слышал, что переупрямить нерегиля – сложнее, чем разбить кокос без железного инструмента.

– И что бы он тогда делал, о Яхья? – поинтересовался Аммар.

– То же, что и всегда, – грустно улыбнулся старый астроном. – Орал, сквернословил и рвался с цепи.

– Прекрасно, – пробормотал халиф.

– О, сейчас наш подопечный ведет себя на редкость пристойно, – поспешил успокоить его Яхья.

– Конечно, – подал голос молчавший до того аураннец. – Я думаю, он просто ждет поединка.

И тонкие губы на бледном, как смерть, лице изогнулись в ядовитой усмешке. Подобрал тяжелую парчу рукава, наглый сумеречный маг выбил тоненькую трубочку о край бронзового блюда с песком. Да, эта тварь курила какую-то едкую траву в присутствии халифа аш-Шарийа. И Аммар ничего не мог с этим поделать. Сейчас маги были нужны ему больше, чем он им. В том числе из-за возможного поединка.

– Я не думаю, что нерегиль согласится на то, что вы предлагаете, – бесстрастно продолжил аураннец, затянулся трубочкой – и выпустил тоненькую струйку дыма. – Я бы на его месте дрался до последнего.

Халиф лишь передернул плечами.

– И вот еще что, – невозмутимо проговорил аураннец, выпуская дымок сквозь синюшные губы. – Он совершенно безумен, этот ваш нерегиль.

– Что? – не веря своим ушам, переспросил Аммар.

– Нерегиль сошел с ума, – наморщив в ухмылке фарфоровое личико, подтвердил маг. – Я думаю, из-за того, что лишился волшебной силы.

– Что?!

Золотистый лаонец широко раскрыл янтарные глазищи и тоже подтверждающе покивал, позванивая подвеской на шпильке, – да, мол, истинная правда. Рехнулся и колдовать не может.

А Яхья облегченно вздохнул, как вздыхает человек, с сердца которого спало самое страшное. Аммар понял, что именно тревожило астронома с самого начала приема – конечно. Вот эти... новости.

– Это правда, о Яхья? – грозно привстав на большой тронной подушке, тихо проговорил халиф.

Его старый наставник вздохнул и ответил:

– Когда ангел говорил с шейхом Исмаилом в пустыне, он упомянул и об этом. «У воина отнимется многое, но взамен он обретет знание...»

– Какое знание, о ибн Саид?! Какой ангел?! И почему – во имя Всевышнего! – с нерегилем случилось такое несчастье?

В беседу снова вступил аураннский маг:

– Вот в этой шкатулке, – металлическая трубочка с крошечной глиняной чашечкой постукала о дерево коробки, – лежал его камень. Волшебный камень. А на этой серебряной цепочке камень висел. Нерегили надевают его на шею, как медальон. Через такой кристалл они направляют энергии. Без камня пользоваться силой они не умеют. А теперь, как видишь, в шкатулке – пусто.

– Почему? – резко обернулся Аммар к астроному.

– Увы, мой повелитель, – виновато развел ладонями Яхья. – Нам пришлось избавиться от этого предмета. Нас преследовали чудовища и чернокнижники, и шли они по следу камня. Мы выбросили кристалл в пропасть, когда переходили через горы.

При этих словах оба самийа поежились и сморщились, словно лимон лизнули.

– Он мне никто, – продолжая кривиться, заметил ауранец, – но лучше б вы его убили. Как убивают лошадь, которая сломала хребет.

– У нас не было выбора, – горько откликнулся Яхья и вытер лоб платком. – Либо избавиться от камня, либо избавиться от обоих – погоня не отставала и не отстала бы. Лучше так, чем возвращаться с пустыми руками.

– Почтеннейший, представьте себе горшечника, которому переломали пальцы и снова усадили за гончарный круг. Ваш нерегиль даже ореол проявить не может. И бесится – от боли, злости и беспомощности, – лаонца аж передернуло, когда он это сказал.

Аммар вспылал:

– Зачем нам сумасшедший калека?! За три кинтара² золота! За них можно нанять и вооружить отряд храбрецов-самийа, знающих толк и в мечном деле, и в волшебстве! Кого ты мне привез, о Яхья?

– Того, на кого было указано! – неожиданно смело ответил астроном.

– А почему три кинтара? – вдруг озадачился Аммар.

– Потому что захватившие нерегиля мерзкие твари – да проклянет их Всевышний и лишит их потомства, впрочем, такие твари вряд ли вышли из утробы матери...

– Яхья...

– ...так вот, эти порождения нечистого завалили его на весы закованным. А мы договаривались, что ценой будет вес нерегиля в золоте. Я думаю, что цепи весили больше, чем он сам. К тому же свирепое создание не желало лежать спокойно и брыкалось, как девять жеребцов сразу, так что уродливым слугам нечистого приходилось его придерживать, и я думаю, что на весы их навалилось тоже порядочно, и нам еще повезло, что он их частично раскидал к тому времени, как мы ударили по рукам.

Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, Аммар перешел к делу:

– Мой нерегиль никогда не сможет... колдовать?

– А вот тут, – сложив губки, затянулся дымком ауранский маг, – и кроется самое любопытное.

Халиф почувствовал, как ногти вонзаются ему в ладони. Но сдержался:

– И что же это?

– Иногда, – выпуская синеватую струйку дыма, безмятежно откликнулся сумеречник, – у него получается.

– А когда у него получается, а когда нет? – сдерживаясь из последних сил, спросил Аммар.

– Это непредсказуемо, – сказал ауранец и расплылся в улыбке.

Халиф аш-Шарийа медленно разжал ладони. Они саднили.

– Где нерегиль? – сухо спросил он астронома.

Яхья, не скрывая облегчения, вскинулся:

– Мои воины должны доставить его к воротам квартала Карх ближе к...

Во дворе раздался грохот. Женщины закричали.

Оба сумеречника не изменились в лице, но явственно подобрались.

Вдруг Аммар понял, что в комнате темно – хотя время едва перевалило за полдень. Куда подевался солнечный свет?

---

² Один кинтар – около 44 килограммов.

Занавеси выдулись парусами и захлопали под порывами ветра. Женщины заголосили громче – евнухи наверняка кинулись подвязывать предательски взлетевшие ткани. Ветер дунул, и знатные ашшаритки оказались открытыми чужим взглядам.

Отстранив Яхью, халиф поднялся и быстрым шагом вышел во двор.

Над крышами, переходами и двориками Мадинат-аль-Заура быстро неслись тени – с востока надвигался невиданный, от земли до неба, прибор пенных и дымных облаков. Синюшно-фиолетовая туча просверкивала молнией, где-то далеко-далеко погромыхивало.

Аммар смотрел на темное подбрюшье неба с недоверием: никто не помнил, чтобы среди такого зноя вдруг пошли зимние дожди. В сизо-фиолетовом клубящемся небе с шипением вспыхнула ветвистая зарница. От последовавшего за ней удара люди во дворе присели и закрыли уши ладонями. Из левого зала послышался испуганный женский вскрик.

– Я думаю, о мой халиф, что тебе лучше не стоять на открытом месте, – тихо проговорил старый астроном.

По крышам рванулся ветер, и в Львиный двор слетели две черепицы. Их разбрызнуло на мраморе пола, на плитах остались рыжие сколы. Подошел командующий Правой гвардией:

– Я никогда не слышал, чтобы так выло и свистело...

– Это потому, что воет и свистит не ветер, – звякнул за спиной халифа сумеречный голос.

Ауранец стоял, запрокинув голову, и смотрел в небо – широко раскрыв глаза, словно завороченный.

– С моря летят Всадники – Дети Тумана вышли на охоту, – в пустых жутких глазах мага, казалось, тоже бегут тени.

Аммар поежился. Вообще-то, сумеречники боялись Детей Тумана, как огня, предпочитая даже не именовать эту напасть и обходиться невразумительными знаками и кивками в северо-восточную сторону. Туда, где за холодными морями из тумана то выступали, то снова прятались населенные этими неназываемыми тварями Острова. Вон, лаонец так и остался в зале – халиф сквозь колышущиеся занавески видел, как сумеречник ломает руки и дрожит с головы до ног.

А этот так и стоит – запрокинув лицо и с легкой безуминкой во взгляде.

Халиф стиснул зубы.

Всевышний хранил земли ашшаритов, и заморские демоны не беспокоили ни верующих, ни их дома. Всадники обыкновенно скакали и исчезали с верховым ветром – тот сносил их в пустоши, к неторным тропам и заброшенным полям, подальше от человеческого жилья и призывов муаззинов.

С крыши опять слетела черепица и угодила прямо в голову каменного льва, поддерживавшего чашу. Ауранец уставился на Аммара со странной хищной радостью:

– Вот видишь, человек, – не один ты ждешь своего нерегиля! *Им*, – тонкая рука в опавшем парчовом рукаве остро ткнула в небо, – тоже не нравится ваш Договор!

Аммар выдержал взгляд злорадно оскалившегося существа. И, смотря прямо в фарфоровое личико с черными щелками злобных глаз, приказал:

– Подайте мне меч!

Халиф уже выходил из двора, когда его догнал нечеловеческий, бронзовый, звонкий голос ауранца:

– Иди к воротам Карха! Посмотри на *твоего* нерегиля, человек! Будешь знать, кто придет к тебе вечером побеседовать!

На злой, нечеловеческий, ненавидящий хохот Аммар не обернулся.

На улицах Карха металась и голосила. Стражники, бегущие перед халифом и его гулямами, нещадно лупили палками ополоумевших людей – расчищали дорогу. За стенами окра-

инного квартала тек канал, испуганная толпа из пригорода ломилась через плавучий мост в ворота.

– Эти твари коснулись земли, о мой халиф! – проорал халифу в ухо Сардар аль-Масуди, командующий Правой, дворцовой, гвардией. – Их видели очень близко! Твари из Тумана скачут прямо к мосту!

Сардар только что вернулся от ворот – до них, кстати, оставалось совсем чуть. Огромный куб первой башни уже маячил в заплывающем фиолетовым небе.

– Не может быть! – крикнул Аммар на пределе легких.

Твари из Тумана никогда не касались земли аш-Шарийа!

– Клянусь Всевышним! – заорал командующий.

– Дор-рогу! Дор-рогу повелителю верующих! – Бритые головы стражников блестели от испарины.

Над головами длинно покотился раскат грома. Кругом завизжали. По плоским крышам металась люди, спешно обрывая занавески и половики, сгребали разложенные для просушки финики. И выставляли – а как же! Дождь пойдет! – кувшины для сбора воды.

– Где воины Яхьи? Где сумеречник?! – перекрикивая свист ветра и вопли, заорал Аммар.

– Увязли в давке у ворот! – прикрываясь ладонью от секущих порывов, прокричал Сардар.

Он почти лежал на шее своей гнедой кобылы. Та косила круглым черным глазом и мотала башкой, с мундштука во все стороны летела пена – в том числе и в лицо халифу. Аммар утерся рукавом – сейчас было не до приличий. И дал шенкелей: напуганная шумом и давкой лошадь дичилась темного перехода под двумя воротными башнями.

В смрадной темноте коридора глохли крики – стражники безжалостно отжимали к стенам стонущих беглецов, гвардейцы отпихивали голосащих феллахов вверх, заставляли взбираться на скамьи, на которых обычно сидела охрана.

– Эмир верующих, ооооо! Всевышний, спаси нас!.. – Похоже, в город набилось все население пригородных усадеб...

С оглушающим грохотом копыт по камню Аммара вынесло наружу, на свет – в дикое месиво толпы и рвущих душу криков. Стражники увязли в плотной, обдирающей одежду с боков давке.

– Всадники! Всадники-ииии!..

Это они про него, Аммара?.. В небе ослепительно шваркнуло, сердце успело провалиться ниже желудка, потом ударило в уши – и на мгновение халиф оглох.

В следующий миг Аммар увидел – Всадников. Так, шипя и вставая все выше, закручиваясь гребнем, идет морская волна. Призрачные твари летели плотной, скрадывающей краски серой стаей – в рваной пене тумана белели скелеты коней и людей, посверкивала сталь.

Среди людей, бегущих по настилу моста – связанные между собой лодки под досками ходили ходуном от топота и волны на воде, – кто-то обернулся. И увидел, что неба больше нет – только набегающий вал теней.

Паника на мосту взорвалась, как горшок с нефтой. Колотя каблуками по бокам хрипящей кобылы, Аммар кричал от отчаяния – в воду темными кулями падали люди, вода кипела под бьющими в последнем усилии руками утопающих.

А потом мост накрыла тишина.

Она текла белесым маревом по доскам, затопляя людей и брошенную поклажу. Текла навстречу туману, в котором струились твари.

Увидев, как текущая тишина вплескивается в серую пену, Аммар понял, что тишина была светом.

– Ангел... – прошептал за спиной Сардар.

– Что?.. – откликнулся халиф.

Ангел.

Ангел шел по мосту – навстречу туману. Наливающаяся ослепительным блеском фигура. Темными пятнами оседали вокруг, съеживались люди.

Ангел света.

Предводитель призрачной охоты медленно въехал на расшатанные доски настила – ржавый налобник на черепе лошади поймал отблеск нездешнего сияния, и Аммар сморгнул слезящимися глазами.

Ангел поднял меч. И раскрыл огромные, полыхающие огнем крылья света.

Всё изогнулось, как в горлышке стеклянного сосуда. Аммар не сразу понял, что истошно кричит – вместе со всеми.

Клинок в руке крылатого вспыхнул тем же саднящим блеском. А потом Аммар понял, что кричит – ангел, на своем странном, неземном, нечеловеческом языке. Звук нездешней, человеку не предназначенной речи оказался невыносимым – вот почему все вопили, вопили от страха и боли.

И в зареве света, терзающем заплывающие слезами глаза, вспыхнуло нечто совсем уж непереносимое – и твари исчезли. Разом. Словно их и не было никогда. Ни теней, ни скелетов, ни стали в серой пене. А с ними исчезли сияние, крылья – и ангел.

Туман стлался низом, оседая на воду канала. На поверхности еще плавали доски и тряпки. Только ошметки поклажи и испуганно ворочающиеся на мосту люди свидетельствовали – здесь что-то произошло.

Словно просыпаясь, все оглядывались и задавали друг другу растерянные вопросы.

А на мосту среди копошащихся, ползущих к своим вещам людей один стоял неподвижно. Уже без крыльев за спиной. С обнаженным, потухшим мечом в опущенной руке.

И смотрел в сторону Аммара.

– Я тебя вижу, – прошептал халиф.

Высокая фигура в обычном дорожном бурнусе не шевельнулась.

– Иногда у тебя получается, – одними губами сказал Аммар.

И тогда нерегиль отозвался.

Шелестом внутри головы:

Я сверну тебе шею, смертный наглец. Сегодня же ночью...

На мгновение они словно оказались лицом к лицу – бледная узкая морда, горящие волчьи глаза.

Жди!

Аммар непроизвольно вздрогнул и отшатнулся:

– Т-тварь...

Сардар тихо проговорил за спиной:

– Какой безумец дал ему меч...

– Ангел, говоришь? – Халиф смерил взглядом враз смутившегося командующего.

– Я пошлю моих людей, о повелитель...

– Нет, – резко оборвал его Аммар. – Найди кого-нибудь из воинов отряда Яхьи, о Сардар.

Высокая фигура с длинным мечом легко, словно не замечая толпы на мосту, двигалась к ним.

– И прикажи им забрать у нерегиля меч.

В ответ на непонимающий взгляд командующего халиф пояснил:

– Самийа связан словом. Он не может убивать стражу. На нем долг повиновения. Прикажи людям Яхьи забрать у нерегиля меч и замотать голову накидкой.

– Замотать... голову? – ошалело переспросил Сардар аль-Масуди.

– Да, – прищурился Аммар. – Чтобы крыльями больше не хлопал.

Разворачивая коня, халиф увидел: тварь остановилась как вкопанная.

Я тебя не боюсь.

На таком расстоянии Аммар не мог разглядеть лица. Но в груди сдавило так, что он был уверен: нерегиль злобно, паскудно улыбается.

Жди!

Ну что ж, вот оно, место их поединка. Смаргивая капли дождя, Аммар запрокинул голову, разглядывая все, словно в первый раз. Или в последний – непрошено свистнуло в голове, но молодой халиф прогнал эту мысль.

В Масджид³ – Ширвани вела лестница из четырех высоченных ступеней. Лестница поднималась между двух каменных стен – идущему к бронзовым дверям приходилось углубляться в тоннель из тесаного камня. В проходе могли разъехаться два всадника, но сейчас между булыжниками кипела дождевая вода, скользили листья из разоренных ветром садов. Казалось, что стены сдвинулись и между ними стемнело.

Черно-фиолетовое небо лежало на низком тяжелом куполе, серый камень стен лиловел в мрачных отсветах неба, струи и разбивающиеся о карнизы капли дождя стерли для человеческого глаза резьбу над входом. В сгущающейся гулкой тьме ливня плиты под ногами казались черными. Большой вход уходил в небо отвесной стеной, с которой на ступени хлестала вода.

Вытерев лицо и опустив голову в тяжелой мокрой чалме, халиф вошел в каменный коридор.

Оба мага ожидали Аммара внутри дома молитвы – два бледных профиля над золотой парчой раскинувшихся по полу мантий. Между ними на высоком каменном столе вместо Книги Али лежал свиток Договора. Деревянные ручки держали его развернутым. Рядом виднелась рукоять большой государственной печати – и красный шелковый шнур, который должен был скрепить сургучный оттиск.

Первым заговорил лаонец:

– Мы знаем, что нерегиль не дал согласия на клятву верности. Сегодня ночью вы вступите в поединок.

Стены и ведущие из Двора Звездочета выходы маги уже опечатали колдовскими бумажками, сплошь изрисованными хвостатыми буквами и жутковатыми изображениями широко открытого глаза. Теперь, войдя во двор перед масджид, нерегиль не сможет его покинуть – даже если захочет.

Во Дворе Звездочета не осталось ни души – Яхья потребовал выставить оттуда всех: картографов, писцов, своих домочадцев – всех до последнего невольника. Даже страже было велено стоять на стенах – но ни в коем случае не спускаться вниз. И конечно, ни под каким предлогом не подходить к дому астронома с куполом обсерватории. И уж тем более держаться подальше от Масджид-Ширвани. Не спускаться, не подходить, не ступать на камни – что бы они ни услышали и ни увидели.

– У нерегилия есть три ночи, до первых петухов, – кивнул Аммар. – Вы мне уже рассказывали.

– Это... тяжелый Договор. Плохой. Потому что бессрочный, – снова покачал золотистой головой лаонец.

Тяжелое наверхие заколки у него на затылке заискрилось, переливаясь под огоньком светильника.

– К делу, Морврин, – металлически звякнул голос аураннца.

Аммар внутренне подобрался: чернявый маг явно не мог решить, кого он больше ненавидит: людей или своих лаонских сородичей, – такая в его голосе звенела ненависть. Впрочем, халифу говорили, что эти двое не убили друг друга лишь по чистой случайности.

---

³ Другое название для мечети или места для общей молитвы верующих.

Однако лаонец, словно ничего не заметив, согласно кивнул. И сказал:

– Я обязан повторить тебе снова. У нерегиля есть три ночи. По условиям магического поединка ты должен выйти и встретиться с ним лицом к лицу. Противник не имеет права отводить глаза и захватывать разум. Но он имеет право тебя запугивать. Словами. Видениями. Вопросами. Кроме того, нерегиль имеет право вызвать любых союзников – правда, они тоже должны соблюдать условия поединка. А еще он не имеет права врать. Все, что ты услышишь в эти три ночи, есть чистая правда. Ты сможешь задать любые вопросы – и получишь на них нелживые ответы. Это плата за то, что тебе придется открыть двери и выйти к нему. А он будет рваться сюда, чтобы дотронуться до этого свитка, – лаонец постучал длинным, покрытым золотой краской ногтем по пергаменту Договора.

Аммар кивнул, показывая, что все понимает. Золотоволосый маг продолжил:

– Тебя защищают три печати Али – перед входом в каменный коридор, перед ступенями лестницы и перед дверью. А нерегилю нужно преодолеть их, чтобы войти. Помни – отступив за охраняемую печатью черту, ты приглашаешь его за собой. Он пойдет на любые уловки, чтобы заставить тебя сделать шаг назад. Помни, что последний шаг может оказаться для тебя гибельным.

Аммар снова кивнул. Лаонец продолжил все тем же бесстрастным металлическим голосом:

– Помни – нерегиль не должен дотрагиваться до свитка с Договором. Как только он наложит руку на свиток – ты проиграл. Но если на третью ночь, ко времени, как закричит первый петух, Договор не попадет к нему в руки, – нерегиль твой.

Затем оба мага поклонились – одновременно, как это они умели. Подобрав длинные парчовые полы, сумеречники неспешно удалились в черноту михраба⁴ – под золотой стрелой, указывающей направление молитвы, за стены масджид уводил тайный ход.

Заскрипели, распахиваясь, наружные двери, вошел мокрый и несчастный Яхья.

Аммар молча сел на пол.

Его старый наставник горько вздохнул и отдал земной поклон.

– Помнишь, ты рассказывал мне сказку о рабе, который раз в год говорил большую ложь? Помнишь, о Яхья? – тихо спросил Аммар.

Астроном лишь снова вздохнул.

– Почему ты не сказал мне правду? Почему не сказал, какое это чудовище?

Яхья улыбнулся и ответил:

– Мое молчание было не целой ложью, о мой халиф. Это была половина лжи – как в той сказке. Какой смысл в правде, о мой повелитель, если в эти три ночи нерегиль все равно не сможет пользоваться волшебной силой в полной мере?

– Ты помнишь, что сказал хозяин тому рабу в ответ?

– «Это не половина лжи, это бедствие из бедствий», – вздохнул Яхья.

Аммар поежился – внутри масджид холодало. На стенах горели плоские светильников – окна потухли с началом ливня, их щели затянуло серой пеленой неурочной непогоды. Снаружи шипел, бурлил и стучал дождь.

– Скоро ночь... – пробормотал он.

Вдруг Яхья поднял голову и проговорил – голосом из тех времен, когда он учил Аммара счету и уставному почерку:

– Дитя мое. Я ничего не сказал не потому, что жалел тебя. И не потому, что боялся за исход боя. Я промолчал, ибо исход всякой жизни предопределен Господом миров, и тут уж ничего не изменишь. А страх никакой пользы не приносит.

---

⁴ *Михраб* – ниша в стене мечети, указывающая направление молитвы (верующий во время молитвы должен стоять лицом к Каабе).

Они долго смотрели друг другу в глаза. Потом Аммар кивнул. И сказал:

– Я благодарен тебе, о наставник.

Яхья ибн Саид медленно кивнул в ответ. А затем поднялся и направился к выходу из масджид.

Старик распахнул двери, и в них влилась чернота вечера.

– Да поможет тебе Всевышний, Аммар. Он милостивый, прощающий.

Халиф молча кивнул.

Наступала темная ночь.

– Я тебя не боюсь, – тихо сказал Аммар затаившейся где-то во тьме твари.

Двери заскрипели и грохнули закрываясь.

– Ну? Приходи. Я тебя не боюсь, – упрямо повторил халиф.

Ночь первая

В двери масджид ударил камень – бронза глухо звякнула в ответ. Снаружи донеслись визг, вой и хохот. Аммару стало интересно, кто празднует попущение Всевышнего во Дворе Звездочета. У взбешенного самийа наверняка подобралась многочисленная свита.

– Амма-а-ар... – ласково позвали с той стороны. – Ты так боишься меня?

Как и предупреждал ауранец, от мягкого голоса его отделяли три печати Али. Трижды разделенный письменами куфи круг, и в каждой из частей каменная вязь повторяла: Али, Али, Али. Отсекаю путь всякой злой воле, и всякому злomu намерению, и всякому волшебству я отсекаю путь – да совершится здесь лишь воля Всевышнего.

Нерегиль бесился у первой черты.

– Челове-е-чек!

Неожиданно вопли стихли, настала полная тишина.

Дождь давно кончился, и могло показаться, что дворец и город обезлюдели.

В глухой полуночной тьме звякнул колокольчик. Тинь. Тинь. Тинь. Словно ветер играл с ветвями дерева у гробницы.

За дверями послышался тихий вздох.

– Дитя мое... Аммар?..

Что там говорил лаонский маг?

«Все, что ты услышишь в эти три ночи, есть чистая правда.

Ты сможешь задать любые вопросы – и получишь на них нелживые ответы. Это плата за то, что тебе придется открыть двери и выйти к нему».

Ну что ж. Нужно выходить, о Аммар ибн Амир. Даже если за дверями тебя ждет призрак покойной матери, которой ты никогда не видел. Текеш-ханум умерла родами. Твоими родами, Аммар.

Халиф аш-Шарийа толкнул створки, и они без скрипа и усилия, как во сне, распахнулись.

В мягком свете большой луны одежды женщины казались сероватыми и потрепанными. Колокольцы на столбах погребальных носилок зазвенели – порыв ветра вытянул занавеси. Покойница сидела на подушках. С колокольчиком в руке – тинь, тинь, тинь. Ветер дохнул еще раз, белое полотнище откинулось и запуталось в ветвях ивы.

Женщина подняла голову, и ткань медленно сползла на плечи, открывая длинные темные волосы. Аммару было знакомо ее лицо – пять лет назад отец отвел его в тайное хранилище и показал портрет матери. Юноша вернулся живым из первого боя – с победой. Отец сказал: «Теперь ты мужчина и имеешь право знать все». До Аммара доходили слухи, что халиф любил его мать любовью безумца, какой не пристало мужчине любить женщину. В безумии своем отец вызвал во дворец художника-самийа и попросил написать портрет любимой. Халиф хотел, чтобы лицо Текеш-ханум сопровождало его в дальних походах, – и преступил запрет Али:

не изображать живых существ. Текеш-ханум умерла в родах, оставив безутешному супругу Аммара и шелковый свиток в ладонь длиной, с которого она глядела как живая: большие карие глаза газели, волна темных волос, стекающих прядями на плечи и грудь. Люди шептались, что халиф положил нечестивое изображение в могилу Текеш-ханум. Но Аммар с того самого дня знал, что под могильной плитой лежит лишь тело матери, а сердце отца и ее лицо хранятся в подземном склепе среди рукописей язычников и опасных предметов силы.

– Дитя мое, – Текеш улыбнулась и раскрыла руки. – Я рада, что смогла увидеть тебя. Мне горько было уйти, не услышав твоего первого крика.

Она спустила ноги с носилок и пошла по неровному скользкому бульжнику. У самых ступеней женщина поскользнулась; бросившийся вперед Аммар успел подхватить ее за руку.

Они опустились на верхнюю ступеньку, Текеш рассеянно водила рукой по резьбе на тяжелой каменной глыбе. Две Сестры – так звали эти парные монолиты, лежавшие у входа в масджид.

– Сдается мне, ты совершаешь ошибку, дитя мое. Я бы не хотела, чтобы ты окончил свои дни как отец.

– Его убили? – Ходили и такие слухи в народе.

– Нет, – покачала головой женщина. – Но он хотел смерти. Он остался один, и жизнь тяготила его.

В последние годы отца действительно окружала прозрачная стена одиночества, сквозь которую уже никто не мог пробиться.

– Он отдал все ради власти. И лишь в конце жизненного пути понял, что обменялся дарами с Иблисом.

Аммар ужаснулся:

– О чем вы, матушка?..

– Ни о чем таком, что можно положить в тайник, – покачала головой Текеш. – Умереть задолго до собственной смерти можно, не дотрагиваясь до проклятого золота или оружия. Власть убивает человека исподволь.

Аммар не сумел выдержать ее взгляд и опустил глаза. Потом сжал зубы, зажмурился, глубоко вздохнул и выдохнул – заветное, чаемое бессонными ночами:

– Я хочу знать то, о чем умалчивают все вокруг.

– Когда лекари и повитухи сказали, что спасти можно либо жизнь роженицы, либо жизнь ребенка, Амир воскликнул: «Женщин у меня предостаточно, спасайте сына!» Для меня он построил мавзолей из мервского мрамора и лишь с годами понял, что навещает его чаще, чем харим.

– А что мой дядя?..

Они поднялись. И неспешно вошли в каменную тень прохода.

– Твой отец приказал убить его.

– Это правда, что его убили прямо в михрабе, где он искал убежища?

– Да, – Текеш наклонила голову. – И меня печалит, что ты не спрашиваешь о главном – была ли за ним вина?

– Прости, мама, – Аммар сел на первую из четырех ступеней, ведущих к арке входа, и обхватил руками голову.

Сероватая ткань савана мокла на камнях у его ног.

– Так была?..

– Нет, – покачала головой женщина. – Твой отец поверил напраслине. Старый Муса, хоть и приходился ему старшим братом, был смиренным и безобидным человеком. Он никогда не искал власти. Обоих сыновей Мусы твой отец приказал казнить тоже по ложному навету – они вовсе не желали завладеть Хорасаном и отделиться.

Аммар встряхнулся и поднялся на ноги.

– Я хочу помолиться за тебя. Пойдем, – и Текеш протянула ему руку, кивая на распахнутые двери масджид.

Аммар кивнул, сделал шаг назад и... поскользнулся.

С маху сев задом на холодный камень, Аммар зашипел от боли в копчике и в ладони. В руку ему впились какие-то острые борозды – глянув вниз, он обнаружил, что припечатал ладонью резьбу на плите пола перед лестницей.

Ошалело таращась на собственные пальцы, распластанные среди каменных завитков вязи, Аммар понял, что его задница расположилась прямо посередине Печати Али – причем *второй по счету!*

А первая – осталась позади! Перед входом в каменный коридор! На верхней ступеньке, на каменной Сестре, где они сидели с матерью! *Матерью?! Призраком!* Наведенным нерегилем мороком! Призрачная женщина заманила его! Заставила отступить за первую Печать!

Поднять глаза и посмотреть, что случилось с коварным привидением, Аммар не решился. Истошный крик петуха застал его уже на ступенях масджид.

Крича: «Да будет благословенно имя Всевышнего и его посланца!» – халиф рванулся к дверям и захлопнул их за собой, повторяя Девяносто Девять имен. Впрочем, он едва ли дошел до второго десятка – съехав спиной по холодным створкам, Аммар ибн Амир сел на пол и потерял сознание.

Ночь вторая

– ...Амма-ар! – Голос самийа истекал ядом и насмешкой. – Ну же, неужели ты так и не выйдешь к нам?

Кто такие «мы», Аммар не хотел даже представлять. Судя по звукам, за дверями клубилось иблис знает что. Впрочем, нерегиль прав. Нужно выйти наружу.

Голос самийа хлестнул зло и жестко:

– Выходи, смертный наглец!

Аммар толкнул двери и шагнул за порог.

Гадина стояла у нижней ступени, прямо перед Печатью Благословенного. Впрочем, на следующий шаг у твари не было ни сил, ни прав. За второй охранный знак Аммар – слава Всевышнему! – вчерашний призрак не пропустил.

Здрав бледную морду, нерегиль смотрел на халифа снизу вверх. Широко распахнутые глаза не отражали ничего, лицо тонуло в мерзкой переливающейся дымке, похожей на болотный огонь в тумане.

За спиной самийа собралось все, что могло собраться. На стенах висели, уцепившись когтистыми лапами, диковинные твари с заглавных букв в книгах из собрания Яхьи. В самом проходе скакали одноногие рогатые уродцы, за ними носились маленькие всадники в белых чалмах. Ну конечно, миниатюры из Нишапура, правоверный сражается с порождениями иблиса за любовь Всевышнего. Под копытцами лошадок ползали, посверкивая в лунном свете чешуёй, сколопендры и ядовитые змеи. Две рыбы на тонких ножках играли в чехарду прямо у лестницы. С каких страниц соскочили эти порождения большого разума, Аммар не помнил.

– Аммар, у твоего отца было две жены, не считая рабынь, которыми он занимался между шербетом и докладом вазира. А ты – единственный сын? Поверить не могу, – и нерегиль погрозился длинным белым пальцем.

Руки у него тоже светились – противным кладбищенским светом гнилушки.

– Где твои братья? – вкрадчиво осведомился самийа.

– Ты не откроешь мне ничего нового, – мрачно ответил Аммар, хорошо усвоивший уроки прошлой ночи. – Мои двоюродные братья были казнены по ложному навету.

– Любовь отца к сыну может принимать самые причудливые формы, – исчадие ада расплылось в улыбке. – Старика Амира не устраивала даже не воплощенная в намерения мысль об угрозе с их стороны. Ты ведь присутствовал в собрании, когда твоему дяде Мусе принесли голову его сына?

Аммар присутствовал. Старик вышел из задних рядов, приблизился к трону, отдал церемониальный поклон и попросил дозволения забрать с блюда голову сына. После милостивого кивка халифа он положил голову на край плаща и несколько раз обернул ее тканью. Рубашка сползла с одного плеча, обнажив дряблую морщинистую кожу. Из сострадания один из царедворцев сказал: «О несчастный! Позволь мне помочь тебе!» И накинул на плечи старика свой плащ. Милосердие дорого обошлось тому человеку – его и второго сына Мусы казнили вместе, на одном помосте.

– А где твои младшие единокровные братья? – Самийа ядовито улыбнулся.

– Они умерли естественной смертью, – вскинулся Аммар.

– Да ну, – между бледных губ, казалось, вот-вот покажется раздвоенный змеиный язык.

И нерегиль пошевелил пальцами поднятой руки.

Из них засочилась белесая дымка. В этом тумане халиф аш-Шарийа увидел горный склон, на склоне замок, под стенами речку с перекатами камней. На стене замка что-то блеснуло. Приглядевшись, Аммар заметил двух прогуливающихся вдоль зубцов малышей в нарядной одежде голубого шелка. За ними вереницей поспешали няньки в расшитых золотом платках. Дети держались за руки, женщины смеялись, перекидываясь апельсинами и орехами. Вдруг у одной из башен процессия остановилась – между зубцов показались мужчины: видимо, поднялись по лестнице с внутренней стороны стены. Женщины смешались и принялись оглядываться – за их спинами тоже замелькали шлемы и острия копий.

Несчастных хватали и сбрасывали вниз, на камни обрыва и в реку. Кто-то упал во внутренний двор. Малышей взяли за руки и за ноги и перекинули через каменный парапет. Тело одного из них долго билось между камнями внизу, застряв на перекате, – наконец голубой кафтанчик смыло вниз по течению. На обрыве ветер трепал обрывок золотистого шелка. Еще через некоторое время в ущелье со стены полетели тела тех, кто упал во двор, – кто-то еще был жив и дергался. Им заматывали головы окровавленными платками и сбрасывали вниз.

А потом река снова потекла серебристо-зеленым. Даже шелковый лоскут унесло ветром и утопило между порогами. Стена замка оставалась безлюдной. Где-то в пустом небе кричал ястреб.

– Мне сказали, что они утонули, – хрипло выдавил Аммар.

– Вместе с няньками и мамками? – ласково поинтересовался нерегиль. – Ах, прости... про рабынь ты спросить забыл... или не захотел вспомнить, а, Аммар?!

Последние слова самийа выкрикнул. Аммар отшатнулся, закрывая лицо руками, – и отступил.

Нерегиль шагнул через Печать.

– Признайся, наследный принц, ты ведь обрадовался, а?

Аммар замотал головой.

– Ты обрадовался! – рявкнул самийа. – Ты обрадовался, потому что подслушал разговор братьев матери – а они сговаривались убить малышей.

– Я ничего не слышал! – выкрикнул Аммар.

И отступил еще на шаг. Самийа поднялся вверх на ступень.

– Лжешь! – хлестнуло в ответ. – Лжешь! Не смей мне лгать! Ты слышал достаточно, чтобы подозревать и сказать об этом отцу. Но ты промолчал. Ты побоялся, что отец откроет следствие и прикажет казнить тебя вместе с дядюшками – потому что Амир любил своих младших. «Мои последыши, мое утешение в старости» – так он говорил? Сначала утешение, а потом, глядишь, и наследники, правда? А ты так боялся, так боялся оказаться лишним, верно я говорю?

Аммар пошатнулся и качнулся назад. Нерегиль шагнул вверх.

– И тебе полегчало на душе, когда сказали, что мальчики сбежали от прислужниц на речку и утонули. Ах да, я вспомнил вместо тебя: негодных рабынь побили камнями – как удобно, правда? А еще удобнее то, что матери обоих мальчиков удавились в тот же вечер, как получили известие об их смерти. И ты – ничего – не спросил.

Халиф аш-Шарийа кивнул и отступил. Самийа сделал еще один шаг вверх.

– Хотите избавиться от напастей с моей помощью? Не выйдет! Нет ничего омерзительнее в глазах Единого, чем лицемерие и фальшивая праведность. Сколько раз вы молитесь на дню? И сколько раз убиваете? Единый покарает тебя и весь твой род за преступления, которые вы совершаете, прикрываясь Именем!

Аммар пошатнулся и ухватился рукой за холодную бронзу дверной петли. Самийа поднялся на последнюю ступень и встал с ним лицом к лицу.

– На вас идет страшная напасть из степей, и никто и ничто вам не поможет! Вас смое! Ибо вы – лицемеры!

Ледяные, ненавидящие глаза.

Аммар прошептал: «Я виноват, горе мне».

Над ним каркнула ворона, и на щеку шлепнулось что-то холодное и влажное, словно здоровенная сопля. «Тьфу ты, пропасть», – сказал себе Аммар и мазнул по гадости рукавом.

Во дворе покинутого дома Яхьи пронзительно заорал петух. Хлопанье крыльев и суетливое квохтанье эхом заметалось между стенами. Аммар опустил взгляд и увидел у себя под ногами разделенный на три части каменный резной круг.

Печать Али, похолодел халиф. *Третья.* Это значило, что он, сам того не сознавая, отступил от второй. Нерегиль опять заморочил ему голову видениями – и подобрался еще ближе!

Но теперь отступать больше некуда, Аммар. Под ногами у тебя – последняя Печать. Последний оплот.

Халиф нашел в себе силы посмотреть в лицо тому, кто стоял по другую сторону охранного знака.

– Я не отступлю. Ты не пройдешь – во имя Всевышнего, милостивого, милосердного.

Нерегиль криво улыбнулся – и нарочито медленно повернулся и пошел вниз по ступеням.

А у подножия лестницы взглянул вверх, оскалился – и в голове Аммара звякнуло:

Завтра вернусь, человек.

Жди!..

Ночь третья

...Все-таки странно, о какой чуши может думать временами человек. Сейчас Аммар, сидя на ступеньках под каменным столом, задавался вопросом: откуда самийа раздобыл флейту?

Дудочка насвистывала что-то убаюкивающее и грустное – как колыбельная нежеланному ребенку. Спи, малютка, закрой глазки, не проснешься ты с утра, я сложу тебе в могилку дудочку из серебра; не ходи ты больше к маме, оставайся за окном, нет у мамы больше ляли, утащило ветерком.

Вздыхающая мелодия словно бы водила пальчиком вдоль спинного хребта, посылая по коже мурашки. Ааххх, шепнули тростники напоследок – и флейта умолкла.

Перед закрытыми дверями стояла плошка с маслом. Фитилек задиристо торчал вверх, огонек прыгал в блюде света. Аммар пошевелился, и вместе с ним задвигалась тень на бронзовых створках.

Петли скрипнули, в раздвинувшуюся щель просунулась бледная светящаяся рука и начала нашаривать задвинутый засов. Пока цепкие пальцы нашупывали скобы и подталкивали неподатливую деревяшку, Аммар успел рассмотреть оголившееся под съехавшим рукавом запястье. Оно и вправду было располосовано побледневшими, но еще розовыми, как крысиный хвост, шрамами. Причем изрезано и вдоль, и поперек. Яхья рассказывал, что сначала нерегиль вскрыл вены неправильно и почему зря раскромсал сухожилия. Зато в следующий раз самийа сделал все по науке. Даже нашел подходящую мелкую заводь с теплой водичкой. Астроном говорил, что хватились они слишком поздно: вокруг все уже плавало в кровище. Еще Яхья сказал, что выжить нерегиль не мог, – из черного недельного беспамятства сумеречника кто-то вытолкнул. Впрочем, почему «кто-то»? Самийа метался в бреду и закрывал лицо, пытаясь скрыться от взгляда, который жег сквозь руки, заставляя шептать несвязные оправдания. Очнувшись, нерегиль сказал Яхье, что у ангела смерти на лице нет глаз – он смотрит крыльями, и глаз на них десятки. Потом две недели молчал. Шел, не глядя по сторонам, время от времени спотыкаясь и шлепаясь в дорожную пыль, – но не позволял к себе прикоснуться.

Засов заскрежетал. Белые длинные пальцы поддели его, и деревяшка с грохотом упала на пол. Створки натужно заскрипели и разошлись, цепляя неровный камень порога. Между ними, уцепившись за дверные кольца руками, как нетопырь лапами, повис нерегиль. Паскудно улыбнувшись сидящему Аммару, тварь уставилась на то, что лежало на каменном возвышении.

Полированные ручки свитка с Договором отблескивали в свете масляной лампы.

Аммар потеребил кисточку шнура печати и ехидно поинтересовался:

– Ну что? Хочется, да колется?

За спиной у нерегиля висела желтая луна величиной с айву. Самийа отбрасывал взломаченную длинную тень – спутанная всклокоченная грива колыхалась при каждом движении головы. Гадина с интересом осматривала внутренность масджид. Налюбопытствовавшись, самийа снова уставился на развернутый на камне Договор. Ну-ну, что ты придумал на этот раз, давай поглядим.

– К тебе гости, Аммар.

В темноте у ступеней масджид что-то стояло. Приглядевшись, Аммар узнал треугольные очертания паланкина.

Боковая циновка откинулась, изнутри кто-то выглянул. Аммару показалось, что профиль был женским.

Оказалось, он угадал. Женщина вытекла наружу и медленно поднялась на ноги. Потом развернулась лицом к масджид и пошла вверх по ступеням. Когда ее лицо показалось над порогом, Аммар уже знал, кто это.

– Жестокосердый, безжалостный... Зачем ты отослал меня, о любимый?..

Нерегиль посторонился, пропуская женщину в дверной проем. Наглухо замотанная в покрывало фигура заколебалась в желтом лунном свете. Она ломала руки и оглядывалась. Казалось, женщина нетвердо держится на ногах.

Аммар поднялся и подошел к дверям.

– Ты обещал, что прийдешь за мной не позднее осени...

Ну, здравствуй, Наиля.

Халиф навещал ее в пригородной усадьбе, пользуясь попустительством прислужниц и управляющего. Братья девушки вечно находились в отъезде – купцы всегда в отъезде. Когда оказалось, что Наиля ждет ребенка, Аммар задумался: а нужен ли ему сын от простолюдинки? Он слишком хорошо помнил, как плохо иметь единокровных братьев – и сколько из-за родства по отцу может пролиться крови. Наследником трона будет сын от благородной женщины, и что ему делать со старшим братом от простой наложницы? И Аммар приказал отослать женщину подальше, в глухомань – и там продать кому-нибудь в харим. Наиля была красивой и ласковой, из нее получилась бы преданная и покладистая жена. И плодови́тая к тому же – он занимался ею

только четыре месяца, и поди ж ты, она уже понесла. Аммар хотел как лучше: в конце концов, она была всего лишь дочерью купца и сестрой купца – место жены в хариме какого-нибудь толстосума ей было определено самими звездами, и то при самом благоприятном раскладе. Учитывая, что Наилия уже потеряла девственность и носила ребенка. Впрочем, ей было не более семнадцати, и при взгляде на ее грудь любой мужчина ощутил бы огонь в чреслах.

Ему доложили, что женщина поплакала, а потом утешилась. «Ее продали?» – поинтересовался он. Да, последовал ответ, она в хороших руках.

Тень на пороге качнулась – послышался всхлип.

– Почему ты не взял меня к себе, как обещал?

– Разве ты не попала в хорошие руки? Мне сказали...

– Ах да, тебе сказали... – Ядовитый шепот нерегиля заползал в уши, как сколопендра. – Тебе не солгали, Аммар. Она действительно попала в хорошие руки – в руки Всевышнего.

– Нет, – Аммар замотал головой, отступая.

– Зачем ты не вступился за меня и не объявил о нас? – Голос звучал странно, женщина пришепывала и с трудом выговаривала слова.

– Я... не...

– О любимый, почему, почему... мои братья взяли меня у тех людей и отвезли в горы...

Аммар попятился, а женщина, пошатываясь, перешагнула через последнюю Печать и вошла в масджид.

– Что они с тобой сделали? – обреченно спросил он.

– Они забросали ее камнями в колодце, – отозвался холодный голос самийа.

В тот же миг в масджид стало светло как днем. Женщина подняла лицо, и Аммар увидел, что ее рот разбит и в нем не хватает зубов, череп проломлен надо лбом, руки и ноги перебиты, а покрывало заляпано кровью. Наилия пошла к нему, протягивая грязные руки.

Аммар уперся спиной в камень и понял, что это конец.

– Всевышний, – прошептал он, – я не достоин. Я не достоин ни прощения, ни власти, ни жизни. Я червь и прах. Возьми мою жизнь, Всевышний, но спаси мой народ. Спаси его ради тех, кто не заслужил смерти под мечами джунгар. Если найдутся в аш-Шарийа десять праведных, ради десяти праведных помилуй нас, милостивый, милосердный.

Лицо Наилии приблизилось вплотную.

– Поцелуй меня, о любимый, – прошептали синие губы.

Петух заорал так, словно его хотели зарезать. Лицо женщины пошло волнами и лопнуло вспышкой.

Квохтанье куриц заглушил вопль нерегиля.

Аммара дернули за плечо и потянули куда-то в сторону и назад. Потом он увидел себя за каменным столом – свиток Договора разматывался вниз, буквы вязи расчерчивались тонкими линиями слепящего сияния. Строка за строкой, они загорались нездешним светом:

«Я клянусь служить халифам аш-Шарийа преданно и верно и, ежели понадобится, не щадя силы и жизни;

Я клянусь не причинять вреда халифу аш-Шарийа ни словом, ни делом, ни волшебством, ни оружием;

Я клянусь не вступать в сговор против аш-Шарийа и не держать руки врагов аш-Шарийа; Я клянусь Престолом Всевышнего, что стану охранять Престол аш-Шарийа;

И пусть халиф аш-Шарийа не потребует от меня службы против моей чести и не сделает меня через свой приказ преступником перед заповедями Всевышнего;

И ежели нарушу я эту клятву, да покарает меня Судия, а ежели исполню, то пусть повелитель верующих наградит меня щедрой наградой».

Когда отзвучало последнее слово, Аммар понял, что клятву мерно зачитывал чей-то высокий металлический голос. Ауранец вышел из-за плеча и встал справа. По левую руку золотой статуей застыл лаонец.

– Запечатывайте, – снова зазвенел железом голос, и Аммар увидел, что это говорит аураннский маг.

Самийа хрипел и брыкался в чьих-то руках, но его подтащили ближе и прижали обе ладони к поверхности каменного стола. Из-под левой потекли струйки крови. Нерегиль пронзительно закричал и выгнулся.

– Левую руку, – приказал ауранец. – Приложите к Договору его руку силы.

Хрипы, крик. Темно-красные струйки потекли по пергаменту. Вдруг крики оборвались, нерегиль замолчал, слышалось только его трудное, загнанное дыхание.

– Я, Илве, свидетельствую заключение Договора с этим самийа.

– Я, Морврин-ап-Сеанах, свидетельствую заключение Договора с этим самийа.

Ауранец, а потом лаонец подали кому-то ладонь: лезвие кинжала оставляло красные полосы, те быстро набухали каплями. Приложив камни перстней к ранам, маги оставили кровавые отпечатки на пергаменте по обе стороны от истекающей красным ладони нерегиля. Руку сумеречника намертво прижали к свитку, но, похоже, самийа уже не мог сопротивляться и лишь бессильно висел в руках у стражников.

– Теперь читай, – снова прозвенел голос мага.

Аммар выдохнул и четко произнес:

– Я, Аммар ибн Амир, халиф аш-Шарийа, свидетельствую заключение этого Договора и запечатываю его следующими Именами Всевышнего: Милостивый, Величайший, Миротворящий, Дарующий безопасность...

И вот тогда нерегиль снова закричал. Закричал так, что люди, слышавшие его, не могли забыть услышанное до конца жизни и молились о том, чтобы ни они, ни их близкие никогда не испытали бы мучений, заставляющих живое существо исходить в таком крике.

К тому времени, как Аммар произнес последнее, девяносто девятое Имя, нерегиль потерял голос и только хватал ртом воздух, как пойманная рыба. На пергамент опустилась Большая печать, раздавив сургучный отпечаток с пропущенным внутри шнуром. Стражники отняли от свитка сведенную судорогой ладонь самийа.

Взяв свиток Договора за обе ручки, Аммар смотал его и сделал знак стражникам отпустить нерегиля. Тот обвалился на пол, не издав ни стоны, ни звука.

– Отнесите это в сокровищницу, – приказал Аммар, перекладывая свиток на бархатную подушку. – Объявите, что этот день и два последующих – дни праздника. Раздайте милостыню, и пусть все нуждающиеся придут к воротам дворца, дабы получить еду и одежду. Наши уважаемые гости получают обещанную награду, и пусть никто не сможет упрекнуть меня в скупости, – оба мага благодарно склонили головы.

Обойдя каменный стол, Аммар посмотрел себе под ноги.

Самийа лежал на боку, не подавая признаков жизни. Волосы, залепившие мокрое от крови и слез лицо, не шевелились дыханием. Намертво сжавшиеся в кулаки руки едва высовывались из рукавов грязной дорожной накидки.

– Пусть... он... лежит здесь. Когда очнется, передайте ему мой приказ – привести себя в порядок и присутствовать на пиру.

Аммар перешагнул через скорчившееся тело и пошел к выходу из масджид. Двор перед его глазами заливало утреннее солнце.

Столпившиеся внизу люди опускались на колени, кланялись, касаясь лбом земли. Отовсюду слышались слова благодарности Всевышнему – и почему-то плач. Аммар протер засыпанные песком бессонницы глаза и заметил Яхью – тот стоял на коленях прямо перед ступенями лестницы. Его старый наставник тоже плакал.

– Поднимись, учитель, – Аммар протянул руку. – И почему по твоим щекам текут слезы, ведь сейчас время радости?

Астроном лишь покачал головой, продолжая глядеть ему в лицо.

Дойдя до пруда под старой ивой, Аммар посмотрел на свое отражение в воде и понимающе кивнул. Его черные волосы девятнадцатилетнего юноши стали седыми, как у дряхлого старика.

... Среди грохота бубнов и свиста флейт можно было разговаривать спокойно, не опасаясь быть подслушанными.

– Откуда он узнал? Откуда нерегиль узнал все это?

Яхья осуждающе покачал головой:

– О мой повелитель, не задавайся праздными вопросами. Какая польза выйдет, если ты узнаешь ответ?

– Я и так знаю ответ, – мрачно сказал Аммар и подлил себе еще вина. – «Он имеет право призвать любых союзников» – эти сумеречники сказали истинную правду. Вот только забыли упомянуть, что они и есть те самые союзники. Хорошо же они подготовились, все разузнали...

– Маги исполняли свой долг, и ты не вправе винить их, – мягко заметил старый астроном. – У аль-самийа свои законы, и это не законы людей. Мы попросили их помочь в этом деле – они и помогли, но так, как принято в Сумерках...

К вечеру второго дня праздника у Аммара начала кружиться голова – в обычные дни он не позволял себе одурманиваться вином. К тому же над дворцовыми садами плыл одуряющий аромат роз. В плещущей воде огромного, длинного, в двадцать локтей, пруда отражались черные свечи кипарисов и огни факелов и ламп.

Поэтому он не сразу заметил, что в павильоне лилий стало необычно тихо. Потом халиф увидел, что у края ковра стоит на коленях его доверенный невольник, Хисан.

– Почему у тебя перекошено лицо, о Хисан? – пытаясь шутить, спросил Аммар.

Шутка не удалась, а холодок, поселившийся под сердцем с самого рассвета, превратился в огромную склизкую жабу. Жаба толкнулась в груди – и халиф понял, что нехорошие предчувствия начинают сбываться.

– Во Дворе Приемов гонец, о повелитель, – Хисан заплакал.

И положил на ковер окровавленный грязный сверток когда-то зеленого шелка. Аммар извлек оттуда свиток и углубился в чтение.

Потом поднял голову и посмотрел на раба. Хисан был родом из Мерва. Если верить письму – и гонцу, за дурные вести ожидавшему смерти в нижнем дворе, – Мерва, жемчужины Хорасана, больше не существовало. Луну назад его взяли джунгары.

– Где... он? – поинтересовался Аммар у командующегоевой гвардией.

Сардар аль-Масуди ответил с низким поклоном:

– Там, куда ты приказал его отвести после вчерашнего торжества, мой повелитель. В Алой башне.

– Передайте ему мой приказ быть в Львином дворе до окончания этой стражи. Я собираю военный совет.

Аммар помолчал и добавил:

– И пусть Всевышний поможет ему оправдать мое доверие. Потому что, если он не сумеет отбросить джунгар, клянусь четвертым Именем, именем Судии, – я повешу его на том, что осталось от стен Мерва, за ноги.

2. Жемчужина Хорасана

...Шлепнувшись на подушку, Абд-аль-Барр, чиновник военного ведомства, поднял тучу пыли. Раскладывая перед собой принадлежности для письма и бумагу, он задумался о нераскрытости смотрителя дворцовых покоев. А если треснуть по ковру, какая туча поднимется? Хорошо, что повелитель верных избрал местом сбора открытый свежему воздуху Львиный двор, – над городом давно сомкнулась ночь, и прохлада позволила всем рассестись не во внутренних комнатах, а в самой галерее вокруг знаменитого фонтана.

От размышлений Абд-аль-Барра отвлекли шум и перешептывания. Все, кто успел устроиться на коврах и подушках, смотрели в одну сторону.

Между командующим Правой гвардией и командующимлевой гвардией уселся некто еще не знакомый чиновнику. Абд-аль-Барр присмотрелся и понял, что видит источник недельного переполоха дворца и столицы – самийа, вывезенного из западных земель Яхьей ибн Саидом. Ничего особенного он не разглядел: самийа как самийа, в ведомствах посланий и имений халифа сумеречные лица мелькали куда как часто.

Вошел повелитель верующих, и все отдали земной поклон. Аммар ибн Амир сел лицом к востоку и подал знак начинать.

Потом говорили, что халиф зря сохранил жизнь гонцу, принесшему известия о взятии Мерва. Впрочем, многие соглашались, что Аммар ибн Амир проявил великодушие и милосердие пред лицом Всевышнего.

Гонец, пыльный и потный, в затрепанной накидке поверх кольчуги, рассказывал об ужасающем поражении и страшной осаде города. Джунгары пришли большой силой, двадцатитысячным войском. Впрочем, их передовой отряд насчитывал не более трех тысяч всадников. Разграбив усадьбы и замки в окрестностях города, джунгары взяли богатую добычу и множество пленных и повернули назад...

Абд-аль-Барр записывал речь гонца, и его перо резво бежало по бумаге в свете ламп.

Потом случилось то, что случилось, и катиб⁵, повывавший на своем веку многое и служивший уже второму халифу, сначала не поверил своим глазам.

Чужеземный самийа хлопнул в ладоши и жестом прервал речь гонца. Воин, обращавшийся к халифу, застыл в ужасе и недоумении, так и оставшись стоять на коленях и с открытым ртом.

– Я не понял, – на хорошем ашшари заявил сумеречник.

Воистину доставленное Яхьей существо явилось бедствием из бедствий и источником неурядиц. Тем временем наглое приобретение дома халифа продолжило, совершенно не стесняясь вздохов ужаса и уничтожающих взглядов:

– Я ничего не понял и не могу слушать дальше, не получив ответов на свои вопросы.

Повелитель, сохраняя спокойствие, вдруг спросил:

– Как тебя зовут?

Самийа пропел свое чужеземное имя. Все пожали плечами и переглянулись – чего сказал, разобрать было можно, но, по обычаям дворца, новому слуге полагалось дать новое прозвание – причем благозвучное для ашшаритского слуха: негоже верующему ломать язык о языческие клички.

– Тарик, – кивнул халиф. – Здесь тебя будут звать Тарик.

---

⁵ *Катиб* – чиновник, писец.

Все одобрительно склонили головы: Тарик – прекрасное путеводное имя⁶, сулящее удачу тому, кто его нарек, и тому, кого так назвали. И вышло, кстати, похоже на прежнее имя сумеречника.

И тут случилось страшное.

Лицо самийа скривилось в кислой и злобной гримасе. Затем неверное порождение сумерек прошипело:

– Если ты все равно хотел одарить меня собачьей кличкой, зачем просил назвать имя?

Во дворе повисло молчание. За куда меньшее проявление неуважения к халифу распинали на мосту через Тиджр.

Повелитель правоверных между тем совершенно не изменился в лице и невозмутимо отвечивал:

– Ты хотел спросить, Тарик? Спрашивай.

Самийа посмотрел-посмотрел, а потом пожал плечами и задал вопрос:

– Когда взяли город?

Халиф обратился к гонцу:

– Отвечай.

– Луну назад... – растерянно ответил гонец, не понимая кому отвечать, и, если отвечать язычнику из Сумерек, то как к нему обращаться. – Луну назад, о мой повелитель, – гонец все-таки решил обратиться к халифу.

– Отвечай ему. – Халиф показал в сторону неподвижно сидевшего самийа. – Называй его «господин».

Как ни странно, существо из сумерек учтиво склонило голову в знак признательности.

– Луну назад... господин. – Гонец опасливо развернулся в сторону нового собеседника.

– Почему мы узнаем о взятии крупного города только месяц спустя?

– Может, потому, что у нас нет волшебных зеркал и птиц? – подал голос прославленный полководец Тахир ибн аль-Хусайн, и все засмеялись.

– Джунгары разорили земли к северу от Мерва, спалили почтовые станции и угнали лошадей и верблюдов. А куда степняки не добрались, люди сами сбежали... Мне пришлось две недели пробираться к Табуку с одним сменным конем, – боязливо встрял гонец. И нерешительно добавил: – Господин...

Самийа, однако, не обратил на его слова никакого внимания и мрачно пробормотал:

– Странно, что у вас нет птичьей почты... Нет ничего проще, чем завести обычных голубей для сокращения расстояний! Так можно доставить послание в пять дней – а не за месяц...

Воистину сегодняшний вечер обещал быть вечером чудес и необычных свершений. Абд-аль-Барр записал дерзкие слова, размышляя, не отрубят ли ему руки и уши, – за то, что не отвалились сами от стыда. А ведь он мог сказаться больным...

– И еще, – не унимался этот ужас ночи, – как так вышло, что враг подошел к городу, отстоящему на десять фарсахов от рубежей – если я могу верить вашей карте, конечно, – так вот, как так вышло, что двадцатитысячное войско врага перешло границу незамеченным?

– Жителей Мерва предупредили о набеге, многие успели спрятаться за стенами, – растерянно ответил гонец.

– Какие действия предприняли командующие гарнизонами пограничных крепостей? Где была разведка? Когда по степи идут двадцать тысяч всадников, это очень заметно, не правда ли? Почему жителей не предупредили заранее? Почему окрестности города кишели людьми?

Во дворе наступило долгое молчание, только ветерок качал занавески и трещало пламя светильников.

---

⁶ Имя Тарик значит «стучащийся», или «тот, кто стучит молотом». Второе значение – производное из Корана, где имя Тарик толкуется как «идущий в ночи» и «звезда, рассекающая небо светом» (сура 86, «Ночной путник», или «Ат-Тарик»).

– Пограничных крепостей?.. – наконец отозвался окончательно сбитый с толку гонец. – Каких... крепостей?

Лицо самийа скривилось в непередаваемой гримасе презрения:

– Я что, плохо говорю на ашшари? Непонятно спрашиваю?

– Мы высылаем в ничейные земли дозорных... – тихо отозвался несчастный.

– Как выглядит ваша граница со степью? – резко спросил самийа.

– Как полоса ничейной земли, – вмешался Тахир ибн аль-Хусайн. – Говорят, что раньше там тянулись пустыни и солончаки, но уже во времена моего деда эти земли зазеленели, и кочевники переправляются через них большой силой.

– Понятно, – процедило исчадие ада и сделало гонцу знак продолжать.

сбитый с толку бедняга снова раскрыл рот:

– Так вот, наместник вышел из города и повел свой отряд против джунгар. А джунгары заманили его в ловушку: сделали вид, что обратились в бегство, и бросили всю свою поклажу и всех своих женщин, и воины наместника стали заниматься брошенной добычей...

И тут это бедствие из бедствий снова хлопнуло в ладоши:

– Почтеннейший, я правильно вас понял: воины наместника, вместо того чтобы продолжать преследование врага, остановились для грабежа и мародерства?

– Это возмутительно! – крикнул кто-то из задних рядов, и все разом зашумели.

– Луна не видывала подобных речей! «Грабеж»? «Мародерство»? Повелитель, кто этот бледномордый ублюдок, что ты позволяешь ему вести такие наглые речи?

Самийа вскочил, на его плечах немедленно повисли оба командующих гвардией, кто-то в сердцах треснул кулаком по подушке, и собрание немедленно окуталось облаком пыли.

– Молчать, о дети гиен и порождения шакалов! – рявкнул халиф и тоже ударил кулаком по ковру.

Пыль окутала и его, все потонуло в проклятиях и чихании. Когда крики и пыль улеглись, повелитель верных сурово оглядел дерзкого сумеречника и сказал:

– Ты хотел задать вопрос – я дозволил это! Но я не разрешал никого оскорблять!

Они долго смотрели друг на друга, человек и самийа, тяжело дыша и взвешивая в уме колкие слова, как дротики. Наконец, бледный как сама смерть сумеречник сказал:

– Я понимаю так: если отдан приказ преследовать врага, то его следует исполнять. Все остальное – добыча в том числе – может подождать. Почему вы позволяете своим воинам отвлекаться на... дележ имущества?

– Потому что это священное право воина! Имущество врага принадлежит победителю! Почему мы должны проходить мимо брошенного добра и щадить девственность пленниц?! – взревел кто-то, и собрание разразилось одобрительными возгласами.

– Так они и с женщинами там успели поразвлечься? – зашипел самийа, подбираясь, как готовящаяся к броску кобра.

Ему и на это дали бы достойный ответ, но повелитель верных дал всем знак замолчать и спросил сам:

– Тарик, если воинам на походе запретить прикасаться к имуществу врага и к женщинам врага, то зачем они будут ходить в поход?

– Затем, чтобы выполнить приказ военачальника, – сообщил самийа.

Все начали было смеяться, но потом, глядя на халифа и сидящее перед ним существо, раздумали веселиться.

– А зачем им выполнять приказ военачальника? Какая им от этого выгода? – когда все затихли, снова спросил повелитель верующих.

– Никакой, – невозмутимо ответил самийа. – Воины сражаются не из-за выгоды и не из-за добычи. Это удел грабителей. Воин ищет чести и славы. Наградить храбрецов – дело благое. Но храбрость и доблесть нельзя купить обещанием развлечься с бабами в захваченном лагере.

– Мы вернемся к этому вопросу, – медленно проговорил халиф.

И гаркнул на гонца:

– Продолжай, о ущербный разумом!

Весь дрожа, бедняга завел свою повесть в третий раз, несомненно молясь о благополучном завершении рассказа:

– Так вот, наместник отдал приказ вернуться в город, но молодой Абу Бакр с двумя сотнями всадников воскликнул: «Грязные собаки не уйдут от нас!» – и бросился в погоню...

Молитвы гонца не были услышаны.

– Что? Куда бросился? – ахнул самийа.

– Ну а тут что не так? – мрачно спросил его сидевший рядом командующий Правой гвардией.

– У этого Абу Бакра, или как его там, был приказ вернуться в город, – процедил сумеречник. – Или я плохо понимаю на ашшари?! Он нарушил приказ, и ты еще спрашиваешь «что не так»?! Его нужно повесить! В назидание другим придуркам!

– Абу Бакр погиб, – печально сказал гонец. – Джунгары заманили его в засаду.

– Вы уже несколько столетий имеете дело с кочевниками и до сих пор позволяете молодым Абу Бахрам попадаться в ловушку для глупых перепелов, – презрительно поморщился самийа.

– Наместник не имел власти приказать Абу Бахру остановиться, – терпеливо стал объяснять чужаку очевидное командующий Правой гвардией. Видно, Всевышний одарил его изрядным запасом терпения. – Абу Бакр – из рода Бени Умейя, он знатнее наместника Мерва, Бени Умейя держат земли к северу от Мерва, и войска повелителя верных должны спрашивать разрешения на проход через их земли – ведь Бени Умейя ведут свой род от сына Али...

– Я понял, – мрачно перебил командующего сумеречник.

– Что ты понял? – спросил халиф.

И самийа поднял глаза на повелителя правоверных и сказал:

– У тебя не государство, а хлам, не армия, а сброд, и если ты хочешь моей помощи, то тебе придется дать мне право упорядочивать и упразднить все, что я сочту нужным. Раньше на вас налетал сброд, вооруженный хламом. Твои отряды были лучше снаряжены и могли дать отпор шелупони. Но, судя по донесению, которое привез этот человек, ваши нынешние противники умеют нападать строем и возвращаться в строй, действуют четко и согласно приказам. Если ты не противопоставишь им настоящую армию и настоящую власть, всадники из степи вас сметут.

В ужасе все присутствующие ждали ответа повелителя. Многие уже придумывали, какой казни предложить подвергнуть дерзкую тварь. Халиф меж тем продолжал перебирать четки и смотреть на своего собеседника задумчиво и без тени гнева. Потом кивнул и сказал:

– Действуй.

Из рассказов о деяниях правителей и хроник:

Рассказывают, что Тарик аль-Мансур и халиф Аммар ибн Амир долго не ладили. Однажды, сидя в собрании мужей, Тарик показывал, как надо укрепить южную границу, построив вдоль нее линию поселений-рибатов:

– Замки должны отстоять друг от друга так, чтобы огонь, зажженный в одном из них, был виден в другом, и так по цепочке они могли бы передать известие о набеге врага. У вас повсюду устроены стоянки барида⁷ для гонцов и осведомителей, но нужно сделать так, чтобы

---

⁷ *Барид* – почта, *ведомство барида* – почтовое ведомство. В государствах классического ислама выполняло еще и функции разведки. Таким образом, глава дивана барида – еще и начальник тайной стражи халифата. Любопытно, что голубиная почта действительно явилась довольно поздним нововведением – по мнению арабских историков, Аббасиды обязаны этой идеей бахрейнским карматам.

люди халифа могли не только брать там свежих верблюдов и лошадей, но и посылать почтовых голубей. В таком случае известия поступали бы в столицу в кратчайшие сроки.

В ответ на это халиф Аммар ибн Амир сказал:

– Не один десяток лет пройдет, прежде чем мы сможем сделать как ты говоришь.

А Тарик ответил:

– Мне все равно, сколько времени вы, смертные, потратите на исполнение этого замысла. Двадцать, тридцать, сорок лет – для меня лишь мгновение между сменой весны и лета.

Тогда халиф сказал:

– Я бы тоже хотел увидеть свою землю устроенной и под надежной защитой. Но я смертен, и даже двадцать лет для меня – большой срок.

Тарик ничего не ответил, а затем поклонился и принес свои извинения. С тех пор с людьми он говорил о времени как человек, не заглядывая далеко в будущее и безо всякого высокомерия.

Ибн Кутейба, «Книга усмирения пороков».

То, что Мерв – вернее, то, что осталось от Мерва, – близко, стало понятно по виду дороги. В разбитых колеях ворочались арбы и тележки, ревели волы и ослы, квохтали в клетках куры и орали дети. Люди уходили из Хорасана на север, волоча за собой семьи, подгоняя скотину и в страхе оглядываясь назад – не идут ли джунгары.

Впрочем, облако пыли над армией Аммара приводило их в неменьший ужас: феллахи с криками убегали с дороги в холмы и дичающие поля. Вид белых султанов на шлемах всадников и блеск копий разгоняли толпу беженцев, как ястреб цыплячий выводок. В пыли когда-то оживленного торгового пути оставались увечные и старики, потерявшиеся дети и брошенная поклажа. Ну и непроходимо глупые стада овец, которые следовало пережидать, как нудный дождь: кучерявый блеющий живой ковер перетекал с одной обочины на другую, а потом втягивался в рыже-серые впадины каменистых холмов.

Поговаривали, что в Мервской долине и на плоскогорье Хисма стервятничают шайки работорговцев. Хватали тех, кто отстал, потерял родственников или, на свою беду, шел один. Рассказывали о вопиющем случае нападения на караван, везший харим купца, который бедняга успел вовремя отослать из города. После падения Мерва ехавшие под невеликой охраной женщины и дети остались без отца и родичей, и за тех, кто уходил из города на север, больше некому было вступиться. Путников быстро прибрали к рукам люди из Басры. Родственники одной из жен потом долго пытались найти следы молодой женщины – но она, попав в руки перекупщиков, так и затерялась на забитых испуганными людьми дорогах.

Впрочем, участь молоденькой вдовы, перепроданной против воли и законов, вызывала зависть, а не сострадание. Когда джунгары взяли город, они выгнали за стены всех жителей, не разбирая пола, состояния и возраста. Кочевники отвели в сторону несколько сотен ремесленников и детей обою пола – их потом угнали в рабство. Остальных мужчин, женщин и детей джунгары разделили между собой и перебили. Говорили, что погибло больше семидесяти тысяч человек, оросительные каналы и Мургаб текли красным. Трупы выстилали землю от горизонта до горизонта, и неба не стало видно из-за стервятников. Джунгары ушли, оставив в живых не более пяти сотен человек, по какой-то странной прихоти назначив наместником Зияда аль-Дина, племянника погибшего при штурме эмира. Видимо, они сочли его достаточно тупым и безвредным, чтобы управляться со скотом, – так джунгары называли всех, кто не кочевал, как они, а обрабатывал землю. Зияд аль-Дин обязался платить дань хану Булгу. Поговаривали, что после ухода джунгар на развалины города потихоньку стал сползаться выживший в боине народишко, и теперь в Мерве ютятся тысяч шесть обитателей.

...Черные тучи в затянутом перистой дымкой небе оказались стаями птиц. Самая большая кружила над серым иззубренным венцом цитадели Мерва, еще пять – над предместьями.

Множество стаяк поменьше вилось над островками зелени на красно-коричневом платке равнины – видимо, над вырезанными усадьбами. Садовая, Плодоносная долина – так ее воспевали поэты. С холмов было видно, что птицы то опускаются к земле, то взлетают. И то и дело дерутся между собой.

На подходе к Мерву выяснилось много нового. Оказалось, что за три месяца, прошедших со времени падения города, джунгары успели наведаться сюда еще раз. Это случилось две недели назад. К Мерву подошли кочевники, не участвовавшие в осаде и штурме, и потребовали от Зияда аль-Дина своей доли в убийствах жителей. Они перебили всех, кого сумели выловить на равнине, и подступили к городу. Говорили, что Зияд аль-Дин закрылся в разрушенной пожаром и предыдущим штурмом цитадели и отбивался до последнего. Но не отбил.

Тарик стоял перед огромным каменным чаном-альхибом⁸, в который рачительные земледельцы собирали дождевую воду. Широкие, длинные водоемы тянулись один за другим – они не давали полям засохнуть в жаркие летние месяцы, когда вода в оросительных каналах течет еле-еле. Шесть больших, на совесть врытых в землю, чанов перед воротами Водомеров.

Сейчас над ними не было видно неба из-за мух. Да и того, что в них еще лежало, тоже не было видно – по той же причине. Стервятники сорвались с водоемов на площади Водомеров тучей, оглушающей граем и хлопаньем крыльев. Мухи остались, продолжая занудно гудеть над подсохшими буро-красными заводами. Уровень... жидкости... в чанах упал – на стенах остались засохшие полосы. Самая верхняя отметка – прямо под каменным парапетом альхиба. Впрочем, камни площади пятнали бурые разводы – видимо, кровь переливалась и через край. Уцелевшие говорили, что джунгары связывали жителей, как верблюдов, за шею, по десять – двадцать человек, и бросали в чаны. Потом в ход шли стрелы, дротики, копья и ножи.

Из тягучей густой жидкости виднелись спины, торчали руки и локти, в маслянистых лужах плавали длинные женские волосы. В соседнем чане трупы были сплошь детскими – распухшие младенцы плавали, как дохлые котятка, тела детей постарше оказались сплошь расчлененными.

Нерегиль снял шлем и склонил голову.

– Засыпьте их, – приказал он молоденькому кайду⁹, зачарованно тарачившемуся в мушиное гудение.

– Да, господин, – как во сне, ответил паренек и тоже снял шлем.

– Саид! – Нерегиль хлопнул в ладоши, выводя юношу из полуобморочного состояния. – Возьмешь себе в помощь десяток Мухаммада и всех, кого найдешь из местных жителей.

– Да, господин, – немногим бодрее пробормотал паренек и отправился выполнять приказ.

По бульжнику площади зацокали копыта. Аммар спешил у сумеречника за спиной и долго смотрел вниз.

– Нравится? – с неожиданной ненавистью спросил человек. – Поделом нам, правда? Так ты кричал?

– Это были пустые и глупые слова. К тому же я не знал, что здесь тоже есть... – Далее последовало нечто непонятное – видимо, слово на родном языке нерегиля.

– Кто?..

– Нелюди. Твари, похожие на людей, но не люди. Их единственная радость – смерть и мучения других живых существ. Любопытно, что размножаются они тоже как люди...

– Это джунгары, – устало проговорил человек. – Кочевники как кочевники. Желтолицые, круглоголовые, с косыми узенькими глазками, низенькие, вонючие и кривоногие. Это люди, Тарик.

---

⁸ Альхиб – выложенный камнем водоем, использовавшийся для сбора дождевой воды.

⁹ В армиях аббасидских халифов – офицер, командующий отрядом-кардус, численность которого могла варьироваться.

– Я такое уже видел, Аммар, – твердо сказал нерегиль. – Много раз. Там, на западе. Именно так они и выглядят. И это – не люди.

Пришлось потрудиться, чтобы найти место для ставки и лагеря. Сначала долго рыли глубокие рвы-могилы – чтобы оттуда не вылез мор, косящий тех, кто остается в живых после гибели города.

Когда мертвые ушли к мертвым, пришлось обустроить немногих живых. Из канав, из подвалов сожженных домов выползали, пошатываясь, люди и плелись к кострам – выпрашивать еду. Аммар мысленно благодарил Всевышнего, что пока может уделить несчастным хотя бы толику провизии. А также поблагодарил Всевышнего за то, что выживших при втором штурме Мерва осталось так мало, что ему не пришлось никому отказывать. Пока.

На сегодняшнем военном совете предстояло решить, как поступить дальше. Командующий Правой гвардией Хасан ибн Ахмад и славный Тахир ибн аль-Хусайн стояли за то, чтобы оставить в Мерве гарнизон и наместника, а затем пройти к Фейсале, дрожащей в ожидании возможного набега. Укрепить тамошний гарнизон. А потом так же поступить с Хатибой и Беникассимом. Если джунгары сунутся еще раз, мы будем наготове – многим этот план казался и разумным, и осторожным. В конце концов, джунгары пришли с силой двадцати тысяч конных. В войске Аммара, спешно собранном из отрядов гвардейцев, не было и пяти тысяч копий. Новый набег – да не попустит этого Всевышний! – следовало переждать под защитой надежных стен Фейсалы или Хатибы.

Во внутреннем дворе уцелевшей от огня и расчищенной от трупов усадьбы уже собрались военачальники. Повелитель, впрочем, еще не выходил. Кто-то сказал, что халиф ждет известий от самийа. Сумеречника нигде не было видно. Потом прибежал мальчик-невольник и передал всем волю повелителя: сейчас подадут прохладительные напитки, всем ждать и не расходиться. Мальчишку засыпали вопросами, и тот с гордостью доверенного раба признался: самийа понесло в город.

Что-то он там ищет. И теперь все должны ждать, что же он там, среди расклеванных трупов и крыс, найдет.

...Саид оскользнулся и упал на четвереньки, как кошка. Оторвав от пола ладони в перчатках, юноша боязливо их осмотрел: никто не мог поручиться, чем именно был заляпан пол этой комнаты на втором этаже разоренного дома в предместье. Разрушенная дверь висела на одной петле, ставни окна болтались снаружи, как вывернутые в суставах руки, – Саид уже знал почему. На изразцовой плитке внутреннего двора лежали трупы трех женщин и двоих детей. Их поддели на копья и выкинули из окна. Они погибли еще в первую осаду – тела по летней жаре давно раздулись до безобразных размеров и лопнули, выпустив гнойную влагу.

Юноша поднялся на ноги и огляделся. Самийа стоял в двух шагах от него, в опоясывающем галерею коридоре – на пороге другой комнаты. И на что-то смотрел. Затем тряхнул головой, поправил закрывавший нос и рот платок и вошел. Саид тоже поправил ткань платка у себя на носу и решил не отставать.

Переступив порог комнаты, юноша понял, что зря это сделал. Надо было подождать снаружи. Но выбежать, чтобы стошнило в углу галереи, мешал стыд – в конце концов, он каид гвардии халифа, к тому же не просто гвардии – корпуса южан.

Комната оказалась хозяйской спальней. На ковре, среди разбросанных подушек, лежало тело девушки. Вот она умерла, похоже, недавно. Возможно, несчастная пыталась пережить второй набег, спрятавшись в уже разоренном доме, – видно, надеялась, что в разграбленное жилище джунгары не войдут. Во всяком случае, та одежда, которая на ней оставалась, была одеждой бедной крестьянки – некрашеное полотно головного платка, грубая рубаха, юбка – впрочем, юбки на ней как раз не было. Платок был, а юбки не было. Видимо, ее насильовали

долго и не по разу – даже у разлагающегося трупа видны были потеки крови между ногами. Потом ей вспороли грудную клетку и вырвали сердце. Говорили, что джунгары любили этим заниматься на спор – у кого ловчее получится и сколько раз отрезанное от артерий сердце сократится в руке. Оказывается, джунгары умели считать.

Самийа опустил на колени рядом с телом и взял в руки черно-фиолетовую кисть. Рука девушки была сжата в кулак. Сумеречник что-то зашептал, платок у него на губах зашевелился – и скрюченные пальцы разжались. На пол со стуком упал какой-то предмет. Саид понял, что это такое, и облегченно вздохнул – они нашли, что хотели, в мертвом городе среди мертвецов.

– ...Это называется пайцца, – сообщил паренек-толмач.

Аммар про себя дивился и даже завидовал – не каждый сумел бы пережить то, что отмерила мальчишке судьба. И уж точно не каждый сумел бы сохранить после всего пережитого беззаботный и веселый нрав.

Пять лет назад Ханида – так звали мальчика – вместе с матерью увели в рабство джунгары. Мать, не выдержав тяжелой работы и суровой степной зимы, умерла через год плена. А Ханид выжил. Повезло. Потом ему повезло еще больше – мимо стоянки джунгар проходил караван купцов, а год был голодный. Хозяин юрты решил, что зарезать Ханида на мясо будет не так выгодно, как продать, – и уступил мальчика купцам за мешочек соли. Так Ханид вернулся в аш-Шарийа, пусть рабом, но вернулся. Потом ему снова повезло! Как-то купец пришел к кади Беникассима по своим делам, а кади оказался человеком благочестивым и решил выкупить из рабства дитя ашшаритов. Так Ханид получил свободу – а теперь и место при войске.

– Пайцца – это как наше письмо-фирман с печатью, – резво трещал паренек. – Это пайцца десятника, видите, медная!

– Я понял, – кивнул Аммар и, вспомнив про обстоятельства, при которых Тарик нашел этот знак, не смог избавиться от мысли: значит, их было по крайней мере десятеро.

Парнишка тем временем, разинув рот, вытаращился на самийа. Да, на наших южных границах сумеречников почитай что и не увидишь.

– Что ты хочешь с этим делать? – поинтересовался Аммар.

Тарик очень странно улыбнулся:

– Больше всего я опасался, что владелец пайцзы мертв. Мало ли, отравился гнилой водой на походе. Или погиб в пьяной драке... Но наш любитель плотских наслаждений жив. И я узнаю, где он сейчас. И где сейчас его семья. Я все узнаю.

Последние слова самийа произнес так, что Аммар понял: это никакая не улыбка. Лицо Тарика сводит гримаса холодного, страшного, едва сдерживаемого гнева.

– Зачем нам это? Зачем нам грязная юрта одного джунгара?

– Затем, что рядом с нашим другом могут оказаться и все остальные герои осады Мерва. Я хочу знать, где они кочуют.

– Так, – Аммар начал понимать, что к чему, и это его скорее пугало, чем устраивало. – Ты что же, хочешь перейти через ничейные земли и напасть на джунгар в их степях?

– Да, а что?

– Ты с ума сошел! Так никто никогда не делал!

Самийа ничего не ответил, а занялся тем, что начерпал в умывальный таз воды из почти пересохшего фонтанчика – джунгары разрушили плотину Мургаба, и вода больше не поступала в усадьбы Долины. Затем сумеречник бросил в таз медный кругляшок пайцзы.

Послеполуденное солнце бликами заходило в крошечных волнах на поверхности воды. В подсохшем, но еще живом саду оглушительно трещали цикады. На беленую ограду сада при села горлица и сказала свое «угу-гу, угу-гу». Из-за дверей во внутренние комнаты доносились голоса военачальников, ожидавших выхода эмира верующих.

– Смотри, – широко раскрывая глаза, прошептал Тарик, и серые полосы отражений зазмеились по бледному лицу.

Вода сверкнула и раскрылась зеленым ковром степи. Среди холмов белыми пупырышками виднелись юрты, там и сям паслись мохнатые джунгарские лошадки.

– Просто идиллия какая-то, – хищно усмехнулся нерегиль.

– И как ты поймешь, где они кочуют? – взорвался Аммар. – Там, за ничейной землей, фарсахи и фарсахи зеленых холмов – и одинаковые юрты этих вонючих джунгар!

– У меня есть проводник, – очень серьезно, без тени насмешки, ответил самийа.

– Вот он вот, что ли? – Аммар кивнул на Ханида, ошалело наблюдавшего за тем, как халиф и нечеловеческое существо решают судьбы тысяч людей.

– Нет, – неожиданно расхохотался сумеречник, – не он!

В небе крикнул ястреб. Тарик поднял голову. Через мгновение взъерошенный перепелятник спикировал нерегилю на кожаный наруч.

– Я зову его Митрион. Он будет помогать, потому что твари сожгли его гнездо на стенах. И подстрелили подругу.

Сказать, что Аммар удивился, значило ничего не сказать. Аммар честно признался себе, что на этот раз он просто обалдел.

– Тарик, ты хочешь, чтобы мы сейчас вышли к моим военачальникам, и я бы им сказал, что мы отправляемся в рейд по степным кочевьям джунгар, потому что только что в умывальном тазу я увидел стоянку одного из побывавших в Мерве ублюдков, а дорогу к победе нам будет показывать знакомый ястреб, у которого к джунгарам личные семейные счета?

– Да, а что?..

Как Аммар и опасался, безмятежность нерегиля в отношении похода в степи разделили не все. По правде говоря, ее не разделил вообще никто.

Прославленные полководцы вскакивали на ноги и, размахивая руками, поносили безумие самийа. Тарик, не обращая внимания на крики, забавлялся с ястребом, не давая ему ущипнуть клювом палец. Когда все высказались, нерегиль пересадил птицу на деревянную резную балюстраду и обратился ко всем присутствующим:

– Почтеннейшие! Единственный способ показать противнику, что его действия не останутся безнаказанными, – это перенести войну на его землю. Удерживая пограничные города, мы не осаждаем Большую Степь – это Большая Степь держит нас в осаде, уж поверьте моему горькому опыту, – тут нерегиль странно поморщился и закашлялся. – Если мы хотим защитить Хорасан, нужно сделать две вещи. Первая – провести карательную экспедицию и уничтожить тварей, которые с оружием в руках пришли на эту землю. Желательно с семьями – нелюди имеют удивительные способности к размножению. Наш рейд должен быть быстрым и... удачным. Он должен внушить тварям простую мысль: возмездие неотвратимо.

Тарик обвел взглядом слушателей и кивнул сам себе:

– Вторая задача – проводить такие рейды регулярно. Этим существам необходимо... прорезивать. Мы должны раз в три года выходить в степь и уничтожать их кочевья, не давая им подняться с колен. Они должны усвоить мысль: за ничейной землей их ждут только смерть и огонь, потому что только смерть и огонь приходят из-за ничейной земли в степи. И тогда никому, даже самому отчаянному смельчаку, не придет в голову даже тень мысли перейти границу и ступить на землю аш-Шарийа. А если вдруг придет, то он очень быстро ее прогонит, потому что к этому времени подоспеет очередная конная сотня и начнет выкашивать его кочевье.

Ястреб затоптался на балюстраде и захлопал крыльями. В истоме раннего вечера звенели цикады. Тарик еще раз окинул взглядом собрание и перешел к завершающей части своей речи:

– Я понимаю, что предложенный мною план может кому-то показаться безрассудным – но лишь на первый взгляд. Однако же если кому-то мои доводы представляются неубедитель-

ными, я готов уступить: в поход на улус хана Булга я зову с собой лишь тех, кто желает отправиться туда по доброй воле. Возможно, когда я привезу голову этого достойного воина на пике, мнение неприсоединившихся изменится. Вопросы, почтеннейшие?..

– Я бы хотел узнать вот что, – покрутил ус Тахир ибн аль-Хусайн. – Считаете ли вы, уважаемый, необходимым захват пленных? Не в этом походе, разумеется, а в дальнейшем?

Тарик подумал и сказал:

– Опыт общения с тварями убеждает меня в том, что они хороши только в мертвом виде. Впрочем, я допускаю мысль, что в Большой Степи могут обитать и размножаться другие племена, более похожие на человеческие. Если мы встретим тех, кто может сойти за человека, что ж – я думаю, мы сможем найти им применение. Почтеннейшие, дороги аш-Шарийа находятся в ужасном состоянии. Пленные кочевники вполне могут быть использованы при строительстве мостов и прокладывании дорог. В общем же и целом я полагаю, что население Большой Степи необходимо... упразднить.

Из рассказов о славных деяниях и хроник:

Рассказывают, что в свой первый поход Тарик аль-Мансур выступил с четырьмя тысячами конных воинов. Враги же значительно превосходили войско Тарика в числе, и многие полагали, что аль-Мансур действует безрассудно. Вот почему перед началом похода все военачальники приступили к Тарику со словами: «Делай что хочешь, о сын Сумерек, но повелитель верующих не должен идти с тобой на верную смерть!» А халиф Аммар ибн Амир уже сделал свою саблю острой и выставил перед шатром щит в знак готовности выступить в поход. И Тарик сказал: «Удержите его». Но военачальники смешались и промолчали. Тогда Тарик понял, что они опасаются гнева своего повелителя, и сказал: «Во имя Сумерек, я удержу его». И Тарик наслал на халифа волшебный сон и, когда пришло время выступать, запретил трубить в трубы, дабы сон не слетел с Аммара ибн Амира. Так и вышло, что эмир верующих не выступил с войском, а остался с тысячью преданных воинов у стен города.

Когда же Тарик вернулся из похода, он не нашел милости в глазах халифа, ибо хитрость с волшебным сном вызвала гнев Аммара ибн Амира. И повелитель верующих сказал:

– Во имя Всевышнего, кто измыслил эту уловку? Ты или мои полководцы?

– Я, – ответил Тарик.

– Ты заслуживаешь самой суровой кары, – сказал Аммар ибн Амир. – Ты дважды провинился передо мной. Ты лишил меня славы победы, а затем прибавил к этому проступку ложь. Ведь мне известно, что это Тахир ибн аль-Хусайн, молочный брат моего отца, просил удержать меня от похода. Что скажешь?

И Тарик сказал:

– Сюда идут джунгары всей своей силой.

– Воистину моя слава выступила мне навстречу! – воскликнул Аммар ибн Амир. – За эту добрую весть я прощаю тебя.

Ибн Бассайн, «Драгоценные ожерелья».

Рассказывают, что когда воины Тарика увидели стан джунгар, их сердца объял страх. Они приступили к Тарику со словами:

– Господин! В долине горят десятки тысяч костров, и вражеский лагерь подобен небу в бесчисленных огнях звезд! Как мы одолеем врага, когда нас так мало?

Тарик же сказал:

– О люди! Куда бежать? За спиной у нас пустоши ничейной земли, а враг перед лицом. Клянусь Сумерками, не остается ничего, кроме как быть стойкими и отважными. Воистину бесстрашие и стойкость непобедимы, они – два славных воина, которым повсюду и всегда дарована победа, ибо бесстрашного не испугает малочисленность, а стойкому не грозят бегство и

поражение. А вот если войско велико, то может в нем вспыхнуть смута или одолеть людей гордыня и леность. О люди, во всем следуйте за мной: если я нападу, то и вы нападайте, если я встану, то и вы остановитесь, в битве войско должно действовать как один человек. Не губите свою жизнь собственными руками, не разменивайте честь и величие на унижение и падение, не отказывайтесь от дарованной вам доли в мученичестве и героической гибели, ибо, кто откажется, тот уронит себя в глазах всех верующих, и никто не помянет его завтра добрым словом. Я сам поведу вас в бой, а вы следуйте за мной, помня, что вам нельзя отклониться от выбранного пути.

Ибн аль-Хатыйб, «Деяния великих мужей».

Ашшариты напали, как и приказал самийа, на рассвете, когда сон всего крепче. Ни один дозорный не сумел предупредить джунгар о подкравшемся враге – ястребы Мерва выследили всех до единого, и два десятка кочевников легли в высокую траву, пронзенные стрелами ашшаритов.

Саид приказал своей полусотне наклонить луки с наложенными стрелами – вдоль строя шел человек с факелом в руке, поджигая пропитанную сырой нефтью паклю на наконечниках. Человек обогнул ряд его воинов и зашагал вдоль второй линии спешившихся лучников. Кони вскидывали головы и топтались, кося на разгорающиеся огоньки. Похлопывая аль-Аксума по теплой шее, Саид оглянулся на холм, где стояли Тарик с Хасаном ибн Ахмадом. В сероватом рассветном небе свистнула, прочерчивая яркую дугу, одинокая зажженная стрела. Собрав повод в левую руку, Саид поднял правую и рывкнул:

– Залп!..

За его спиной то же самое выкрикнул Юсуф. Над их головами полетели горящие стрелы, выпущенные второй полусотней. Теперь снова пришел их черед:

– Залп!..

После тридцатого залпа Тарик сказал: «Не нужно беречь стрелы, мы найдем их достаточно, когда окончится бой». В лагере джунгар горели все юрты с южной стороны стойбища. От воплей мечущихся в огне людей волосы вставали дыбом. Среди пораженных стрелами и горящих на земле тел катались, бегали и пытались стряхнуть с себя пламя еще живые джунгары.

Саид услышал в голове шелестящий голос самийа: «Не мучить, не калечить, не щадить. В атаку». В прозрачном воздухе степи, вторя мысленному приказу Тарика, разнесся бой барабана.

– По коням!.. Вперед, во имя Всевышнего! – заорал Саид, высоко вскидывая длинное копьё.

И они подняли лошадей в галоп.

...Джунгары, нужно отдать им должное, все-таки сумели построиться для встречной атаки. Полусотня Саида уже оставила копьё и взялась за мечи, когда с обоих флангов раздались вопли и посвистывание налетающих кочевников – а следом тяжелый топот тысяч и тысяч копыт. Ответом стал мощный выкрик «Али!», и в бой вступили две тысячи Хасана ибн Ахмада.

Джунгар, однако, было так много, и так была велика их мстительная ярость, что всадники Хасана не сумели их задержать. Кочевники прорвались обратно в лагерь. Бой барабанов подал сигнал отойти и перестроиться.

Из дымного лабиринта пылающих юрт им удалось вырваться на удивление быстро. Небо посветлело, но трава еще казалась серой. Кони плясали на истоптанной и взрытой земле, когда их осаживали и разворачивали. «В строй, в строй» – гремели барабаны-таблы. Саид оглянулся на белое знамя Аббасидов над холмом, и вид длинного, извивающегося на ветру стяга вселил в него радость.

Под золотистой дымкой розовеющего неба вспыхнули, затем погасли, а затем снова засверкали копьё отряда резерва – колышась, конная тысяча приходила в движение.

А в степи стояла пыль, и в ней мельтешили высверками оружия бьющиеся конники. Поле боя заволкло настолько плотно, что Саид не мог понять, идет ли к джунгарам подкрепление или грохот, крики и ржание лошадей поднимаются к небесам доблестными усилиями воинов Хасана ибн Ахмада.

Потом Саид узнал, что из степи действительно шло еще несколько тысяч конных джунгар, и юноша задумался о мудрости Всевышнего: знай он об этом в то утро, возможно, его сердце охватило бы отчаяние.

– Прощай, мученик! – Несмотря на грохот и шум боя, его воины готовились к атаке согласно обычаю.

Саид обменялся последним приветствием верующего с Юсуфом и потянул из ножен меч. Хищное свиристение обнажаемого оружия слышалось со всех сторон – этот звук он различил бы среди сотен других. Юноша не сумел сдержать улыбку.

Прорысил вестовой, размахивая рукой и крича:

– Идем в бой вместе с резервным отрядом!

Над холмами мерно, как на молитву, били барабаны, обещая белый виноград и свежую воду в зеленых садах Али.

«В атаку!» – спокойно и уверенно приказал у него в голове голос Тарика.

– Али-и-иии!..

Саид поддал шипами стремян в бока аль-Аксума. Конь вскинулся и рванул вперед так, словно хотел выбежать из-под седла.

– ... Он убил его! Убил хана Булга! – крикнул Юсуф, показывая туда, где все равно ничего не было видно за плотной пылью.

– Откуда ты знаешь?! – изо всех сил заорал Саид и тут же закашлялся.

Впрочем, джунгары покидали поле боя, бросали поединки и разворачивались в степь. Над головами кричали ястребы. Птиц скрывала пыль – пока они не пикировали вниз и не вцеплялись когтями в лица кочевников. Джунгары орали как резаные и глупо размахивали руками.

В той стороне, куда показывал Юсуф, заорали еще сильнее. Налетел порыв ветра и погнал пыльное облако прочь. В желто-сером мареве Саид увидел, наконец, силуэты всадников. А когда пригляделся, то не поверил собственным глазам. Впрочем, ему приходилось видеть, как много может сделать хороший, прямой, как стрела киблы, толайтольский клинок в умелой руке. И Саид, конечно, много раз видел, как убивают с одного удара. Но он ни разу не видел, чтобы убивали с одного удара всякий раз, как наносили удар. Отмашка – труп. Отмашка – труп. Тарик рубился плеча и очень быстро.

– Да помилует нас Всевышний, – зачарованно прошептал Саид, глядя, как вокруг самийа снопами валяются джунгары.

– А-а-а! – в восторге заорали все, кто мог видеть бьющегося нерегиля. – Вперед, во имя Всевышнего! К стремени военачальника!

Саида потом много спрашивали: а правда? Неужели это возможно? И всякий раз Саид важно кивал и, свидетельствуя честность перед Вечным Судьей, отвечал: чистая правда. Направо взмахнет – голова с плеч. Налево – из седла выбьет. И мы собрались у стремени Тарика и рубились до полудня, пока трупы врагов не покрыли степь на многие фарсахи вокруг, и трава не стала мокрой от крови, и наши кони не стали оскальзываться и падать. Нет, это не поэты придумали. Это так и было.

Саид действительно упал вместе с конем. Правда, аль-Аксум не поскользнулся – ну тут важно не врать в главном, не правда ли? – а неудачно прыгнул через завал из конских и человеческих тел. Так они вместе и завалились – слава Милостивому, ничего не сломали ни он, ни конь. Воистину, у повода этого самийа летела удача.

Поднимая на ноги своего золотисто-рыжего красавца, Саид осмотрелся. В схватке они вырвались на разнотравье, и пыль улеглась. Ускакавшие вперед воины придержали поводящих боками коней и остановились. За их спинами барабаны прогрохотали сигнал прекратить преследование и возвращаться.

А потом они отправились наводить порядок в разоренном джунгарском становище. Уцелевшие кочевники, большей частью женщины и дети, просили о милости. Тарик велел в милости отказать. Саид с остальными отправились подбирать стрелы, свои и джунгарские. Много времени это не заняло: когда солнце перешло на запад и присело над холмами, они уже набрали полные колчаны – и столько же запасных стрел. Впрочем, расстреливая уцелевших джунгар, они опять израсходовали весь запас, и им снова пришлось отправляться на поиски – а это было уже нелегко, потому что день клонился к вечеру и стало темнеть.

Наконец, Тарик приказал залить все, что еще не сторело, сырой нефтью и поджечь.

Занимая свое место в походном строю, Саид обернулся. В темном вечернем небе колыхалось зарево пожара. Тарик черным силуэтом стоял над бушующим пламенем, из которого взлетали вверх искры, выстреливали головешки, доносились слабые человеческие вскрики и пронзительный визг раненых и недобитых лошадей.

Пересев на запасных коней, они двинулись на север, к границе, не задерживаясь для отдыха, – джунгары могли решиться на мщение. Когда на рассвете ашшариты вступили на ничейные земли, отсветы далекого пожара еще отражались на пепельных облаках. Утреннее небо сливалось со стелющейся травой бесконечной степи. Тарик проскакал назад, в хвост колонны. В строю передавали, что дозорные заметили джунгарских разведчиков. Впрочем, те и не скрывались – всадники в шапках-малахях на низеньких лошаденках маячили в нескольких полетах стрелы на песчаном гребне. Тарик неспешно двинулся им навстречу – белую накидку развевало ветром, конь, серый сухопарый сиглави¹⁰, мягко переступал в траве. Поглядев на призрачно-бледного всадника, джунгары развернулись и припустили обратно в степь.

---

¹⁰ *Сиглави* – вид лошадей арабской породы, который обычно описывается так: «Породные и нарядные лошади со средней конституцией тела, невысоким ростом, более лёгкие и менее резвые в скачках; масть в основном серая».

3. Когти ястреба

Оказалось, не так-то просто решить задачу: сколько дневных переходов понадобится четырем тысячам конников, чтобы пройти ничейные земли, а затем четыре ширванских фарсаха от ничейных земель до Мерва? Все считали, что от силы шесть. На третий день прискакали гонцы – с радостным известием. На шестой день в долине показался авангард войск, который вел Хасан ибн Ахмад. Их приняли за джунгар: облако пыли шло над ними, как грозовая туча, и люди с воплями метались среди полей, бросая мотыги и корзины. Даже когда ибн Ахмад развернул белое знамя Аббасидов, феллахи продолжали голосить и молиться, простираясь в сторону киблы там, где их застало страшное зрелище надвигающегося войска.

Оказалось, что самийа отстал на фарсах с сотней конных. Почему-то он решил допросить четырех пленных – единственных, кто уцелел из улуса хана Булга, – не в Мерве, а среди безлюдных пустошей плоскогорья Мухсин. Так что пику с головой хана Булга в военный лагерь повелителя верующих привез Хасан ибн Ахмад, а самийа прискакал – с почтительной поспешностью, так, что полы его джуббы развеивал ветер, – еще через два дня.

Гнев Аммара успел остыть, а после известия о победе и вовсе улетучился. К тому же ему не приходилось скучать: к Мерву подходили все новые и новые войска.

Два корпуса тяжелой хорасанской конницы, «Бессмертные» и «Красные» – числом в десять с лишним тысяч воинов, – уже стояли отдельным, окруженным глубоким рвом и частоколом лагерем. К ним должны были добавиться четыре тысячи южан-ханаттани, ушедших с Тариком. Наместникам областей и краев также было приказано выслать войска и запасы провизии. Такие же приказы получили главы знатных родов: Амири, Курайши, Бану Худ, клан ибн Марнадиша, а также Бени Умейя. Всего ожидали собрать не менее сорока тысяч воинов. Теперь бирюзовый купол мавзолея Санджара, чудом уцелевшего дива Мерва, из знака горя и поражения стал как камень бахт¹¹ для сердец верующих. Блеск его изразцов, видимый на расстоянии дневного перехода, радовал сердца и вселял надежду на победу.

За пять дней до возвращения победителей в долину вступили войска наместника Саракусты, которые вел его старший сын. А еще за день до этого из столицы пришел большой караван, в котором ехали лучшие писцы двора халифа и его надим¹², Ибрахим аз-Зухри, известный поэт и ученый собеседник.

Наместник Саракусты прислал в подарок халифу двух рабынь, искусных в игре на лютне и на флейте, а Ибрахим аз-Зухри привез с собой несравненную Камар, слава которой распространялась по всему Хорасану. Говорили, что он купил знаменитую певицу у ее хозяина за пять тысяч динаров – лишь бы доставить удовольствие Аммару и развлечь халифа среди тоскливых будней военного лагеря.

Аммар, озадаченный неожиданно открывшимся выбором, долго прикидывал, с чего начать, и в конце концов остановил свой выбор на Камар.

Три дня спустя

Надим Ибрахим разместился – впрочем, как и все, кто прибывал в Мерв этой осенью, – в одном из пустующих домов к западу от города.

Аммар с четырьмя приближенными, среди которых был и его любимец, поэт и насмешник аль-Архами, вошел в комнату. Под стенами стояли диваны с вытертой до ниток обивкой и два колченогих табурета. Разместившись среди убогой мебели, все стали хихикать и перегля-

¹¹ *Камень бахт* – по мусульманским поверьям, приковывает к себе взоры и вызывает веселье.

¹² Букв. «собеседник», человек, в обязанности которого входило развлекать халифа учеными беседами и стихами.

дываться. Ибрахим пошел за певицей и долго не возвращался. Отпускаемые на его счет шутки становились все злее.

Наконец в пыльную неприбранную комнату вошла женщина – рыжая и плоскогрудая. Аль-Архами прошептал: «Черны глаза возлюбленной моей...» – и все так и покатались со смеху. Женщина, однако, невозмутимо уселась в углу прямо на голые доски пола. Затем принялась настраивать лютню. Когда она взяла первый аккорд, все затихли – правда, кое-кому пришлось зажать себе рот рукавом, чтобы сдержать смех.

Камар тронула струны и запела:

– Завершилось время обмана! Где бы ты ни прятался, выйдет на свет твоя тайна...

Когда она дошла до строк: «Мое сокровище – тайна, которая лучше клада; Бессмертием награждает пленительная ограда. Нельзя не убить мне тайны; живет она только в смерти, Как тот, кто пленен любовью: тоска для него – отрада», – Аммар и аль-Архами, едва сдерживая крики восторга, повалились с диванов на пол. Аль-Архами сдернул с головы чалму и натянул драное одеяло с дивана, а его друг схватил корзину с бутылками оливкового масла и водрузил себе на макушку, руками продолжая отбивать такт. Бутылки разбились и в корзине, и на полу, масло текло по его лицу и груди, а приятель поэта кричал, как торговки на базаре, от переполнявших его чувств – не обращая внимания на Ибрахима аз-Зухри, который бегал вокруг и восклицал: «Мое масло! Мои бутылки! Мое масло!»

Так певица Камар заняла свое место на пирах халифа Аммара ибн Амира, и слава ее распространилась по всем землям верующих.

Прошло еще четыре дня

Сопроводительное послание, прилагаемое к письму наместника Саракусты, было составлено по всем правилам и написано изящным почерком насх¹³ с прекрасно выдержанными по размеру буквами алиф¹⁴. Но, как уродливое пятно на белой верблюдице, все портила досадная ошибка, допущенная писцом: вместо «Неужели ты, да возвеличит тебя Всевышний, сорвал с меня покров своих милостей и лишил меня щедрот своей дружбы?» было написано «лишил меня щедротами своей дружбы».

Аммар пришел в страшную ярость: стоило ли выбирать калам из лучшего басрийского тростника и выводить заглавные буквы почерком сульс¹⁵, чтобы вот так опозориться и испортить дорогую бумагу? И он написал наместнику Саракусты: «Что же ты шлешь мне послания с ошибками? Бичом убеди своего катиба в необходимости соблюдения правил».

Свое ответное письмо Аммар отдал начальнику тайной стражи Исхаку ибн Худайру. В ведении хитрого и склонного к коварству ибн Худайра находились почтовые станции и, конечно, пересылаемые через них письма.

«Посмотрим, через сколько дней выпорют дурака», – с удовлетворением подумал Аммар. Ему самому было любопытно, насколько быстро получится обменяться недавно заведенной голубиной почтой с далекой Саракустой.

Так он подумал – и с меньшим удовлетворением осмотрел обеих присланных женщин.

Эмир Саракусты почтительнейше уведомлял его о достоинствах каждой. Обе были купленными невольницами, которых берут не для потомства, а приближают к ложу ради наслаждения. Одной уже исполнилось восемнадцать, и ее привезли из Ханатты – она утратила чистоту, зато была обучена всем премудростям любовного искусства. Аммару уже приходилось смот-

---

¹³ *Насх* – классический арабский почерк, в настоящее время используется в типографском наборе.

¹⁴ *Алиф* – первая буква арабского алфавита.

¹⁵ *Сульс* – букв. «одна треть». Название этого стиля иллюстрирует его основной принцип: треть каждой буквы скошена или написана под наклоном. Сульс обычно используется в заглавиях и обрамлениях.

реть на бесстыжие и попирающие целомудрие книги ханаттани с рисунками и миниатюрами, от которых кружилась голова и восставало все, что могло восстать у мужчины. На этих изображениях не сразу можно было понять, сколько человек проделывают то, что происходит между мужчиной и женщиной, и кто из участвующих в забавах мужчина, а кто женщина, – настолько замысловатыми оказывались позы, в которых сплетались гибкие смуглые тела на рисунках.

Даритель сообщал, что ханаттянка «искусна в игре на флейте – во всех смыслах, мой повелитель», и Аммар, сообразив, что имеется в виду, осмотрел женщину еще раз. Та выдержала взгляд с не подобающим женщине ее положения бесстыдством. Лицо ханаттянки было открыто как лицо рабыни-язычницы, а шелковое платье едва сходилось на пышной груди. Талию девушки охватили бы две ладони, и чеканный пояс перехватывал ее, как спинку осы. Красавица была смуглой, как все уроженки Ханатты, каштановые волосы завивались в крупные мягкие локоны. Большой и пухлый рот изгибался в бесстыдной улыбке, а глаза смотрели нагло и приглашающе. «Она наездница среди наездниц, неутомимая в скачке», – расхваливало девушку письмо.

Вторая невольница была из верующих ашшариток, и ее выписали из столицы. Она оказалась полной противоположностью ханаттянке: девственна, стыдлива, с белой гладкой кожей, черноволоса – несколько худощава на Аммаров вкус, зато искусна в игре на лютне. Под игрой на лютне имелась в виду именно игра на лютне, безо всяких подвохов. К тому же девушка, несмотря на юный возраст (ей едва исполнилось тринадцать), прекрасно слагала стихи. Таких невольниц в столице принято было покупать ради нового философского поветрия – любви-*узри*, не предполагающей соития. Во всяком случае, в течение какого-то времени, которое влюбленные проводили в разжигающих ласках. По правилам игры позволялось лишь «срывать тюльпаны уст и наслаждаться гранатами груди».

Самым притягательным в развлечении было то, что с возлюбленной полагалось соединяться в собрании – хотя Аммар, попробовав сам, решил, что только в собрании это и возможно. Останься они наедине, он бы не устоял перед желанием стрести женщину в охапку и поступить с ней как мужчина поступает с женщиной. Впрочем, возможно, он одичал на этой войне, пребывая вдали от столицы, в окружении старых вояк, которые, глядя на модные новшества, бурчали, что женщина дана мужчине как пашня, и ее нужно пахать за занавеской, а не лизаться с ней, как котенок, за подушками.

Еще раз посмотрев на обеих невольниц, сначала на каурую, потом на черненькую, Аммар решил заняться ими, не откладывая.

... За подушками они оказались, когда вино уже кончалось. Аммар забрал лютню из рук девушки, и они опустили на ковер за валиками и отороченными бахромой и кисточками майасир. Белолицая красавица нежно вздохнула, они жадно целовались. Среди немислимого числа шелковых одежд, скрепленных шнурами на застежках, он не сразу нашел ее плечо. И уж совсем не скоро его ладони добрались до прохладной кожи груди. Девушка разожгла Аммара так, что пришлось ее оттолкнуть. Тяжело дыша, халиф поднялся и пошел к себе во внутренние комнаты. Хотелось чего-то простого и понятного, и Аммар велел привести ханаттянку.

Без длинных вступлений он приказал ей раздеться, прилег на высокие подушки, поставил женщину на колени и разрешил доставить себе удовольствие.

Она оказалась воистину прекрасной флейтисткой, но Аммар, устав от излишеств, через некоторое время поставил ее на четвереньки и хотел уже приступить, как в дверь поскреблись.

Женщина тихонько застонала, выгибая спину и облизывая губы:

– Господи-иин... не оставляй меня как надкушенное яблоко...

Она тянула шею и встряхивала гнедой гривой, как породистая кобылица. Ее ладони разъезжались на гладкой шерсти ковра. Аммар заметил, что одним коленом женщина стоит на краю карты, и если он не переставит свою кобылку, то под угрозой окажется огромная стопка писем

и документов – с перечислением имен военачальников, описанием войск, докладами о начислении жалованья, перечнями должностей и званий и кучей всего, чем приходится заниматься халифу во время, не занятое объездкой лошадей.

– Какой шайтан несет тебя, о Хисан? – подавив стон, спросил Аммар скребущегося.

– Прибыл самийа, о мой господин, – дрожащим голосом откликнулся невольник.

– Вот пусть и отправляется к джиннам, – с удовлетворением ответил Аммар – и провел ладонью по ложбинке смуглой спины.

Женщина наклонилась и повела бедрами, раскрывая свой цветок.

– О мой господин! Не ты ли приказал ему явиться с докладом немедленно, как только он прибудет? – Хисан явно опасался плетей и решил обезопасить себя напоминанием об отданном приказе.

– А где он? – поинтересовался Аммар.

– А вот прямо здесь, о мой господин, – сказал Хисан.

– Вот и пусть подождет прямо здесь.

Сказав так, Аммар решительно придвинулся к женщине.

Та ахнула и выпустила воздух сквозь стиснутые зубы.

Она сама оказалась как флейта – таких стонов и вздохов Аммар еще не слышал, и, хотя подозревал, что они, по большей части, притворны, это еще больше распалило – он хотел добиться настоящего вскрика. Ханаттянка вскрикнула, как раненая газель, и опустила лбом на ковер в любовном изнеможении.

Довольно вздохнув, Аммар натянул шальвары, запахнул халат и, шлепнув женщину по круглому заду, пихнул ее в гору подушек. Майасир оказалось достаточно, чтобы закидать ханаттянку полностью. То, что все-таки торчало – маленькую смуглую ступню с кроваво-красными ноготками и золотым браслетиком с подвесками, – халиф прикрыл ее же вуалью.

– Пусть заходит, – крикнув это Хисану, Аммар взял единственную оставшуюся не использованной здоровенную бархатную подушку и уселся на нее.

Самийа вошел с совершенно невозмутимым лицом. Отдал земной поклон и сел на ковре напротив.

– Ты опоздал к празднику. Мне пришлось чествовать Хасана ибн Ахмада без тебя. Впрочем, учитывая, что ты сделал в ночь перед выступлением, я бы распял тебя на мосту через Мургаб, – зевая и прикрывая ладонью рот, сказал Аммар.

– Вот поэтому я и решил подождать вдали от моста, – нерегиль невесело усмехнулся.

– Это правда, что ты допрашивал пленных джунгар? Что тебе удалось узнать?

Самийа наклонил голову к плечу и кивнул в сторону горы подушек, под которыми кто-то мягко пошевелился. Аммар отмахнулся:

– Это рабыня.

– Я понимаю, что не жена, – пожал плечами Тарик.

– Считай, что здесь никого нет, – отмахнулся Аммар. – Я с ней еще не закончил.

Тарик помолчал, затем кашлянул в кулак и поднялся на ноги.

Аммар вздохнул и покачал головой – мол, делай как знаешь.

Самийа раскидал подушки. Раскопанная женщина перевернулась на спину, потянулась и медленно раздвинула согнутые в коленях ноги. И поманила Тарика ручкой с острыми красными ногтями. Самийа отвесил ей несильного пинка в бок. Хихикая, ханаттянка перевернулась на живот, потянула из разноцветной шелковой груды вуаль и, подымаясь, не спеша обернула ее вокруг себя. Полупрозрачная белая ткань не скрывала ничего. Женщина смерила нерегиля наглым развратным взглядом, улыбнулась и пошла прочь из комнаты – покачивая бедрами и позвякивая подвесками ножных браслетов.

Тарик вдруг спросил ее вслед:

– Как тебя зовут?

Невольница остановилась и обернулась, распрямляя спину и показывая соблазнительные холмы груди с еще острыми сосками:

– Румайкийя.

– Почему? – бесцветным голосом проговорил нерегиль.

– Моего прежнего хозяина и... наставника... – тут ее полные губы изогнулись в бесстыдной усмешке, – ...звали Румайк.

Тарик кивнул и отвернулся. Женщина встряхнула пышной каштановой гривой и снова двинулась к двери. Ее бедра покачивались, тревожа чресла мужчины.

– Вот сучка, – одобрительно фыркнул Аммар ей вслед.

И подумал, что ханаттянка – язычница, и лекарю с ней дозволено будет поступить как поступают с женщинами из харимов младших братьев халифа. Говорили, что сейчас есть быстрые и безопасные способы сделать женщину бесплодной. Тогда смуглянка не будет представлять опасности, и ее можно будет безбоязненно брать с собой в походы – если придется бежать, невольницу можно будет в случае чего бросить, не опасаясь, что она... жеребая. А в походах, похоже, Аммару придется проводить много времени.

– Ну рассказывай, – довольно потягиваясь, приказал он.

Дверь за женщиной закрылась.

Тарик, перекосившись лицом, схватил из ближайшей стопки бумаги и швырнул их в лицо Аммару.

– Не смей так поступать со мной! – рявкнул он, трясаясь от злости.

Халиф вовремя отмахнулся и расхохотался:

– Что с тобой? Может, завидно? Я могу подарить наложницу, ты заслужил...

Тут Аммар заметил, что у Тарика лицо стало таким же, как тогда над водой с отражением джунгарского становища. Тем не менее халиф не отказал себе в удовольствии подразнить заледеневшего в черной ярости нерегиля:

– Тебе подыщут женщину из сумеречных – говорят, в Айютайа их выучивают с детства та-аким штукам, что, когда их продают мужчине, тот забывает имя матери! – веселился Аммар.

Тарик, видимо, понял, что, чем больше он будет злиться, тем дольше будет над ним издеваться Аммар, – и, глубоко вздохнув, успокоился. Помолчав, он сказал:

– Я не такой, как ваши соседи, Аммар. Я нерегиль. Мы разделяем ложе только с женой. И жена у нерегиля может быть только одна.

– Сурово, – покачал головой Аммар.

– Естественно, – возразил Тарик. – Для нас, конечно.

– Илве говорил мне, что вы, нерегили, – страшные чистоплюи.

– А мы считаем восточные племена оскорблением имени аль-самийа, – отрезал Тарик.

Аммар расхохотался и смеялся, пока на глазах у него не выступили слезы.

– Ну ты и гордец, – отсмеявшись и отдышавшись, наконец проговорил он. – Прошу тебя, о... – тут он снова расхихикался, – ...зерцало целомудрия, расскажи, что ты выдрал из немых голов джунгар.

– Ничего хорошего, – ледяным голосом осадил его Тарик. – У тварей появился великий хан...

– У них он всегда был, – скривился Аммар.

– ...который объединил все племена и дал им единый закон.

Аммар присвистнул:

– Все племена?..

– Все племена, – жестко ответил Тарик. – Его зовут Эсен. Эсен-хан. Видишь ли, небо послало ему откровение и велело идти и завоевать все земли, лежащие к северу от степи. Еще небо сообщило, что дарует победу его воинам, и на месте уродливых нечестивых городов снова

будут простираться зеленые степи, на которых народ джунгар будет пасти своих овец, лошадей и прочий вонючий рогатый скот. Я впервые слышу, чтобы нелюди поминали небо и строили далекоидущие планы на будущее, но, видимо, у вас тут расплодились особо умные нелюди.

– То-то я удивился, что они поставили в Мерве наместника, – протянул Аммар.

– Да, – кивнул Тарик, – они собирались вернуться. И продолжить поход.

– Они же все время между собой дрались! – рассердился Аммар.

– Теперь не дерутся. Эсен перебил всех своих братьев и всех противников, а в тех племенах, что не желали ему подчиняться, примерил всех мужчин к тележной оси.

– Что?..

– Джунгары оставили в живых только мальчиков, не доросших до тележной оси. Маленьких мальчиков, Аммар. Тележная ось – низкая. Всех остальных мужчин перебили.

– Они всегда так поступали в захваченных вилаятах, – мрачно кивнул Аммар.

– Теперь у них есть желание поступить так со всеми жителями аш-Шарийа.

– Численность их войска?

Тарик рассмеялся:

– Не знаю!

– Ну и чего тут смешного? – еще мрачнее поинтересовался Аммар.

Тарик продолжал веселиться:

– Не знаю! Они же считать не умеют, эти твари! Впрочем, – нерегиль посерьезнел, – какая разница, Аммар? Сколько бы их ни было, придется встретиться с ними в бою и всех убить.

– Хороший план, – одобрительно кивнул Аммар.

На этот раз оба мужчины, человек и самийа, рассмеялись вместе.

Два дня спустя

– ...Далее следует глава «Проступки», – звучным, хорошо поставленным голосом возгласил катиб.

Зачитывалось новое «Уложение об армии верующих». Аммар, оглядев сидевших рядами высших военачальников, сделал знак продолжать.

– «Кто самовольно оставит строй, да будет казнен. Кто нарушит отданный приказ, да будет казнен. Кто обратится в бегство, да будет казнен. Кто после приказа занять место в строю не вернется на свое место, да будет казнен. Кто наложит руку на какое-либо имущество до раздела добычи между воинами верующих, да будет казнен...»

Нерегиль, сидевший по левую руку от Аммара, довольно жмурился. Глядя на него, человек сразу понимал, что Всевышний лепил лица аль-самийа, глядя на кошку. Большие миндалевидные глаза светились и шурились на солнце, острые уши шевелились, то прижимаясь, то настораживаясь, – словом, нерегиль весьма походил на огромного черно-белого кота, пригревшегося на солнце. Сходство довершали белый шелковый кафтан и черная накидка-бишт.

Писец меж тем продолжал зачитывать вслух с длинного пергаментного свитка:

– ...«Кто дотронется до женщины, не принадлежащей ему по законам аш-Шарийа, да будет казнен. Кто утаит что из военной добычи, подлежащей разделу, будь то оружие, конь, женщина или невольник любого пола, да будет казнен. Кто поднимет руку на мирного жителя без приказа, да будет казнен. Кто в походе возьмет что в чужом доме или уведет животное, или женщину, или раба, да будет казнен. Кто откажется совершать молитву в положенное время, да будет казнен. Кто откажется повиноваться повелителю верующих во время объявленной войны за веру, да будет казнен. Кто отдаст женщину, присужденную ему из военной добычи, во временное пользование другому, да будет казнен. Кто отдаст женщину, присужденную ему из военной добычи, в пользование за деньги, да будет казнен. Кто утерит свое оружие в походе

или на поле боя и не сможет его вернуть, да будет казнен. Кто потеряет запасного коня и не сможет следовать за войском, да будет казнен...»

Военачальники переглядывались. Мудрость нового закона никто оспаривать не решался – ведь Али в Книге говорил то же самое от имени Всевышнего. Тем не менее среди каидов витала одна и та же мысль.

Наконец ее озвучил старый Тахир ибн аль-Хусайн. Он тихо, словно для самого себя, проговорил:

– А у нас армия-то после исполнения этих законов останется?

Тарик встrepенулcя, прищурился и ответил:

– Именно. Останется армия.

Когда катиб окончил чтение, он смотал свиток, поцеловал печать повелителя верующих и благоговейно возложил документ на голубую подушку с золотым шитьем. Аммар с удовлетворением осмотрел ряды воинов в поблескивающих кольчугах и кивнул, разрешая всем разойтись.

Тут он вспомнил, что хотел спросить самийа кое о чем, – и не обнаружил Тарика рядом с собой. Аммар невольно вздрогнул.

Он пока так и не смог привыкнуть к бесшумности и мгновенности текучих перемещений нерегия. Не зря те, кто видел самийа в бою, говорили, что человеку с мечом против него делать нечего. Рассказывали, что джунгары, которых нерегий убивал в степи, не всегда понимали, что уже лишились головы или половины тела. Сумеречники всегда были страшными противниками, Всевышний тому свидетель, но нерегий, как рассказывали, и вправду оказался чем-то особенным. Аммару было любопытно, против кого Тарик воевал на западе, что его сумели скрутить, заковать и продать, как верблюда или раба-зинджа, Яхье за три кинтара золота.

Нерегия халиф заметил на другой стороне двора, у резных ворот, ведущих в сад. В черной накидке и туго перетянутом поясом кафтане Тарик казался обманчиво хрупким – и обманчиво безобидным. «Ножки тоненькие, запястья тоненькие, шейка худенькая, жилка на шейке дрожит, ушки торчат, глазки большие – это что, девица или антилопа?» Яхья рассказывал, а потом записал в назидание потомкам халифов, что так ворчали воины, когда увидели нерегия в первый раз. Самийа был без сознания – его укололи жалом большого человекоядного паука из тех страшных земель. Потом он очнулся, и один из слуг не нашел ничего лучшего, чем брезгливо развязать тонкокостное, жалостно остриженное, большеглазое существо. Яхья говорил, что тот бедняга погиб первым. И не заметил, что умер – от удара в горло собственной джамбией¹⁶. По милости Всевышнего, нерегий не сумел быстро выдернуть кинжал из горла убитого и на следующую жертву бросился с голыми руками. Пока самийа сворачивал шею несчастному ашшариту, ему успели накинуть на горло шнурок и душили тварь до тех пор, пока та не обмякла. У державшего веревку до сих пор сохранились шрамы от когтей самийа – тот боролся до последнего. Яхья писал, что они решились расклепать на нерегиле цепи только у самой границы: в результате длительных увещаний – увы, не всегда словесных, горько признавался старый астроном – порядком измученный самийа все-таки дал слово, что ни на кого больше не будет бросаться. Впрочем, до этого кандалы не мешали ему бросаться на всех подряд – за время пути отряд Яхьи потерял еще троих человек. Один зазевался, когда давал нерегию в руки миску с едой, – самийа плеснул ему горячей похлебкой в лицо и придушил цепью. Другой вообразил себя неизвестно кем и решил, что если нерегий устаивает его ответов на вопросы и даже иногда что-то спрашивает, то они вроде как «подружились», ага. «Дружба» окончилась очень быстро – опять же ударом джамбией, которую нерегий на этот раз успел молниеносно выдернуть из горла убитого. И полоснуть сначала одного беднягу, потом

---

¹⁶ Джамбия – традиционный арабский кинжал с широким загнутым клинком.

другого. Выживший в той стычке слуга показывал шрам через всю грудь – он спасся чудом, то ли поскользнулся, то ли остутился и так ушел от удара. А от его товарища удача отвернулась – и самыйя рассек ему горло. По милости Всевышнего среди спутников Яхьи нашелся укротитель дракона – кто-то треснул нерегиля по затылку булавой. Мог бы и на месте убить, но у самыйя оказался на удивление крепкий череп – получилось только оглушить.

Халиф тряхнул головой, прогоняя пустые мысли, – все, теперь Тарик на надежной привязи. Ну а его, Аммара, волосы и так и так стали бы седыми – просто чуть позже.

Кстати, присмотревшись к собеседнику нерегиля, халиф почувствовал неприятное удивление – этим собеседником оказался ибн Худайр. О чем могли говорить самыйя и начальник тайной стражи? Словно отвечая на его подозрения, оба вдруг повернулись и посмотрели в сторону Аммара. И тот услышал внутри головы голос Тарика: *«Очень неспешно и не выказывая никакой тревоги постепенно продвигайся к нам»*.

Стиснув зубы, халиф поднялся и направился к секретничавшим наглецам.

– Улыбайся, улыбайся, Аммар, – сквозь вполне естественную улыбку процедил Тарик, когда халиф подошел совсем близко. – У тебя все хорошо, и мы сообщаем хорошие новости.

Ибн Худайр тоже весь расплылся от радости созерцать своего повелителя: одутловатый, с тонкими ножками, но большим животом – старый вазир не мог отказать себе в слишком многих блюдах – начальник тайной стражи выглядел как простоватый дядюшка из пригорода, приехавший в столицу продавать финики.

– О мой халиф, у меня воистину есть любопытные известия для тебя.

– Я слушаю, – Аммара уже трясло от злости на этих двоих – что они себе возомнили, знатоки тайн, вершители судеб?

– Ответ наместника Саракусты пришел даже раньше, чем мы предполагали, – наш голубь прекрасно справился с перелетом...

– Видимо, преданный слуга хотел обрадовать меня как можно скорее, – отрезал Аммар. – Писцу всыпали плетей? Сколько?

– Увы, мой повелитель, – усмехнулся ибн Худайр и сложил руки в извиняющемся жесте, – уважаемый наместник не смог выполнить твой приказ относительно нерадивого катиба.

– Это еще почему? – вскипел Аммар.

– Потому что он не приказывал составить это послание, – блестя глазами, заулыбался начальник тайной стражи. – Он его не диктовал, не приказывал записать, не составлял и не отправлял, о мой халиф. И он не посылал тебе женщин, мой повелитель. Он посылал тебе меч ашшамской стали и доспех с золотой насечкой.

– Эти бабы пристали к каравану уже на выходе из Саракусты, – мрачно сообщил нерегиль. – С ними было столько рабов и прислужниц, они везли столько драгоценностей и одежды, что никто не усомнился, что их прислал наместник.

– Ну-ну, мой сумеречный друг, вы нас недооцениваете, – просиял Исхак ибн Худайр. – И выправленная по всем правилам подорожная, и купчие на невольниц, и сопроводительное письмо – все было при них.

– Только буква подвела, – усмехнулся Тарик.

– И невинная привычка врать в ответ на вопрос «как тебя зовут?», – вазир снова расплылся в улыбке кота над миской с молоком. – Я ваш должник, мой сумеречный друг. Если бы не ваша подозрительность... У вас потрясающее чутье на ложь.

– Это не чутье, – дернул плечом Тарик.

– Где они? – процедил Аммар. – Где эти девки?

– Уже в подвалах замка, – закивал ибн Худайр. – Обе красавицы и вся их прислуга: шесть невольниц и три невольника. В городской цитадели очень глубокие, надежные подземелья. И прекрасные комнаты для допросов, в которых джунгары, как это ни странно, не тронули ни одного инструмента. Видимо, кочевники предпочитают другие способы развязывать язык.

Тут Аммар понял: все девять дней, с момента появления этих женщин в лагере, он ходил по краю гибели. Войди халиф сперва не к Камар-певице, а к ханаттянке, будь наместник Саракусты менее расторопен, а голубь – хуже обучен, нынешняя ночь могла бы стать для него последней. Впрочем, прошлая тоже – если бы он занимался не «Уложением», а рабыней.

После недели допросов Аммар решил, что не притронется к женщинам по крайней мере год – настолько ему надоел вид обнаженного женского тела.

Невольницы из числа прислуги действительно ничего не знали – их купили в Саракусте перед самым отходом каравана. Тарик, вызванный ради своих способностей отличать правду ото лжи, послушал их слезные крики на дыбе и подтвердил, что рабыни не лгут. Затем самийа неслыханно удивил всех, предложив отпустить девушек. Самой младшей из них не было и девяти, это правда, но ибн Худайр справедливо заметил, что шпионки должны исчезнуть без следа, – это должно было сбить с толку тех, кто их послал. А Тарик уперся и твердил, что шпионки пусть исчезают, а девочки, мол, здесь ни при чем. И если так хочется, чтобы они исчезли, то почему бы не позвать казенную сваху и не устроить их продажу в харимы – зачем, мол, проливать невинную кровь. Аммар в конце концов не выдержал и поинтересовался, чем эти девчонки отличаются от тех, что самийа приказал расстрелять в степи. Тарик пришел в дикую ярость и закричал, что там были твари, а здесь люди, к тому же безвинные. Аммар плюнул и приказал удавить несчастных тетивой и похоронить на кладбище среди правоверных. После этого нерегиль надулся, как мышь на крупу, и несколько дней с халифом не разговаривал.

Между тем слугам ибн Худайра удалось добиться признаний от ханаттянки и ее друга из числа тех, кто выдавал себя за ее рабов: для этого пришлось немало потрудиться над их суставами и костями. Руки и ноги злоумышленников зажимали между деревянными брусками с помощью ворота, их кожа и мышцы лопались и кровоточили, а кости хрустели. После третьей ночи допроса с пристрастием ханаттянка и ее спутник признались, что получили золото от человека, степняка видом, который назвался Гумэчи, сын Булга. И подрядились выведать все тайны, а потом убить повелителя правоверных. В вещах ханаттянки действительно обнаружили кинжалы-катары, которые так любят наемные убийцы: пристегнутый к запястью катар очень хорошо прятать в рукаве. За это нечестивый джунгар обещал девке и ее дружку еще золота, а также девяносто девять лучших коней и золотую пайцзу для безопасного прохода сквозь степи в Ханатту.

Аммар приказал утопить обоих в Мургабе, что вызвало крайнее неудовольствие Тарика. Обозленный необходимостью проводить дни и ночи в пыточном застенке самийа зашипел, что нужно пожалеть бедную реку – в ней еще плавали распухшие тела, и вода не начала очищаться от трупных миазмов. Халиф внял его голосу и велел четвертовать преступников. Это не вызвало у Тарика никаких возражений.

Меж тем развязался язык и у чернявой музыкантши: она интересовала ибн Худайра даже сильнее, чем неверная и подлая язычница. Ее пытали огнем и подвешивали за волосы, и в конце концов девица рассказала, что двое мужчин, сопровождавших ее, – это отец и брат, и все они принадлежат к роду Мугиса, истребленному халифом Амиром аль-Азимом, отцом Аммара.

Старшего ибн Мугиса, поэта и полководца, убили за любовь к одной из дочерей халифа. Всех его родственников мужского пола, кого сумели схватить, Амир аль-Азим велел распять на мосту через Тиджр, а затем четвертовать. Остальных же постановили никогда не брать на службу и не давать им никаких должностей. Это стало причиной окончательной гибели семьи. Впрочем, рассказывали, что Мугисов истребили не столько из-за трех бейтов любовного послания к прекрасной Ямин, сколько из-за влияния, которым семья пользовалась в непокорной и вечно бунтующей Шамахе.

Человек, назвавшийся Араганом, сыном Эсена, по виду степняк, нашел их в глуши Сэй-идзена. И предложил золото, покровительство своего господина, а самое главное, то, чего давно

жаждали их души, – возможность отомстить за пролитую невинную кровь, за гибель мужчин и страдания женщин и детей, на которых надели железные ошейники и продали в прядильные мастерские и в стойбища бедуинов. Девушка с отцом и братом были последними из рода Мугисов, кто не попался в руки тайной стражи, и они согласились. В их вещах нашли катары с несколькими лезвиями и изогнутые, как клык тигра, кинжалы.

Выслушав доклад начальника тайной стражи, Аммар пришел в ярость и велел истребить тех, кто еще оставался в живых из семьи предателей и изменников без различия пола и возраста. Потом, по здравом размышлении, он отменил свой приказ в отношении детей, рожденных женщинами Мугисов от мужчин, купивших их и взявших для потомства.

В отношении же девки и ее родственников – чтоб им всем пить гнойную воду в аду! – халиф долго не мог ни на что решиться. В конце концов, он отчаялся измыслить что-либо утешительное для своей жажды мести и отказался от всех изысков: мужчин приказал попросту четвертовать, а девку подложить под возбужденного ишака и потом тоже четвертовать. Убивать девственницу считалось очень плохой приметой – не познавшая мужчины девушка могла обидеться на то, что ей не дали исполнить свое главное предназначение, и стать неупокоенным духом, а то и гулой. Но Аммар решил, что девка не достойна того, чтобы с ней перед смертью поступили по-человечески. Зато долго корил себя за то, что не подумал о девственницах среди тех шести невольниц – а вероятнее всего, все они ушли из жизни невинными, – и на всякий случай приказал запечатать сигилой Дауда могилы девушек на заброшенном Старом кладбище города.

Казнь была тайной. В деле Мугисов Аммар решил не советоваться с Тариком – слишком ясно он себе представил, как нерегия скривится в брезгливой гримасе. «Не мучить, не калечить, не щадить», ага. «Не мучить», главное дело. И вправду чистоплюй.

Покончив с заговором предателей, Аммар решил довести до конца то самое дело, о котором не успел переговорить с нерегием.

Сначала он приказал неусыпно следить за домом Тарика. Это было просто: самийа поселился на отшибе, в одной из самых удаленных от разоренного города усадеб. И жил в здоровенном пустом доме один. Точнее, время от времени Аммар посылал туда слуг – обычно в наказание за проступки, потому что рабы смертельно боялись нерегия: принести еды, почистить коня, убрать в комнатах и в саду. Впрочем, у самийа вскоре объявился свой садовник. Говорили, что это старый слуга, чудом уцелевший во время набега. Еще говорили, что старик повредился в уме, став свидетелем мученической гибели своей семьи и семей хозяев, и потому присутствие нерегия никак его не волновало. Ну а нерегия, видимо, не волновало соседство со стариком. Поэтому седой садовник продолжал подрезать ветви, черпать воду из колодца, поливать деревья и цветы и копошиться среди розовых кустов – словно ничего и не произошло, и его внуки вот-вот вернутся из поездки на базар и покажут ему купленные родителями леденцы и новую обувь.

Так вот, следить за Усадьбой Сумеречника было просто – знай себе лежи в оросительной канаве на соседнем поле и смотри в оба.

Сложнее было понять, что в ней происходит по ночам.

Потому что, как только на долину падала вечерняя темень, в Усадьбе Сумеречника зажигались огни. Не только в главном доме, но и в саду, и во дворах, и в покинутых службах. Разноцветные: желтые, как от масляной лампы, голубоватые, как у светлячка. Пару раз наблюдали белое страшное пламя, подобное выходящему из ноздрей марида. Аммару колдовские света много раз показывали – и со стен Мерва, с которых открывался вид на всю долину, и с ближайших холмов. А еще Аммар своими ушами слышал в ночной тьме обезлюдевшей долины, превратившейся в одно большое кладбище – рядом с каждым домом пришлось копать там боль-

шую могилу, – так вот, Аммар своими ушами слышал, как в Сумеречном доме звенит смех, тренькает лютня – и кто-то перебирает струны любимого инструмента аль-самийа, арфы.

Арфа тревожила Аммара больше всего. Ото всех остальных слухов он отмахивался: Тарик, думалось ему, навряд ли сведет знакомство с неупокоенными духами. И не очень похоже на то, что нерегиль веселится в компании шайтанов – от шайтана, как известно, распространяется невыносимая серная вонь. А от Сумеречного дома в ночи таинственных гулянок ветер доносил лишь запахи цветов и влажной земли. Но если Тарик, переступив через гордыню, без дозволения халифа свел знакомство со своими дальними родичами, и к нему в усадьбу навеваются гости из числа аль-самийа, за это его нужно призвать к ответу. Сумеречники никогда не ходили в друзьях ашшаритов, и хрупкий мир с ними то и дело сменялся временами взаимных набегов и пограничной вражды.

Так что, когда согладатаи не сумели прибавить ничего к тому, что Аммару было известно и без них, он приказал высечь нерадивых рабов и, дождавшись очередной «ночи разноцветных фонариков», отправился в Сумеречную усадьбу сам.

..Спешившись у высоких ворот темного тиса, Аммар заколотил в них дверным молотком. Двое дрожащих слуг за его спиной держали факелы, но пламя выхватывало лишь островки цветов в море непроглядной тьмы, затопившей долину. Огни военного лагеря остались далеко на севере, в городе пока так и не стали зажигать по ночам фонари – не для крыс же и гул это делать, людей-то все равно раз-два и обчелся, целые кварталы до сих пор стояли пустые, с заколоченными дверями, хорошо мертвецов прибрали. А люди – что? Люди все равно дрожат по домам за закрытыми ставнями. Так что Мерв высился в устье долины мертвой черной громадой на фоне затянутого дымкой ночного неба, и только внешние стены подсвечивались кострами в лагере Бану Худ. На огромном ковре долины мигали огонечки в нескольких усадьбах, но присутствие человека ночью казалось в особенности случайным, словно природа с облегчением вздохнула, избавившись от назойливого ползания смертных букашек.

В островке факельного света обнаруживались лишь щебенка и песок дороги. Колыхались зонтики убогой пижмы, вился по высохшей земле мышинный горошек.

Аммар треснул по воротам еще раз и рявкнул:

– Тарик! Не пристало тебе держать своего повелителя на пороге!

В ответ за воротами зашаркали шаги, и калитка отворилась. Из нее высунулась лампа, а потом и седая голова сумасшедшего садовника. Окинув безразличным взглядом халифа и двоих рабов, старик развернулся и пошел прочь, шаркая по булыжнику двора своими опорками. Аммар заметил, что полосатый халат садовника аккуратно заштопан на спине – что ж, значит, старый хрен все еще может за собой ухаживать. А что, если его обходили джиннии из числа Тариковых гостей? Впрочем, это было бы совершенным безумием – Аммар даже засмеялся.

Невольников смех господина довел до окончательной степени испуга. Дрожа, они переступили порог заколдованной усадьбы и упали на колени, закрыв головы ладонями.

Аммар понял, что толку от слуг не будет, и со злости пнул одного из них в бок. Раб невнятно заскулил, но с места не двинулся. Факел он бросил на землю, и тот затрещал, намереваясь погаснуть. Свет лампы удалялся вместе со стариком. В десятке локтей, за мощным пятачком двора с черной ямой альхиба в середине, совсем по-домашнему светился вход в главный дом. Разноцветные огоньки, дразнившие воображение халифа там, на ночном холме, здесь то ли были не видны, то ли погасли с приближением чужака.

Аммар припустил вслед за садовником. Тот, однако, не стал входить в дом, а у самых ступеней свернул и уплелся куда-то в темный лабиринт хозяйственных пристроек в левом крыле усадьбы. Халиф аш-Шарийа призвал на помощь Всевышнего и вошел в заколдованный дом один.

Тарика он нашел сразу – самый сидел на подушках в гостевом зале перед шахматной доской. В нишах и на тонконогих столиках вдоль стен горели самые обыкновенные масляные лампы и свечи. Партия, судя по количеству снятых с доски фигур, близилась к развязке. Подушка перед Тариком, предназначенная для его противника, пустовала. Аммар вспомнил странные гулкие голоса, доносившиеся из усадьбы до оливкового дерева, под которым он сидел в засаде. Ну и где же твой гость, самый?..

Аммар плюхнулся на подушку перед шахматной доской. Тарик, словно пробуждаясь ото сна, медленно поднял на него холодные глаза.

Это в присутствии подданных самый утруждал себя соблюдением хоть какого-то церемониала. И то сказать: сумеречник продолжал совершенно непристойно звать халифа по имени. Аммар, впрочем, решил оставить за ним такую привилегию – в конце концов, нерегиль не совсем обыкновенный слуга. А наедине с повелителем верующих самый вел себя исключительно сообразно тому, какое настроение намутил ему своим хвостом иблис.

Аммар понял, что нынешним вечером хвост иблиса привел Тарика в скверное расположение духа.

– Аммар, – очень сердито сказал ему самый вместо приветствия. – Тебе нечем заняться по ночам? Купи себе рабыню. Или заведи жену – а то сколько можно портить девок безо всякой пользы для государства. Или купи себе петуха и крути ему яйца. А меня оставь в покое – я и так не успеваю соскучиться по тебе к утру, а ты еще и вламываешься ко мне в дом по ночам. Это невежливо с твоей стороны... человек.

«Человек». Так далеко нерегиль еще не позволял себе заходить.

– Если ты сейчас же не извинишься и не поприветствуешь меня как подобает, я прикажу отправить тебя на кухню молоть зерно для лепешек.

Тарик задумался. Потом переставил на доске черного слона и сказал:

– Отправляй. Мне приходилось бывать и в более неприятных местах... Аммар.

– Я отправлю, – спокойно подтвердил халиф. – А за наглое упорство еще и прикажу тебе носить воду.

– В таком случае я буду самой дорогой кухонной рабыней в истории аш-Шарийа, – невозмутимо ответил Тарик, присматриваясь к белым фигурам.

– Но могу и помиловать, если расскажешь, кто у тебя бывает здесь по ночам.

– А у меня кто-то бывает? – нагло раскрывая большие серые глаза, притворно изумился нерегиль.

Тут Аммар увидел арфу – невысокая, человеку по пояс, она стояла, прислоненная к сундуку у окна. Сквозь частую решетку-шебеке падал лунный свет, и полированные изгибы корпуса серебрились в неярком просеянном сиянии. Струны тоже светились – они явно были сделаны не из презренных жил животного.

– Откуда у тебя арфа?

Тарик посмотрел на инструмент и снова задумался.

– Мука, вода и лепешки – прямо с завтрашнего утра, – прищипорил мысли нерегиля Аммар.

– Как хочешь, – наконец пожал плечами Тарик. – Я не против. Лучше молоть муку, чем драться с десятью тысячами джунгар среди сурковых нор и колючек.

– Десять тысяч джунгар?.. – подскочил Аммар. – Когда? Где? Откуда ты знаешь?

– Десять тысяч. Под Беникассимом. Не позднее следующей луны. Сказали силат¹⁷, которые живут на соседнем плоскогорье, – сообщая все это, самый отсутствующе хмурился и, закусывая губу, пытался найти новое место зажатой в пальцах черной лафье.

---

¹⁷ Разновидность джиннов, о которой практически ничего не известно.

Бросив взгляд на доску, Аммар понял, что стоявшие с его стороны фигуры сделали ход – белый конь явно перескочил на другую клетку.

– Шайтан тебя возьми, Тарик! – рявкнул халиф. – Я никогда не видел, чтобы играли с отсутствующим противником!

– Почему это отсутствующим? – взорвался самийа. – Ты вломился в мой дом, столкнул моего гостя с подушки, чуть не придавил его при этом задницей, мешаешь нам закончить партию и в довершение всего обзываешься на почтеннейшего джинна «отсутствующим»! Если ты ничего не видишь своими подслеповатыми человеческими глазенками, то это не значит, что вокруг тебя никого нет!

Аммар вскочил как ужаленный.

– Прошу прощения, почтеннейший джинн! – пробормотал он, настороженно оглядываясь по сторонам.

Мудрые говорили, что силат недолюбливают людей.

– Сядь хотя бы на соседнюю подушку, о невежа! – прошипел Тарик. – И, во имя сторожевых башен Запада, молчи и дай нам закончить игру.

Халиф последовал совету самийа и стал в изумлении наблюдать, как белые фигуры сами собой двигаются по доске. Наконец Тарик сделал последний ход, прижал руки к груди и поклонился невидимому гостю. Джинн, кстати, выиграл.

– Он... ушел? – осторожно спросил Аммар нерегия, который принялся собирать фигуры с доски.

– Ушел, – отрезал Тарик.

– Силат – твои союзники? – благоговейно прошептал Аммар, перебираясь обратно на подушку.

Самийа поднял на него глаза, и взгляд его показался человеку очень усталым:

– Аммар. Я хочу, чтобы ты понял одну важную вещь. В мире много сил и много существ, которые не просто не являются твоими союзниками, но и не желают ими становиться. Более того, некоторые из этих существ даже не знают о твоём существовании. И даже если узнают, то тут же забудут – потому что ты, Аммар, и твои дела их не интересуют. Мир не вертится вокруг твоей персоны – чтобы тебе ни плели по этому поводу придворные поэты. Да, иногда ко мне наведываются обитатели города в скалах Мухсина...

– Там действительно город джиннов? – подпрыгнул Аммар, загораясь нестерпимым любопытством.

– И не один, – пожал плечами Тарик.

– Я думал, это сказки! – Аммар вскочил на ноги и забегал вдоль края хозяйского возвышения. – Хочу увидеть этот город, самийа! Отведи меня туда!

– Аммар, я не смогу выполнить твой приказ, даже если ты мне пригрозишь распятием на мосту.

– Это еще почему?

– Потому что я в ответе за твою жизнь, – просто сказал нерегий. – Силат тебя убьют, как только увидят. Они враждебно относятся к людям. О набеге силат меня предупредили только потому, что джунгары их злят – степняки нагло прут через Мухсин и нарушают их уединение. И я прошу тебя именем Бога, которого ты чтишь: пожалуйста, не приходи сюда ночью без предупреждения. Силат заглядывают ко мне на огонек, чтобы сыграть партию в шахматы, разнести мои неказистые рифмы или составить компанию в игре на арфе, – но это не значит, что они готовы терпеть в этом доме кого-либо, кроме меня. И они считают эту долину своей – потому что жили здесь задолго до появления людей, распахавших здешние поля. Так что, если ты опять вломишься без приглашения и будешь вести себя как пьяный буйный муж на женской половине, они могут наплевать на мои просьбы простить твое невежество и невоспитанность и убить тебя.

Аммар подумал и сказал:

- Прости меня, Тарик. Я вел себя неподобающе и глупо.
- Даю тебе мое прощение, – вежливо склонил голову самыйа.

Из рассказов о славных деяниях и хроник:

Известно, что Тарик аль-Мансур держал при себе отряд преданных воинов, доверяя им более остальных и всецело полагаясь на них в битвах. Рассказывают, что личную гвардию аль-Мансура в народе называли Кафирской или Неверной, ибо состояла она из сумеречников и головорезов из диких племен, однако подобные сведения, как пишет ибн Хальдун, нельзя считать надежными.

Напротив, через мужей уважаемых и почтенных передается, что воины аль-Мансура именовали себя «Когти Ястреба» и получали жалованье как гвардейцы халифа.

Известно, что в гвардию набирали юных рабов – сначала ханаттани, а потом степняков и тюрок, отчего корпус еще называли южанами. Мальчиков воспитывали при дворце в истинной вере и в преданности повелителю верных. В школе халифа им давали прекрасное образование, а затем отправляли служить в гвардию. Прошедшие сквозь бури войн и жестоких походов юноши становились зрелыми мужчинами, которым халиф и вазирь охотно доверяли командование войсками и управление провинциями. По крайней мере половина наместников в аш-Шарийа были вольноотпущенниками халифа из числа южан.

О том, как гвардейцы аль-Мансура получили свое прозвание, ибн Хальдун пишет следующее: придворный поэт аль-Архами сложил стихи в честь победы над степняками.

Вот они:

И если исходит мраком броня, в боях почерневшая,
То чаши в руках прелестных сияньем полны до краев.
Рабыни играют на лютнях, а наши храбрые воины
Мечами такт отбивают на звонких шлемах врагов.¹⁸

А на пиру, продекламировав эти поражающие сердца стихи, воскликнул: «Воистину четыре тысячи храбрецов – как четыре стальных когтя на лапе гордого охотника!». И все подхватили: «Воистину это так!» И с тех пор корпус южан стал так и зваться – «Когти Ястреба».

Ибн Хальдун также пишет, что аль-Мансур с пренебрежением относился к ополчению и не принимал его под свою руку, не заручившись грамотой от халифа со словами «Даю тебе право казнить и миловать», каковую грамоту, по рассказам, аль-Мансур всегда носил в рукаве, дабы избежать ненужных споров и беспорядков.

Ибн аль-Кутыйя, «Всемирная история».

Беникассим, две недели спустя

Джунгары наступали слитной гикающей лавой – огражденная горами долина покорно стелилась им под ноги. Копыта лошадей топтали ячмень и пшеницу, конники с улюлюканьем проносились среди низеньких оливковых деревьев, рядами высаженных на пологих склонах.

Впереди они видели скопление серых домишек – предместье Беникассима, к которому бежали, размахивая руками, людишки в белых ашшаритских рубахах и платках. На улицах, видимо, тоже царил переполох, в глубине кварталов слышались отчаянные крики. Глупые скоты хотели избежать неизбежного и прятались по подвалам. Высокий замок серого гладкого камня у подножия гор закрыл ворота, и теперь джунгарам предстояла любимая забава: гонять

---

¹⁸ Эти стихи написал аль-Мутамид. Цит. по «Арабская поэзия Средних веков». Москва, 1975.

по узеньким улочкам верещащих скотов, хлеща их плетьюми и рубя на скаку. А потом проехать от дома к дому, выволочь тех, кто пытался в глупости своей спрятаться, выгнать в поле и начать вспарывать животы и рубить на части.

Замок мог подождать – для него в обозе везли таран, штурмовые лестницы и катапульты. Если глупые ашшариты усилили гарнизон – что ж, прекрасно, Онгуджаб-нойон привезет больше голов их военачальников. Если замок попытается защитить их новый полководец, высокий чужеземец с очень белой кожей, – что ж, Онгуджаб-нойон привезет и его голову. Эсен-хан с удовольствием посмотрит в бледное лицо наглеца.

На полном скаку джунгары влетели в улочки предместья, замелькали глухие заборы. Впереди все еще метались крики убегающих людей, мелькали среди стен белые полы джубб, черные абайи женщин. Лава втянулась в изломанные кривые переулки, замедляясь и гулко топоча по отдающим эхом проходам.

И тут в них со всех сторон полетели стрелы и дротики. Избываемые лошади свечили и молотили копытами воздух и глину заборов, топтали тела упавших, в давке поддавали задними ногами и сбрасывали седоков в кровавое месиво под копытами.

Тем не менее джунгарам удалось быстро вырваться из засады – бунчук Онгуджаб-нойона о семи черных хвостах вынесли на видное место, и вокруг него стали собираться значки тысячников. Посланные гонцы быстро разнесли увязшим в уличных боях конникам приказ вернуться и занять место у знамени предводителя.

Джунгары уже строились для новой атаки, когда в тылу у них раздались топот копыт и выкрики на ашшаритском: несколько сотен легких всадников с луками и дротиками вылетели из апельсиновой рощи у дальнего горного склона и очень быстро сблизилась с приближающимся обозом тумена. Подскакав на расстояние прицельного выстрела из лука, ашшариты принялись расстреливать табун запасных лошадей. Пронзительный визг умирающих коней поднимался от скал к небу, как послание из лошадиного ада. Со стороны желто-серых гор на другой стороне долины приняли в галоп еще несколько сотен всадников в белых джуббах – как призраки, они возникли из ложбины между засаженными оливами холмами. Эти конники, вооруженные копьями и мечами, налетели на табунщиков и на кибитки с добром и женщинами – и принялись рубить все живое. К лошадиным воплям прибавились человеческие. Из повозок выскакивали люди, их секли на скаку.

Джунгары дрогнули, развернули знамена и бросились спасать коней и семьи. Но ашшаритские всадники при виде надвигающейся на них кавалерии молниеносно развернулись, рассредоточились и разлетелись по долине. Кочевники рассыпали ряды и стали метаться между трупами, пытаясь собрать разбежавшихся запасных лошадей и отыскать домашних в развороченном обозе.

Из замка донесся низкий бой барабанов. Ворота открылись, и оттуда хлынули конники в кольчугах и с длинными копьями. Последние ряды еще покидали замок, когда всадники из головы отряда уже сшиблись с арьергардом джунгарского строя и начали быстро вклиниваться во вражеские порядки.

С восточного склона долины тоже послышался барабанный бой. Из темных рощ каменного дуба выдвинулись первые ряды тяжелой конницы. Всадники под белым знаменем халифа стали разворачиваться в широкий строй. По сигналу трубы они пошли в копейную атаку на джунгарский фланг. Кочевники не успели построиться для отражения этого натиска – их опрокинули, джунгары оказались зажатыми между замковым отрядом и конной лавой под знаменем Аббасидов. Пошла сплошная, грудь в грудь, рубка.

Рассыпавшиеся по долине всадники ашшаритов перегруппировались и снова собрались в боевые порядки. Сблизившись с расползшимся по обозу головным джунгарским полком, ашшариты принялись засыпать кочевников стрелами и камнями из пращей. Среди кибиток

воцарился дикий хаос. Наконец, израсходовав стрелы и камни, ашшариты влетели в лагерь кочевников и взялись за мечи.

Джунгарский тумен попался в ловушку, которую от века расставлял ашшаритам: засада, выманивание на открытое пространство, навязанный ближний бой и притворное отступление, расстраивающее боевые порядки преследователей. А потом окончательная атака в тыл и с флангов, дополняемая обстрелом из тяжелых луков.

К заходу солнца в долине не осталось в живых ни одного джунгара.

Взбешенный Тарик только что не чихал от ярости. Как кошка, которая вместо мыши поймала кусок шерсти и теперь пытается с фырканьем его сплюнуть, он задышался и не мог произнести ни слова – они не выходили из сведенного горла и перекошенных губ. К тому же у нерегия тряслись руки – тоже от злости, не иначе.

Саид зачарованно наблюдал за тем, как бесится командующий, и благодарил Всевышнего за то, что стоял в резерве в роще падуба. Кто знает, как оно могло там все обернуться в замке – Саид даже и предположить не мог, по какой причине отрядам Бану Худ пришлось в голову нарушить приказ. Сумел бы он, каид полусотни, остановить их? Что бы предпринял для соблюдения порядка?

Во всяком случае, теперь поздно строить догадки – случилось то, что случилось. Приказ был ясен и понятен: выйти из замка, пройти через предместье и развернуться в широкий строй. И только потом атаковать. Ни при каких обстоятельствах не входить во вражеские порядки клином – это уже не раз оборачивалось смертоубийственной бойней. Молодые горячие воины кидались, не оглядываясь на остальных, в бой, их отряд зажимали в тиски и либо расстреливали из луков, либо уничтожали по частям. Именно об этом предупреждал молодые горячие головы из племени Бану Худ нерегий – и именно на эти предупреждения юные идиоты не обратили никакого внимания. Выскочив из стесняющих душу всякого храбреца замковых стен, они тут же позабыли про нудные нотации какого-то беломордого самийа и рванули вперед, никого не дожидая и ни на кого не оглядываясь. Остальным отрядам пришлось броситься вслед за ними – в противном случае воинов Бану Худ изрубили бы в лапшу для лагмана в считанные мгновения. Правда, Саид считал, что бешеной собаке туда и дорога: каидам Умейя и Курайш следовало предоставить глупцов их глупой судьбе и выполнять приказ нерегия как ни в чем не бывало. Но Умейя и Курейши так не поступили.

Теперь военачальники и каиды всех трех родов, окруженные отборными воинами, стояли перед задыхающимся от ярости нерегием. Тарик, все еще борясь с раздирающим горло шерстяным клубком ненависти, сделал писцу знак подойти. Тот подошел и развернул свиток:

– Да будет благословен наш халиф Аммар ибн Амир, да продлит Всевышний его дни! Согласно законам повелителя верующих – мудрым, справедливым, – воин, нарушивший отданный военачальником приказ, подлежит смертной казни. Да помилует нас Всевышний, он милостивый, прощающий.

Нерегий наконец-то откашлял свою злость и сказал:

– Повесить всех каидов, от начальника сотни до тысячника. И военачальников, всех троих. Выполняйте.

Сказать это было легко, а сделать трудно: приговоренных набралось не меньше двух десятков, и все они были вооружены. Однако сопротивления почти никто не оказал – видно, приказ нерегия оказался настолько страшным и неожиданным, что осужденные не сразу смогли в него поверить. Ханаттани быстро окружили толпу мужчин в пестрых одеждах кланов, вытащили из нее нужных, обезоружили, скрутили и быстро увели.

Ошалевшие поначалу воины быстро пришли в себя и загалдели, кое-кто вскидывал взблескивающие в свете факелов кинжалы:

– Мы не рабы! Ашшаритов от века не наказывали за храбрость! Неслыханно!

Тарик, уже садившийся на коня, развернулся к толпе. Крики постепенно стихли. Нерегиль проговорил звучным спокойным голосом:

– Казнь состоится завтра на рассвете, в роще паду́ба у восточного склона – в присутствии всех воинов кланов Умейя, Курейши и Бану Худ. Ответственность за своевременность построения возлагаю на кайдов полусотен. Если завтра утром я останусь вами недоволен, следующими на деревьях повиснете вы.

Саид очень сочувствовал и тем, кого вел на смерть, и тем, кому пришлось смотреть на казнь родичей и друзей. Впрочем, приговоренные вели себя с большим достоинством. Их привезли верхом, со связанными за спиной руками. Многие попросили принести им в тюрьму белые одежды паломников и надели их, прежде чем ханаттани наложили на них руки и повели на смерть.

Ашшариты из кланов тоже надели самую простую одежду – они не хотели оскорбить своих старших праздничным и нарядным видом.

Грохнули барабаны, палачи подняли с колен троих осужденных и повели к деревьям. Это были предводители отрядов.

К Тарику, сидевшему на своем бледно-сером сиграви, быстрыми шагами подошел поэт аль-Архами и сказал:

– Господин, еще не поздно явить милость.

На них смотрели. Тарик, закутанный в угольно-черную джуббу, в утренних сумерках походил на ворона. Меж тем палачи уже накидывали петли на шеи осужденных.

– Милость?.. – Самийя переспросил с таким искренним удивлением, что у всех, кто еще на что-то надеялся, упало сердце.

Потом Тарик презрительно скривился и добавил:

– Боюсь, мой друг, милосердие и сострадание не входят в число моих главных добродетелей. Я бы даже сказал, что они вообще не входят в число моих добродетелей.

Кайд-южанин, отвечавший за последний сигнал, заинтересованно наблюдал за беседой нерегилья и поэта.

– Господин, – не сдавался аль-Архами, – по твоему приказу вот-вот казнят надежду лучших родов аш-Шарийа. Умейя – прямые потомки Али, их родословной четыре века, Курейши тоже пришли с Посланцем из пустыни, это очень древний род...

– Четыре века?..

Если бы кто-то попытался вложить в этот вопрос еще больше холодного презрения и издевательской насмешки, у него бы навряд ли получилось.

– Я впечатлен, аль-Архами, – голос нерегилья сочился ядом.

И Тарик ободряюще обратился к кайду, стоявшему у стремени с желто-алым платком в руке:

– Вешайте-вешайте.

Юноша вскинул ослепительно-яркий шелк – и резко опустил руку. Барабаны зарокотали и смолкли. По рядам воинов пронесся горестный вздох. Многие закрывали лица руками и начинали молиться.

Барабаны грохнули снова.

И снова. И снова.

... Теперь пришла очередь старого седого тысячника, повидавшего на своем веку десятки сражений, и двух молоденьких сотников. Когда их поставили под деревья, из строя воинов Бану Худ раздался выкрик:

– Нерегиль! Возьми лучше мою жизнь, она мне не нужна, – но пощади моего сына!

По рядам, в которых уже и так слышался ощутимый ропот, пошел гул. Расталкивая воинов, вперед вышел еще не старый, с едва наметившейся проседью высокий ашшарит в сине-

зеленом полосатом кафтане. Швырнув к копытам коня Тарика джамбию, он высоко поднял руки:

– Во имя Всевышнего! Если тебе нужна чья-то кровь, пусть это будет моя кровь!

– Отец, нет! – Это кричал юноша, палачи держали его за локти и не давали сойти с места.

Тарик, не обращая внимания на выкрики и нарастающий гул, придержал затоптавшегося коня и невозмутимо осведомился:

– Кто позволил тебе покинуть строй, о неразумная скотина?

Войско ахнуло.

– Будешь следующим.

Взлетел в воздух желто-алый шелк, грохнули барабаны.

Ханаттани поволокли к деревьям несчастного отца, и палач отпустил локоть приговоренного – юноше пришлось подождать своей печальной очереди.

Увидев, кого палач оставил стоять на коленях на мокрой от росы траве, аль-Архами охнул, закрыл лицо рукавом, а потом вдруг с решительным лицом вновь шагнул к нерегилю. Загремели барабаны.

– Господин...

– Это опять ты? – В голосе нерегиля послышалась угроза.

– Я прошу тебя помиловать лучшего поэта аш-Шарийа.

И аль-Архами опустил на колени у копыт фыркающего и мотающего головой сиглави. Конь затоптался, когда поэт коснулся лбом травы и застыл в такой позе.

– Ты так мучаешься, мой друг, что я подумал: может, тебе легче разделить участь тех, кому сострадаешь?

Тарик улыбнулся, да так, что многие попрощались с опрометчивым ходатаем. В конце концов, милосердие должно ограничиваться благоразумием. Только глупец может не видеть, что пришел час мщенья самийа, – сумеречник не выпустит трепыхающуюся меж клыков добычу.

Однако поэт, не раз просивший за друзей и родичей перед тронем халифа, не двинулся с места и не поднял головы. Барабаны грохнули. Аль-Архами не пошевелился. Тарик сморщился и посмотрел в сторону осужденных. Их осталось двое – юноши в одинаковых белых накидках. Палачи подошли к ним, подняли с колен и повели к деревьям.

Нерегиль снова улыбнулся и перевел взгляд на аль-Архами:

– Лучший, говоришь?.. Ну пусть прочтет что-нибудь. Но смотри, поэт, – если ты соврал, я тебя добавлю к висельникам – для ровного счета.

За спиной самийа несколько тысяч человек замерли от ужаса. Аль-Архами, не изменившись в лице, распрямил спину и прижал ладони к груди в жесте благодарности.

– Правый, – сказал он каиду с платком.

Тот сделал знак палачу подвести осужденного. Юноша шел, высоко подняв непокрытую голову.

Палач поставил его на колени рядом с придворным поэтом. Молодой человек поднял глаза и выдержал взгляд самийа.

– Ты поэт?

– Всевышний рассудит, – пожал плечами юноша.

– Читай.

– Что тебе прочесть, господин? – спросил юноша так спокойно, словно стоял не между нерегилом и палачом, а среди друзей в собрании.

– Тебе виднее, – издевательски усмехнулся самийа.

Юноша на мгновение задумался и сказал:

Тебя в разлуке я вижу ясно глазами сердца.

Будь вечным счастье твое, как слезы моей тоски!
Я не стерпел бы сетей любовных от прочих женщин,
Но мне отрадны, мне драгоценны твои силки.
Подруга сердца, я рад, я счастлив, когда мы вместе.
А здесь горюю, где друг от друга мы далеки.
Тебе пишу я глубокой ночью – пусть не узнает
Никто на свете, что муки сердца столь глубоки.
Скорблю о милой, как о далеком волшебном рае,
Любовью дышит любое слово любой строки.
К тебе умчался б, но ведь не может военачальник
Покинуть тайно, любимой ради, свои полки.
К тебе пришел бы, к тебе прильнул бы, как на рассвете
Роса приходит к прекрасной розе на лепестки.¹⁹

Тарик долго молчал, и по лицу его ничего нельзя было прочесть. На поле перед падубовой рощей стало очень тихо, словно никого, кроме самийа и поэта, там и не было. Слышалось только, как глубоко в лесу угукает горлица. Потом самийа вдруг сказал:

– Мне... называли твое имя. Почитай еще.

– Что бы ты хотел услышать, о господин?

И Тарик ответил:

– Я знаю, что ты недавно написал стихи, которые никто из людей еще не слышал. Прочти их.

Юноша удивленно глянул на самийа, однако овладел собой и ответил:

– Как скажешь, господин.

А потом прочитал:

...Примчавшись на родину, всадник, ты сердцу от брэнного тела
Привет передай непременно!
Я западу тело доверил, востоку оставил я сердце —
И все, что для сердца священо.
От близких отторгнутый роком, в разлуке очей не смыкая,
Терзаюсь я ношно и денно.
Господь разделил наши души. Но если захочет Всевышний,
Мы встречиждемся смиренно.²⁰

Закончив чтение, юноша ахнул – он только что понял, как его стихи должны были отозваться в сердце Тарика. Стоявший рядом на коленях аль-Архамии побледнел от ужаса. Между тем нерегиль сидел в седле неподвижно, и по лицу его тенями бежали мысли, не доступные разуму смертных.

– Мой друг был прав, – наконец сказал Тарик. – Ты выразил в четырех бейтах все, что я не смог сказать, исписывая свиток за свитком поэтическим мусором. Мой друг считает тебя лучшим поэтом среди ашшаритов, о Мунзир ибн Хакам из рода Курайш. Ты свободен. Освободите также и того человека, – Тарик кивнул в сторону последнего осужденного. – Я побежден.

И, сказав эти загадочные слова, самийа тронул коня. Но Мунзир ибн Хакам, которому уже развязали руки, взялся за повод серого жеребца Тарика и спросил:

---

¹⁹ Стихи аль-Мутамида. Цит. по «Арабская поэзия Средних веков». Москва, 1975.

²⁰ Стихи написаны Абд-ар-Рахманом, «Соколом Курайш». Цит. по «Арабская поэзия Средних веков». Москва, 1975.

– Господин, откуда тебе стало известно об этой поэме? Я не показывал ее никому, даже брату! – И юноша кивнул в сторону деревьев, куда уже дошло известие о помиловании.

– Мне сказал о ней один знакомый, с которым я часто играю в шахматы. Он нашел ее среди бумаг в твоём ларце для писем, – ответил Тарик.

– Но как твой знакомый проник в мой дом? – удивился поэт.

– Через окно, на котором ты поленился поставить печать, защищающую от джиннов пустыни, – усмехнулся самийа.

Юноша разинул рот от изумления, а Тарик добавил:

– Будешь проезжать через плоскогорье Мухсина – повернись к северу и позови Имрууль-кайса. Силат будут рады принять тебя в своём городе, о Мунзир ибн Хакам – поэт милостью Божией.

4. Небесный волк

Аммар выслушал вести о поражении джунгар и об... упорядочивании ослушавшихся отрядов, не изменившись в лице. Общение с нерегилом все более напоминало охоту с огромной прирученной рысью: отпустишь сворку сильнее – зверь того и гляди проволочет тебя по кустарникам, скакнув за добычей. Накрутишь ремень на кулак – будет рваться, задыхаясь в ошейнике. Впрочем, не сам ли халиф сказал нерегилю: «Я даю тебе право казнить и милловать»? Хотя Аммар не ожидал, что самийа умудрится казнить сыновей самых знатных родов халифата – и помиловать простого сотника из захудалой боковой ветви Курейшитов.

Однако ни человек, ни даже тушканчик не вольны в своей жизни – так сказал Малик ибн Амр, когда раскопал нору, в которую попала летевшая в него стрела, и обнаружил там пораженного в голову зверька. Видно, листок с именами жертв уже упал у трона Всевышнего. Осталось посмотреть, чьи еще имена упадут к ступеням Престола Праведнейшего – в том, что семнадцать повешенных в роще падуба будут не последними в скорбном списке, Аммар не сомневался.

Нынешним вечером главы оскорбленных родов будут сидеть в собрании – халиф собирався чествовать вернувшегося с победой нерегиля. Более того, соберутся все предводители кланов, имевшие право садиться в маджлисе без разрешения халифа. Хромому ослу было понятно, что сегодняшней вечер не обещал тишины.

...Повелитель верующих воскликнул:

– Воистину подобного не было, как мне кажется, ни у одного царя!

Пировали в саду – плотина снова преградила воды Мургаба, и в пруду и фонтанах плескалась вода. Ради праздника Аммар приказал принести садовнику огромное блюдо и сделать на нем маленькие беседки из разных цветов, а посреди блюда налить воду и по краям положить крупные жемчужины – чтобы это походило на пруд и камешки. А в воду пустили змею, которая плавала в ней, извиваясь. На краю блюда стояла маленькая лодка, в которой сидела красивая девочка-невольница с не закрытым еще лицом и делала вид, что гребет золотыми веслами.

Аммар довольно оглядел пахучие кипы жасмина и бутоны роз. С цветов медленно стекали в рукотворный пруд крупные капли – лепестки обрызгали смесью воды и розового масла. И сказал:

– Я награжу всякого, кто скажет стихи об этом блюде и о том, что на нем находится.

Аль-Архами по праву придворного поэта импровизировал первым:

Все чудеса земной природы в причудливом разнообразье
Перед тобою, повелитель, судьба роскошно сочетала.
Вот нити трепетного света, вот полог, сотканный росой,
Вот в царстве зыбких очертаний чертог прозрачнее кристалла.²¹

Рабыни отложили лютни и захлопали в ладоши. Лица девушек скрывали прозрачные покрывала оранжевого и золотого цвета, подведенные глаза и брови дразнили мужчин. Музыкантши позволяли расшитым золотом тканям словно бы случайно упасть с лица. Отложив инструменты на ковры, они с притворной стыдливостью подхватывали кайму платка и прикрывали лица – и тут же показывали браслеты на обнажавшихся запястьях. Глаза невольниц

²¹ Эти стихи, а также все процитированные в этой главе бейты, сложил в Кордове Саид ибн аль-Хасан ибн Иса аль-Багдади для правителя аль-Мансура. Цит. по Ибн Бассам. «Сокровищница достоинств жителей Андалусии», в кн. «Средневековая андалусская проза». Москва, 1985.

влажно поблескивали – в них скакали крошечные шайтаны, обещающая ночи в саду и вкус граната на губах.

– Жалую тебе коня под тисненным золотом седлом! – воскликнул Аммар, взмахнув рукой, и послал поэту чашу вина.

Слово взял друг аль-Архами:

Сквозь воду виден крупный жемчуг, а среди неуловимых струек
Змея пестреет, извиваясь, но не показывает жала.
Ты в этом зеркале прелестном увидишь все, что пожелаешь:
И феникса, и черепаху, и леопарда, и шакала.

Многие попросили принести им калам и бумагу, чтобы записать стихи сегодняшнего вечера.

Аммар усмехнулся – поэт, похоже, понял, что значит змея среди белоснежных лепестков и жемчужин. И снова оглядел сад – нерегиль, истинное бедствие из бедствий и змея среди змей, еще не появился.

Меж тем следовало одарить стихоплета. Аммар послал ему три жемчужины из блюда и вино.

Невольники в шитых золотом рубашках разносили шербеты, воду с розовыми лепестками и льдом, вино и фрукты.

Несравненная Камар заняла место по другую сторону благоухающего блюда, прямо напротив Аммара. Лютню царица певиц еще не брала в руки – сидела, закрывшись до глаз черным покрывалом прозрачного газа. Аммар не мог не признать, что ятрибка, конечно, уступала так и не распробованной толком ханаттянке в умелости и красоте. Но, когда он входил к Камар, в ушах продолжал звучать ее низкий голос, поющий о страсти, – и ночь покрывала тьмою и рыжие волосы, и не слишком пышную грудь невольницы.

– Мы забыли о девушке в лодке! – воскликнул сын наместника Саракусты. И сказал так:

Но, может быть, всего прекрасней на корабле своем девица;
О ней, увенчанной цветами, душа с любовью возмечтала.
Предупреждает резкий ветер о том, что в море будет буря,
И корабельщица страшится при виде яростного вала.

Похоже, многие, очень многие предвкушали, что сегодняшний вечер завершится не только поэтическим поединком. Аммар, не сдержав улыбки, воскликнул:

– Еще один бейт, о воин, и я включу тебя в число моих надимов!

Тот, расхохотавшись, поднял чашу, приветствуя своего повелителя.

– Жалую тебе коня и золотые поводы!

Аммар веселился от души. Обернувшись в поисках раба с кувшином – чаша опустела, – халиф вдруг оказался лицом к лицу с Тариком.

– Тьфу на тебя, – в сердцах прошипел Аммар.

Самийа, как истинная кошка, подкрался незаметно. Теперь он сидел за спиной Аммара и, как ни в чем не бывало, оглядывал сад хищными холодными глазами. На нем был парадный, придворного белого цвета, кафтан. На поясе висел меч. В ответ на Аммарово шипение Тарик рассмеялся и сообщил:

– Прости, я опасался, что не найдусь с нужными рифмами, если придется импровизировать. Вот и засиделся над стихами, которые надеялся выдать за экспромт...

Нерегиль едва сдерживал глумливую усмешку, изо всех сил пытаясь сохранить выражение покаянной серьезности на узкой бледной морде.

– И что получилось? – без особого восторга поинтересовался Аммар. Тарик нахмурился и продекламировал:

Ты, оплот несокрушимый вопреки земному тлену,
Награждающий заслугу и карающий измену,
Ты меня, раба дурного, соизволивший приблизить
И своим расположеньем повышающий мне цену...

Тут нерегиль не выдержал и расхохотался. Аммар понял, что вот-вот расхохочется сам, – так смешно у Тарика вышло передразнить льстивую манеру придворных стихоплетов. Сдерживаясь из последних сил, халиф спросил:

– А где финал?

Нерегиль, вытирая рукавом выступившие на глазах слезы, выдавил сквозь смех:

– Вот в этом-то и беда – нет финала... Это, наверное, потому, что стихи идут... не от сердца...

Аммар плюнул на приличия и заржал.

Тарик, отсмеявшись, заявил:

– Поэтому я и опоздал. Поможешь с последним бейтом?

Халиф прыснул и ответил:

– Да отвратит меня Всевышний от такого нечестивого деяния! Луна не видела стихов отвратительнее – уж лучше не позорься в маджлисе. Скажи честно, что Всевышний отказал тебе в поэтическом даре, и пропусти свою очередь!

Повернувшись обратно к собранию, Аммар понял, что в саду все стихло, и на них с нерегилом устремлены взгляды всех присутствующих.

– Сядь напротив меня, о Тарик, – приказал тогда Аммар. И махнул невольникам: – Принесите ему подушку.

Когда самийа сел на указанное ему место, халиф приказал поднести хрустальную золоченую чашу и наполнить ее вином. И громко сказал:

– Прими этот кубок из моих рук, о Тарик! Воистину ты заслужил мое расположение! Жалую тебя чашей вина, драгоценным поясом и четырьмя чистокровными конями под седлом и в золотой узде, рабами, чтобы за ними присматривать, а также двенадцатью невольницами и двенадцатью невольниками в шелковой одежде и с жемчужной серьгой в ухе!

Тарик отдал земной поклон, принял чашу у него из рук, поднял ее высоко над головой и провозгласил:

– Живи десять тысяч лет, о мой повелитель!

И пригубил вино.

Наблюдая за тем, как нерегиль ставит чашу на ковер перед собой и снова земно кланяется, Аммар услышал у себя в голове: «Чтоб тебе провалиться со своими подарками! Я в аду видал твоих коней, рабов, и в особенности – забери тебя шайтан, Аммар, – невольниц!»

– Вода, мука, лепешки, – негромко предупредил халиф, удовлетворенно созерцая склоненный затылок нерегиля, – повинуйсь требованиям дворцового церемониала, тот застыл с почтительно прижатым к коврику лбом.

Наконец повелитель верующих сделал знак смотрителю двора. Тот коснулся правой ладони Тарика жезлом черного дерева, разрешая самийа поднять голову. Нерегиль распрямился, подарив халифа злующим взглядом.

Потом Аммар громко, чтобы все услышали, приказал:

– Пусть каждый из присутствующих поднимет чашу в честь Тарика, заслужившего сегодня мою милость!

В саду, среди огоньков ламп и отблесков света, зазвучали одобрителные возгласы и здравицы.

Звук удара и звон раскатившейся посуды заставили всех обернуться туда, где на почетных местах, у самого края сверкающего отражениями блюда сидели Бени Умейя.

Аммар тоже посмотрел в ту сторону.

Умар ибн Имран, глава Умейядов, сидел на подушках, уперев ладони в колени и по-бычьему наклонив голову. Его чалму украшало перо фазана, пристегнутое изумрудной брошью. Сейчас это перо торчало, как рог свирепого тура. Перед ибн Имраном валялся, жалобно растопырив ножки, опрокинутый столик. Апельсины, финики и виноград составили скорбную компанию отвергнутым кувшину и чашке.

Тарик продолжал сидеть на своей подушке лицом к Аммару – неподвижно, не обернувшись на грохот и не изменившись в лице.

– Что с тобой, о Абу-аль-Ариф? – Голос халифа прозвучал мягко и успокаивающе. – Почему ты не хочешь уважить мою просьбу в день праздника?

– Потому что я не понимаю, что мы здесь празднуем, о повелитель, – сурово ответил широкоплечий, статный, славный своей отвагой и безжалостностью глава Умейядов.

Рассказывали, что в свои пятьдесят три Умар держит пять молодых наложниц, и те недолго ходят пустыми, то и дело производя на свет очередного Умейя. Ибн Имран уже потерял счет своим детям от четырех жен, пяти наложниц и десятков рабынь, которых ему тем не менее продолжали дарить и покупать. Тем не менее юный Абд-аль-Малик, повешенный в роще падуба у стен Беникассима, был его сыном – и сыном от Таруб, любимой наложницы.

– Объяснись, о Абу-аль-Ариф, – спокойно сказал халиф.

Охрану в саду несли вооруженные мечами и джамбиями южане.

Тарик продолжал сидеть не шевелясь, устремив взгляд в какую-то точку за спиной Аммара.

Все присутствующие затаили дыхание. Слышны были лишь плеск воды в фонтане, треск факелов и голоса перекликающихся по своим хозяйственным делам рабов.

– Всевышний свидетель – я служил тебе верой и правдой, о мой повелитель, и не жалел жизни, защищая твоего отца и тебя в дальних походах и жестоких битвах, – мрачно проговорил Умар. – Твоя жизнь и твоя честь были мне дороже моей жизни и чести и жизни и чести моих сыновей. А ведь мой род, так же как и твой, род Аббаса, происходит от Али! Наши праотцы были сыновьями посланца: Аббас – от Сабихи, а Умейяд – от Зейнаб! Вот почему я не могу исполнить приказ, о мой халиф! Я оскорблен, и вместе со мной оскорблен весь род Умейя. Я говорю за себя, раз остальные предпочитают трусливо прятать лица за рукавами! – возвысил голос глава Умейядов, оглядывая остальных вождей кланов.

Те уже начинали переглядываться, кивать и поглаживать ладонями рукояти джамбий. Меж тем Умар ибн Имран поднял правую руку и воскликнул:

– Да простит меня Всевышний, о мой повелитель, но я не стерплю позора и засвидетельствую перед этим собранием: ты поступил опрометчиво и неразумно! Ты отвернулся от своих преданнейших слуг! – Умар гордо обвел глазами лица сидевших в маджлисе.

Люди кивали и облегченно вздыхали: ну наконец-то нужные слова сказаны, и сейчас все встанет на свои места.

Глава Умейядов крикнул:

– Я не потерплю, чтобы мою судьбу и судьбу лучших из лучших воинов аш-Шарийа решал бледномордый чужак-самийа, безродный раб, купленный за деньги!

Маджлис взорвался криками, и в следующее мгновение Аммар увидел, как белый кафтан бегущего Тарика мелькнул над столиками и подушками. Моргнув еще раз, Аммар увидел высокий силуэт над сидящим Умаром ибн Имраном. Тарик сторбился, в его руках свистнул и сверкнул меч, отрубленная голова Умейя, взмахнув пером на чалме, подлетела в воздух и

упала наземь. Из перерубленной шеи еще сидевшего тела ударил фонтан крови, обильно заливая одежду сидевших вокруг Умейядов, посуду и скатерти.

Не обращая внимания на крики ужаса и женский визг, Тарик нагнулся, сдернул чалму с головы Умара и ухватил ее за рассыпавшиеся длинные седые волосы. Аккуратно переступая через опрокинутые столы и посуду, нерегиль пошел обратно, неспешно шагая мимо оцепеневших от ужаса людей. Голова Умара покачивалась в одной руке, обнаженный окровавленный меч посверкивал в другой. Сидевшие вдоль кромки пруда-блюда вскрикивали и с ужасом отворачивались, когда мимо них проплывало разинувшее рот, перекошенное лицо Умейя.

Дойдя до своего места перед Аммаром, Тарик развернулся лицом к собранию и сказал:

– Почтеннейшие! Как командующий армией аш-Шарийа, я могу только приветствовать смелость и отвагу, проявляющиеся в том, чтобы открыто выражать несогласие с моими действиями и планами. Позвольте мне также заметить, что я совершенно нечувствителен к замечаниям по поводу моей внешности, происхождения и положения невольника при этом дворе. Я могу заверить вас в том, что подобные мнения и комментарии никогда не станут причиной моего неудовольствия или гнева. Тем не менее я должен предупредить: тому, кто подвергнет сомнению дарованную мне повелителем верующих власть над армией халифата, я отрублю голову. Так, как я сегодня отрубил ее вот этому ублюдку! – И самый резко вздернул руку с головой Умара.

Обведя взглядом маджлис, заворуженно наблюдающий за отсветами пламени в остеклевших глазах мертвеца, Тарик с нарастающей яростью проорал:

– Если кто-нибудь из присутствующих здесь зарвавшихся ублюдков, именующих себя «древним родом», желает высказаться вслед за Умейя – пусть высказывается, потому что сейчас ему самое время сдохнуть! – И нерегиль вскинул окровавленный меч.

Ответом ему стала гробовая тишина.

– Я думаю, что наши разногласия остались позади, – с ледяющей улыбкой проговорил самый и отпустил голову Умара.

С глухим стуком она упала на ковер. Взмахнув крест-накрест мечом, Тарик стряхнул кровь с лезвия и медленно вложил клинок в ножны.

– А теперь я вынужден попросить у благородного собрания прощения: увы, я обделен поэтическим даром и не смогу принять участие в стихотворных поединках этого вечера. Поэтому я умоляю моего повелителя о разрешении покинуть пир – я слишком груб для утонченных забав ашшаритов.

И самый опустился перед Аммаром на колени и коснулся лбом ковра.

Аммар, спокойно оглядев забрызганные кровью цветы жасмина над безголовым трупом Умара ибн Имрана, милостиво улыбнулся и ответил:

– Иди, Тарик.

Наутро халиф приказал самый явиться в пустой сад, в котором уже не осталось никаких следов вчерашнего пиршества – ни жемчужин, ни крови. На жасминовые кусты рабы всю ночь выливали ведро за ведром воду. Аммар не любил запаха смерти.

– Как ты посмел?! Что ты себе думаешь, о сын шайтана, порождение пятнистой змеи, язычник, подлая собака!

Для верности Аммар еще и запустил в коленопреклоненного нерегиля абрикосом. Тарик поймал его быстрым кошачьим жестом.

– Они взбунтуются!.. – воскликнул наконец халиф и в изнеможении упал на подушки.

– Взбунтуются – накажешь, – невозмутимо пожал плечами самый и надкусил абрикос.

– Ты знаешь, сколько их? Сколько у него сыновей? Племянников? А у этих сыновей и племянников их сыновей, двоюродных братьев и племянников? Это самый могущественный клан аш-Шарийа!

– Значит, ты накажешь самый могущественный клан аш-Шарийа, – нерегиль оставался безучастен к несущейся над его головой грозе.

– Тьфу на тебя, – мрачно выдохнул Аммар и добавил: – Вот ты, в случае чего, и отправишься их приводить к покорности.

– Как скажешь, – снова пожал плечами самийа. – Но я бы решал задачи в порядке поступления. Я знаю, что джунгары готовят к походу большую армию.

– «Большую а-армию», – передразнил Аммар певучий выговор нерегиля. – Сто пятьдесят тысяч сабель – это, по-твоему, большая армия?! Это огромная армия!

– Откуда такие сведения? – поднял брови Тарик.

Аммар прикусил было язык, а потом подумал, что смысла скрывать что бы то ни было от самийа нет:

– В Фейсалу пришел караван из Хань. Купцы прибыли с пайцзами Эсен-хана, идут в Хорасан за шафраном и тканями. Они и привезли новости.

– Аммар, – тихо сказал самийа. – Ты хочешь сказать, что по крупнейшему ашшаритскому городу на границе со степью сейчас разгуливают вражеские лазутчики и сеют панику среди населения?

– О нет, мой сумеречный друг, вы нас недооцениваете, – раздался от ворот сада веселый голос ибн Худайра.

Добродушный пухлый вазир уже поспешал к ним, переваливаясь на тонких ножках.

– Никто уже нигде не разгуливает, все тихо сидят в тюрьме и быстро и внятно отвечают на вопросы моих дознавателей.

Отдуваясь и вздыхая, начальник тайной стражи опустился на колени перед своим халифом, отдал земной поклон и приветственно кивнул Тарику. Кивнув в ответ, нерегиль сказал:

– Почтеннейший Исхак, сдается мне, что я знаю не все, что мне следует знать об этом деле.

– Ой, да? – всполошился старый вазир.

– Это какой-то странный караван – приходит из вражеской земли с подорожными врага и тут же начинает заниматься шпионажем в пользу врага, нимало не скрывая собственных целей. И это явно не первый караван – мальчишку-толмача тоже привез в Беникассим ханьский купец два года тому назад. Сдается мне, что дела у того купца пошли неважно. Или я ошибаюсь?

Ибн Худайр и халиф многозначительно переглянулись. Тарик заметил это и добавил:

– И вот теперь джунгары налетают именно на Беникассим – и на Мерв. А в Мерв караван с ханской пайцзой случайно не заходил?

Вазир вздохнул и ответил:

– Ваша проницательность, мой сумеречный друг, делает вам честь. Я расскажу все по порядку.

И ибн Худайр рассказал, что пять лет назад джунгары вторглись в Хорасан через Герирудскую долину – десятки фарсахов переходящих друг в друга оазисов у подножия хребтов Паропанисада, гребнем уходящих в Большую Степь. Восточные отроги Паропанисада защищали аш-Шарийа словно бы воздвигнутой чудом Всевышнего стеной, но к западу скалы сменялись высокими холмами с каменистыми обрывами. Фейсалу прикрывали лишь обширные пустоши и заколдованные плоские скалы Мухсина – поросшего травой и редким кустарником плато, по которому всегда гулял странный поющий ветер. Если бы не Мухсин с его нехорошей славой места обитания джиннов, Хатиба, прижимающаяся к подножию Биналуда, тоже была бы совершенно открыта степи с юга. Так же обстояли дела Беникассима и Мерва, раскрывавших объятия своих долин всякому, кто решился бы пройти через поющие скалы джиннов.

До последнего времени джунгары не решались пересекать пользующееся дурной славой плоскогорье – предпочитали прорываться через Герируд. После песков и глинистых почв ничейной земли, поросших хилой травой, хармыком и бударганом, оазисы долины казались им

земным раем. Степняки готовы были рисковать, мчась мимо укрепленных городов и крепостей, подобных Нисе, – но до сих пор джунгарские кони не смели топтать высокую траву Мухсина. Все изменилось в этом году – двадцать тысяч кочевников пришли к Мерву через плато.

Рассказав все это, ибн Худайр утер платочком тонкого хорасанского хлопка пот со лба.

– Что случилось в Беникассиме два года назад? – резко спросил Тарик.

Вазир и халиф снова переглянулись. Исхак ибн Худайр неохотно ответил:

– Туда пришел ханьский караван. Очень богатый и очень большой. Мы еще удивились, почему он пришел туда, а не в Мерв. Но караванщики божились, что джинны отвели им глаза в скалах, и они насилу вышли в долину, высматривая на горизонте снежную вершину Толуй-бабы.

Тарик, неотрывно глядя на вазира, склонил голову – мол, я понял, продолжай.

– Караван вез все, чем богаты царства Хань, – нефрит, яшму, ткани из верблюжьей шерсти, расшитый шелк, кречетов из Эдзина, бобровые и соболяшки шкуры. Ты должен знать, о Тарик, что ханьские купцы предпочитают делать огромный крюк и не идти через Большую Степь – джунгары представляют для них нешуточную опасность...

– Представляли, – поправил вазира нерегиль. – Закон Эсен-хана карает грабителей смертью. Теперь караваны могут идти через степь, и никто не тронет купца и пальцем.

Начальник тайной стражи с удивлением воззрился на самийа. Тот улыбнулся:

– Возможно, джунгар, с которым я имел неприятность беседовать, был хвастуном. Но он верил в то, что говорил, – для него это было правдой. Иногда очень полезно получать сведения из первых рук, о Исхак.

– Хм, – лишь ответил вазир, с новым интересом оглядев как всегда невозмутимого самийа.

И продолжил:

– Так вот, купцы предпочитают долгий кружной путь через Абер Тароги – сумеречники взимают высокие пошлины за проход, но люди считают, что дело того стоит.

– А этот караван бесстрашно прорвался через степь и колдовские скалы, – усмехнулся Тарик.

– Воистину так, – согласился ибн Худайр. – Мои осведомители досмотрели вещи купцов – и обнаружили там пайцзы хана джунгар. Впрочем, купцы не скрывали, что пользуются покровительством великого кагана. С ними даже ехал его посол, который назвался Галданом, сыном Отогчина.

– То есть это был не просто караван, – тихо сказал Тарик. – Это было посольство.

– Да, – кивнул ибн Худайр. – Оно везло грамоту от хана джунгар, написанную ханьскими письменами. В ней дикарь обращался к халифу – в неподобающем тоне и в неподобающих выражениях.

– Что там было написано? – холодно осведомился Тарик.

– Что он считает меня своим дорогим сыном, – мрачно ответил Аммар. – И ожидает сыновней покорности и присяги. Но хочет жить со мной в мире и поддерживать выгодную торговлю – после принесения присяги, естественно. Мне предлагалось прибыть в его ставку, пройти между двух огней и поклониться великому Тенгри.

– Очень великодушно, – усмехнулся нерегиль. И тут же посерьезнел: – Что вы сделали с послом и караваном?

Ибн Худайр вздохнул:

– Посла и часть купцов препроводили в Мерв. Там они предстали перед заместителем, ныне покойным Инальчиком Кадыр-ханом. Слова посла привели его в возмущение, и он приказал повесить дикаря на стенах города, купцов стегать плетьюми, возить по городским улицам извалянными в дегте и перьях, а потом тоже повесить. Караван разграбили. С оставшимися в Беникассиме купцами поступили так же.

– Хорошо, что он покойный, этот ваш наместник, – процедил Тарик. – За такое мудрое решение его следовало бы самого повесить на стенах города.

– Остынь, самийа, – мрачно осадил нерегиля Аммар. – Ты мало людей вздернул на сук? Выпей стакан крови, если тебе так неймется.

– На совести этого Инальчик-хана – семьдесят тысяч жизней, – тихим страшным голосом ответил Тарик. – Убийство посла и купцов открыло армии джунгар путь в долину Мерва через Мухсин. Силат сказали, что кочевникам пропели дорогу на крови.

– Что это значит? – рявкнул Аммар.

– Что мне нужно срочно послать голубя в Фейсалу, – побледнел ибн Худайр. – Пока там не произошло то же самое, что в Мерве.

Когда отряд ханаттани влетел на большую площадь у Ибрагимовых ворот, стало понятно, что и голуби, и гонцы опоздали.

На каменном помосте в центре площади стояла высокая виселица. В петлях под прочной карагачовой перекладиной висело пятеро человек. Четверо в длинных халатах стеганого шелка, с выбритыми лбами и черными косичками – ханыцы. Пятый был одет в кафтан из грубой ткани, отороченной мехом, и кожаные штаны – посол Эсен-хана. По тому, как высоко болтались его босые ноги, становилось понятно, что ростом джунгар был гораздо ниже, чем купцы. Ступни и щиколотки кочевника почернели от огня и до сих пор сочились кровью – его пытали перед смертью.

Тарик, увидев тела на виселице, охнул и скрючился в седле потного, роняющего клочья пены коня. Тяжело дыша, самийа медленно провел рукавом джуббы по серо-желтому от пыли лицу и размотал платок, защищавший нос и губы от мелкой пыли.

– Что теперь делать, господин? – спросил Саид.

Его вороной храпел и мотал вверх-вниз головой, пытаясь успокоиться после быстрой скачки.

– Отправляйтесь в цитадель и ждите повелителя, – бесцветным голосом отозвался самийа и устало махнул в сторону замка на соседнем холме.

Нерегиль тронул коня и, мотаясь в седле, медленно поехал к воротам Ибрагима. Саид не решился спросить господина Ястреба, куда тот направляется.

Впрочем, выехав вслед за самийа на опоясывающую стены шахристана²² широкую улицу, Саид понял, что Тарик скорее всего поехал прочь из города – на юг. Благословенная долина Фейсалы лежала с другой стороны, к северу от холмов. С востока к городу подступала плывущая вершинами в облаках горная гряда – Биналуд. А к скалам Мухсина и к степи Фейсала обращала неприступные, сложенные из цельных каменных глыб укрепления. Ложбина между парными холмами, на которых высились башни цитадели и шахристана, была вся застроена глинобитными домишками предместья, которые лепились один к другому и к высоким желто-серым городским стенам. Выползавшая оттуда неторная караванная тропа долго тянулась вниз по пологому каменистому склону, а потом терялась среди пологих рыжевато-белесых холмов. На их склонах ветер полоскал сероватую полынь и карликовые ирисы. Далеко на юге маячили Ворота Теней – две парные скалы причудливой формы. За ними даже с холма у Ибрагимовых ворот различались плоские, иссеченные неведомой рукой спины камней Зачарованного города – так люди называли лабиринт источенных ветром скал на плоскогорье Мухсина.

Саид долго стоял у ворот, то поднимаясь в стремянах и прикладывая руку к глазам, то со вздохом опускаясь обратно в седло. Наконец, он увидел, как на заброшенную южную дорогу, по которой уже несколько веков не ходили караваны, из предместья выехал одинокий всад-

---

²² Шахристан – городские кварталы, обнесенные стеной.

ник. Саид провожал его взглядом, пока медленно плетущийся среди желтоватой пыли конь с понишкой в седле фигуркой не исчезли среди холмов.

– ...Вон он! – Воин показал на крошечную светлую точку в белесом мареве над пустой дорогой.

Самийа мчал к городу со скоростью ястреба, летевшего над ним в выцветшем от тонкой пыли небе. Кви-ии, кви-ии – падал с неба ястребиный крик.

– Где ж тебя носило, сволочь ты эдакая... – прошептал Аммар, чувствуя, как злость в нем сменяется радостью и чувством невероятного облегчения.

Халиф получил известия о произошедшем в Фейсале, бросился в город и обнаружил, что самийа уж сколько дней как уехал. Да так и исчез, будто сгинул. И тут Аммар испугался. Сильно. А вдруг волшебный воин его покинул? Мало ли, может, он, Аммар, совершил нечто непоправимое, и теперь таинственные силы, давшие ему в руки самийа, отобрали сумеречника. И вот теперь, по прошествии восьми полных тревоги и военных хлопот дней, нерегиль возвращался.

Вскоре вдаль уже можно было рассмотреть фигурку всадника в светлой джуббе, во весь опор несущегося к городу. За спиной нерегилья во все небо вставала грозных размеров туча серой пыли. Через плоскогорье Мухсина шли сто пятьдесят тысяч сабель Эрдени-батурса, хорчина²³ Эсен-хана.

Ибн Худайр показывал халифу грамоты, привезенные злополучным посольством кочевников. В предназначенной лично Аммару бумаге, исписанной киданьскими иероглифами, говорилось, что Эсен-хан покорил все царства Северного Хань. Теперь стало понятно, почему Мерв и Беникассим не атаковали сразу, как открылась эта проклятая «дорога на крови». Свиное отродье степных шайтанов в течение четырех предшествующих лет уничтожило империю киданей, тангутов и найманов, до сего времени процветавших между Большой степью и северными границами Ханатты. Ханьцы-купцы, приехавшие в Беникассим и в Фейсалу, не были союзниками джунгар. Они были их рабами. Их послали на смерть, как предназначенный в жертву богам скот. Джунгары-послы, видимо, тоже знали, на что шли, – шайтан их знает, возможно, Эсен-хан избрал такой способ казни для неугодных родственников: и прибыльно, и выгодно.

Еще в высланной Аммару грамоте сообщалось, что поведение «северного царя» разгневало Тенгри. И Эсен-хан даже не может сказать, что случится теперь с северным царем, его народом и землями. Все в воле Тенгри – так завершалось послание.

Чтоб тебе вечно гореть в самой жаркой смоле преисподней, подумал Аммар.

Тем временем всадник на сером сиваке уже подлетал к предместью. Там царил оживленный хаос бегства: люди пытались выбраться из запряженных тачками и арбами узеньких кривых улиц и, кидая взгляды на заволоченное страшной тучей небо, начинали метаться в панике. Аммар отрядил три полусотни гвардейцев с приказом гнать всех плетью к цитадели и за стены шахристана. «Прямо лупите их по спинам и по рукам, если будут цепляться за поклажу, идиоты набитые», – напутствовал он воинов. Очищенное от людей предместье предстояло сжечь.

К северу от города, в долине, тоже поднимались к небесам жалостный вой и крик, людей древками копий выталкивали из домов, разрешая взять с собой лишь самое необходимое. Ну и припасы на пять дней. В долине носились от деревни к деревне, от усадьбы к усадьбе воины Правой гвардии, сгоняли, не разбирая кто есть кто – феллахов, хозяев богатых домов, их рабов и домочадцев – в огромные толпы и уводили в горы. Многих приходилось отыскивать в укрытиях и оросительных каналах и гнать прочь от домов плетью – люди все не могли поверить, что конец света, конец Фейсалы уже при дверях.

---

²³ Букв. «колчаноносец» – титул приближенного хана в джунгарской государственной иерархии.

...Тарик быстро шел по стене – как всегда прямой, с высоко поднятой головой и спокойно-невозмутимым выражением бледного лица. Впрочем, сейчас самый был с ног до головы покрыт белесой пылью – даже черная грива волос стала серой там, где выбивалась из-под повязанного вокруг головы платка. Аммар заметил, как на нерегия оглядываются и показывают друг другу люди – все облегченно вздыхали и, поднимая лица к небу, радостно складывали ладони в молитвенном жесте благодарности. «Вернулся, вернулся! – Занятые сбором навоза мальчишки бросили лопаты и со всех ног припустили в лабиринт улиц: – Ангел вернулся, ангел здесь, ангел вернулся к повелителю верующих!»

– У меня есть плохие новости и хорошие новости. Плохие новости: их действительно много. Хотя, конечно, не сто пятьдесят тысяч сабель, где-то на треть меньше, – не стал тратить время на приветствия нерегий. – Хорошая же новость такова, что половина этого войска – сброд. Самих джунгар – не более пяти туменов. Но они гонят перед собой пленников – киданей и найманов.

– И тангутов, – добавил Аммар. – Я прочитал бумаги посольства. Они захватили Эдзин и Кафан.

– Тангутов в войске нет, – обернулся к нему Тарик. В его больших серых глазах, как ни странно, читалась грусть. – Эсен-хан истребил всех тангутов. Всех до единого, «всех отцов и матерей», как изящно выражаются его сказители.

– Ну вот, а ты говорил, что это нелюди, – усмехнулся Аммар. – Разве может быть у тварей изящная словесность? Это люди, Тарик, люди. А этот Эсен-хан – просто человек.

Нерегий бросил на Аммара какой-то странный взгляд – словно хотел что-то сказать. А потом тряхнул головой и передумал. И ничего не ответил.

Тарик оказался прав – передовыми отрядами огромной армии оказались бредущие пешком люди в рваной одежде, кое-как вооруженные кто луком, кто копьем, а кто и просто острой палкой. Этих горе-воинов гнали гарцующие на мохнатых лошадках джунгары – в епанчах и лисьих малахях, которых они не снимали даже по такой теплой погоде. Кочевники размахивали плетями, загоняя в строй еле плетущихся рабов. Упершись в пылающие кварталы предместья, войско джунгар остановилось. Наблюдающие за происходящим с башен цитадели и шахристана люди вскоре увидели, что кочевники решили встать под стенами Фейсалы лагерем.

Ночь явила защитникам города страшное зрелище: под подсвеченным рыжеватым пламенем небом до самого горизонта тянулись огни костров – лагерю джунгар не было видно ни конца ни края.

Под утро в Пятничной масджид города улемы начали читать проповеди о конце света, о грехах и распущенности наших дней, о гневе Всевышнего, явившемся в виде джунгарского войска, дабы покарать нечестивых лицемеров и сделать пути верующих прямыми.

Аммару пришлось прийти в масджид в сопровождении полусотни ханаттани и разогнать каркающих слугителей единого Бога. Затем он взошел на минбар и, как халиф своего народа, прочел оттуда проповедь. В ней он напомнил людям о таких именах Всевышнего, как Охраняющий, Дарующий безопасность и Прощающий, а также Миротворящий и Аль-Муиззу – Дарующий силу и победу. Если Всевышний с нами, закончил свою речь Аммар, то чего же мы можем лишиться? По милости Его завтра те, кто останутся в живых, будут праздновать победу на пирах среди садов долины, а те, кто примет венец мученичества, будут праздновать победу в садах рая. Всевышнего не зря называют Ас-Самию – Всеслышащий. Он знает о наших нуждах и уже готовит копьё силы и венец победы! Этими словами Аммар закончил проповедь и велел всем расходиться.

На рассвете кочевники пошли на штурм. Впереди они гнали заплетающихся ногами пленников из покоренных киданей и найманов. Те тащили осадные лестницы и толкали к стенам баллисты и катапульты. Несчастных расстреливали со стен, но джунгары подгоняли все новые

и новые волны оборванных, изможденных людей. В конце концов им удалось подобраться к стенам шахристана и закрепить осадные лестницы. Плачущие и скулящие, подхлестываемые плетью надсмотрщиков люди полезли на стены. Бой с ними напоминал страшные рассказы о сражениях с призраками пустыни: все новые и новые запорошенные желтоватым песком одушевленные скелеты вспрыгивали на зубцы крепости. Несчастных сталкивали вниз и рубили, но на их месте возникали все новые и новые фигуры с провалившимися темными глазами, стонущие, словно непокоенные души.

С катапульта и баллист в город полетели камни, горшки с зажигательной смесью и тяжелые дротики. У осадных машин суетились расчеты людей с косичками, в таких же халатах, что были у повешенных на площади купцов.

Еще несколько отрядов несчастных, скованных попарно, с лопатами в руках, подогнали ко рвам, окружающим цитадель. Они стали ковыряться в земле, пытаясь засыпать ров. Защитники замка выпустили несколько залпов, после чего на земле остались лежать неподвижные и еще бьющиеся в конвульсиях тела. Джунгары немедленно подогнали ко рву еще одну толпу оборванцев. Те, плача и крича от страха, принялись сталкивать в ров тела погибших. Воины на стенах выстрелили снова. Новый отряд повторил участь первого. Джунгары пригнали еще пленных – на этот раз это были сплошь женщины и дети. От их жалобных криков вставали дыбом волосы. Вскоре у рвов цитадели высился завал из трупов в человеческий рост. Среди окровавленных, утыканных стрелами тел ползали какие-то фигуры, в которых с трудом угадывалось что-то человеческое.

К полудню развалины предместья окончательно погасли и даже перестали исходить дымом.

И тогда на стенах замка забили барабаны. Ворота распахнулись, и из них выехали легкие конники с луками и копьями.

Они выскакивали и тут же бросались в бой, так что вскоре на каменистом, спускающемся к холмам склоне стало белым-бело от джубб всадников. На них с гиканьем помчался передовой джунгарский отряд. Ашшариты рассыпали строй и припустили наутек между холмами, через пепел предместий. Джунгары рванули за ними. Вскоре в лагере кочевников пришли в движение два чернохвостых знамени-туга. Два тумена конников, неспешно разгоняясь, двинулись вперед – их ждала покорная, как рабыня, долина. Джунгары шли учить роющийся в земле скот уму-разуму.

Когда арьергард последнего тумена втянулся в долину Фейсалы, и кочевники уже жадно оглядывали открывающуюся волшебную панораму рукотворных озер, рыбных прудов, оросительных каналов, садов, огородов, рисовых и пшеничных полей, и снова садов с белеющими домами, павильонами и беседками, – так вот, когда два тумена джунгар вошли в долину, та пришла в движение. С обеих сторон донесся боевой клич ашшаритов. Из апельсиновых рощ на западе широкой лавой хлынула тяжелая конница «Бессмертных» – с копьями наперевес, верхом на защищенных нагрудниками лошадях. С востока, от поросших свечками кипарисов усадеб отделилась вторая лава, «Красные», до сих пор успешно прятавшиеся среди олив и виноградников: конники стояли, спешившись и привязав поводья лошадей к поясам. Джунгар взяли в клещи и стали быстро, как ремесленник срабатывает свое изделие, уничтожать.

Тем временем из трех обращенных к югу ворот шахристана на вылазку бросились конные копейщики кланов. С ревом на них пошли два джунгарских тумена, гоня перед собой пленников. Когда два конных строя сшиблись, поднялись такие грохот и крик, что ни в цитадели, ни в шахристане люди не слышали друг друга даже в подвалах.

Однако главное знамя – высокий туг с семью черными хвостами и черепом медведя на навершии – оставалось на холме в джунгарском лагере. Кочевники стояли плотной, слитной массой – огромным пятном на серо-желтом плече долины.

И тогда в холмах далеко на юге загрохотали барабаны-таблы – впрочем, на стенах крепости за страшным шумом битвы их было не слышно. Но на гребнях холмов даже сквозь сплошной саван пыли засверкала сталь – засадный полк ханаттани, укрывавшийся в скалах у ворот в страну джиннов, пошел в атаку. Это для них гулко бухал в вечернем воздухе барабанный бой. Южане и гвардия Эрдени-батугра сошлись на мечях. Когда это произошло, ворота цитадели снова открылись и выпустили пять тысяч гвардейцев во главе с Аммаром. Они вклинились в джунгарский фланг, сея смятение и панику среди кочевников. Через некоторое время в лагере джунгар царила жуткая неразбериха, и вскоре туда влетели конники Аммара. Армия Эрдени-батугра корчилась в предсмертной агонии.

Рассказывали, что выдавшие виды степняки, стоявшие под главным знаменем, дрогнули, когда увидели налетавших «ястребов». В первых рядах скакал Тарик – а по обе стороны от него неслись два необыкновенных всадника – один на вороном, другой на золотистом коне. От них исходило призрачное сияние, а кони не касались копытами земли. Многие считали, что это досужие домыслы: мол, кто их потом видел, этих джиннов-воителей? Хватит нам и одного самийа, говорили здравомыслящие люди: и впрямь, вид самийа мог утратить самое храброе сердце. Фигуру нерегиля окружало бело-голубое сияние призрачного мира, а меч сверкал нестерпимым блеском нездешних краев. Джунгары, вереща от страха, кидались врассыпную, едва завидев Бледного всадника.

Аммар, рубившийся в первых рядах своего отряда, к досужим рассказам потом не прислушивался. Развернувшего крылья света Тарика он видел – ахнув, один из воинов показал ему пальцем, когда самийа проскакал, как проплыл, мимо. Сиглави словно не касался земли – будто во сне, он мчался по странной серебристой дороге, которая стелилась ему под копыта. Меч нерегиля рассыпал искры и косил джунгар, как траву.

А еще Аммар видел, как справа от него вдруг возник всадник на вороном коне. А потом этот конь прыгнул через кочевничью кибитку в два человеческих роста – мягко, бесшумно, изогнувшись в полете, будто кошка. Летучий всадник тогда обернулся к Аммару, и тот понял, что на стройном воине нет шлема, а черные кудри вьются по ветру, как у девушки в озерной купальне. К Аммару было обращено худое, узкое, бледное до прозрачности лицо, с которого смотрели два огромных, без белков и зрачков, сплошь черных глаза. Аммар сглотнул и понял, что стоит лицом к лицу с одним из силат – возможно, противником Тарика в той шахматной партии в невообразимо далекой долине Мерва. Потом всадника заволокло пылью. Впрочем, Аммар не был в этом уверен – возможно, джинну надоело убивать в зримом облике, и он растаял в воздухе, чтобы стать невидимой смертью.

К вечеру под стенами Фейсалы не осталось в живых ни одного джунгара. Пленных киданей и найманов, которых выжило предостаточно, Аммар приказал пощадить.

Когда бой исчерпал себя и погас, как прогоревший костер, оказалось, что нерегиля нигде нет. Аммар забросил себя в седло своего рыжего кохейлана²⁴ и отправился на поиски. Потом он удивлялся себе: зачем? И отвечал себе честно – он, Аммар, боялся, что нерегиль опять исчезнет, а люди будут смотреть на своего халифа и молча спрашивать взглядами: где он? Где ангел-защитник? Почему он вечно покидает тебя, как ветреная девушка бросает надоевшего возлюбленного? Что с тобой не так, о халиф, что твой волшебный помощник не желает с тобой знаться?

Найти нерегиля оказалось довольно просто: нужно было лишь проехать чуть дальше на юг, туда, где склон долины начинал уходить вниз крутизной, опасной даже для выносливых крепконогих кохейланов. Впрочем, потом Аммар задумался: а ведь к югу от Фейсалы нет таких крутых склонов. И прогнал от себя вопрос, как не имеющий ответа.

---

²⁴ *Кохейлан* – порода арабской лошади, обычно описываемая так: массивные лошади с крепкой конституцией, широкогрудые и выносливые.

А тогда он сразу увидел самийа: тот стоял на вершине одного из холмов, держа в поводу застывшего бледным изваянием коня. Перед ним над трупами врагов плясала джинния-сила: изгибаясь золотистой змейкой, закидывая назад голову с водопадом золотых волос, окутывая себя подолами горящих одежд и длинными рукавами, – тоненькая и страшная, как язычок нездешнего пламени.

Аммар сглотнул и понял, что имел в виду самийа, когда оскорбился в ответ на «собачью кличку». В этой тьме над погруженным в кладбищенскую немоту полем боя, в виду бесшумной пляски потусторонней девы, невысказанно было позвать: «Эй, Тарик!»

И халиф аш-Шарийа собрался с духом и крикнул, называя самийа его истинным именем: – Тарег! О Тарег! Вернись к нам! Мы, люди, и я в том числе, хотим выразить тебе благодарность, о князь из князей народа Сумерек!

И нерегиль обернулся, словно просыпаясь, и у Аммара пробежал по спине холодок. На него смотрели огромные, серые, переливающиеся нездешним сиянием глаза, в которых нельзя было различить ни радужки, ни зрачка.

Праздновать победу пришлось без нерегиля: въехав в город, Тарик прошел в отведенные ему комнаты, завалился, как был, в кольчуге и накидке, на расстеленные ковры – и уснул. На семь дней.

На четвертый день в Фейсалу, подгоняемый истошными письмами Аммара, примчался Яхья – хорошо, что старый астроном пустился в путь еще в прошлую луну. Яхья пощупал пульс на бледном тонком запястье, оттянул прозрачное, как перламутровая раковина, веко, прислушался к ровному дыханию. И успокоил столпившихся у маленького домика близ Пряничных ворот людей – самийа спит. Просто спит. Видимо, он устал. И теперь вот спит. Мало ли, может, все воины аль-самийа так долго спят после боя, мы же не знаем.

Утром восьмого дня Тарик глубоко вздохнул, сжал кулаки, легонько вскрикнул во сне – и сел на подушках. Чуть пошатываясь даже в сидячем положении, он довольно долго вбирал в себя окружающие краски и предметы – видимо пытаясь понять, где находится. Яхья на коленях подполз к нему с чашкой айрана. Самийа долго смотрел на него, явно не узнавая. Зато, когда глаза его прищурились и посмотрели осмысленно, нерегиль резко наподдал по чашке рукой, и Яхья умылся кислым молоком по самый кончик бороды.

Старый астроном покачал головой и, вытирая рукавами лицо, сказал:

– О свирепейшее из созданий Всевышнего! Теперь я вполне уверился в том, что с тобой все в порядке и ты окончательно пришел в себя!

Мрачно осмотрев то, что было на нем надето – на второй день беспробудного сна Аммар приказал попискивающим от страха невольникам снять с нерегиля перевязь с мечом и кинжалом, доспех и вообще все, вымыть его и переодеть в чистую одежду, поэтому сейчас на Тарике не было ничего, кроме штанов и рубахи, – так вот, мрачно осмотрев себя, нерегиль встал, сделал, пару раз пошатнувшись, несколько шагов и сообщил, что ему нужно видеть повелителя верующих. Затем, явно отчаявшись в своей возможности ходить не падая, снова сел на подушки. Яхья попытался с ним заговорить, но Тарик зашипел на каком-то странном наречии, по-видимому своем родном языке, и Яхья, вздохнув, поклонился и вышел из комнаты.

Аммар явился незамедлительно. Он попытался сохранить достойный и царственный вид при входе в комнату, но у него не получилось. Халиф подпрыгнул к Тарику и тряхнул за плечи:

– Слава Всевышнему, ты жив!

Округлив глаза, самийа посмотрел на него, как на безумца, и спросил:

– Да что с тобой, человек, ты явно не в себе. С чего это я должен быть мертв?

И вдруг вздохнул и сказал:

– У меня есть новости, Аммар. Если мы хотим прекратить набеги джунгар и обезопасить аш-Шарийа от угрозы из степи, нам нужно идти в степь. Его нужно убить, Аммар. Иначе они все время будут возвращаться и накатывать заново и заново – как волны морского прибоя.

– Кого убить? – нахмурился Аммар.

– Эсен-хана. Великого хана джунгар. Убить его тело, убить куст его души, разрубить на части и сжечь их великое белое знамя, сульдэ.

Халиф некоторое время помолчал и сказал:

– Сдается мне, Тарик, что об этом хане ты знаешь нечто такое, чего не знаю я.

И Тарик ответил:

– Помолись о помощи Богу, которого ты чтешь. Мы идем сражаться против демона, вселившегося в человеческое тело.

Закатное солнце стояло низко и больно било в глаза. Не спасали даже плотные шелковые занавески – небо горело каким-то предсмертным, прощальным блеском, оставляя на изнанке век черный ослепительный круг уходящего за горизонт светила.

Тарик сидел лицом к солнцу, не по-человечески широко раскрыв глаза, – сейчас они казались пустыми озерцами золотого света. Болезненно сморгнув – о, Всевышний, как он так может, там же огнем полыхает, – Аммар повернулся обратно, к гомону и крикам. Военачальники пожимали плечами и то и дело проводили руками по лицам, призывая в свидетели Всевышнего:

– О мой халиф, это безумие! Сейчас из степей вышла армия в сто тысяч сабель – а сколько там еще воинов? Они бесчисленны, подобно песчинкам на морском берегу!

Один из лучших военачальников, Мубарак аль-Валид, сидел, пощипывая свои роскошные парсидские усы:

– Ибн Ахмад прав и говорит дело, о повелитель. Всевышний указал нам путь к мужеству, а не к безрассудству. Идти в степь с пятнадцатью неполными тысячами воинов – безумие. Мы затеряемся среди холмов и трав, как камешек на дне пруда.

Тарик отрешенно тарачился в окно – земля и небо торжественно хоронили солнце. Нестерпимое сияние спало, и небеса стало затягивать розово-фиолетовым. Сумерки здесь, в Фейсале, смыкались быстро – и так же быстро сменялись непроницаемой ночью. А сейчас уходящее солнце забирало с собой золото и аквамарин, редкие полосы облаков темнели на роскошном, необъятном полотнище небосвода.

Аммар пожал плечами и ответил:

– Вот он, – и кивнул в спину нерегилю, – говорит, что так надо. Надо идти в степь.

Посмотрев на неподвижную спину самийа, Мубарак аль-Валид нахмурился и снова провел ладонью по огромному усу – о таких женщины восторженно говорили, что здесь хватит места орлиному гнезду. Тарик казался языческой статуей – безмятежный, неподвижный, полы накидки лежат на полу ровными белыми складками.

– Хорошо, – устало кивнул командующий Правой гвардией. – Хорошо, мы пойдем в степь. А как найти, где стоит кочевье этого самого великого кагана? Опять за птичкой полетим?

Вокруг сочувственно покивали и даже начали посмеиваться. Аммар строго сказал:

– Тарик говорит, что нас проведут джинны. Точнее говоря, двое джиннов...

Военачальники обреченно переглянулись. Самийа даже не пошевелился на своем месте в проеме огромного, в пол, окна.

И тогда старый Тахир ибн аль-Хусайн сказал:

– О повелитель! Нет силы, кроме как у Всевышнего, единого живого, создавшего все! И если нам суждено есть хлеб живых – значит, так тому и быть, а если нам предначертан хлеб мертвых – то и тут ничего не изменишь. Но я заклинаю тебя разводом моих жен и освобождением всех моих невольников – останься в Фейсале.

– Не проси и не клянись, о Тахир, – улыбнулся Аммар. – Ибо решение мое утвердилось в моем сердце. Я должен идти во главе войска – таков мой долг эмира верующих и предстоятеля аш-Шарийа перед лицом Всевышнего. Это джихад, о Тахир. Кому, как не халифу, предводительствовать войском в священной войне?

Военачальники стали склоняться в покорных поклонах – один за другим.

Когда ковра коснулось перо на чалме Хасана ибн Ахмада – командующий Правой гвардией долго кривился, кусая ус, но наконец решился и он – Аммар обернулся к Тарику.

Темнеющий на фоне закатного окна силуэт чуть двинулся, показывая острый профиль. Аммару показалось, что нерегиль улыбается – еле заметно, едва изогнув губы. А потом Тарик снова застыл изваянием. Глаза, вперившиеся в залитое малиновым заревом небо, раскрывались навстречу сумеркам нездешними колодцами мрака.

– Да поможет нам Всевышний... – тихо сказал Аммар и распустил собрание.

Армия ашшаритов уже прошла ничейные земли, когда к войску на полет стрелы подъехали трое джунгар с белым полотнищем переговорного флага. Потом они съехались с ашшаритскими вестовыми. После недолгих переговоров гвардеец подскакал к едущим стремя в стремя Аммару и Тарику.

– О мой повелитель! Дикари хотят вести переговоры – но только с господином нерегилем.

Тарик очень серьезно осмотрел дальний горизонт – впереди, насколько хватало глаз, колыхалась трава – и кивнул:

– Так надо, Аммар, – и бросил вестовому: – Пусть укажут место.

Через некоторое время войско провожало Тарика глазами: сиглави мчал вперед, благодушно распустив хвост. Из-под копыт летели комья земли. Когда всадник перевалил за гребень дальнего холма, над землей тут же сооткались из воздуха две другие конные фигуры – одна на вороном, а вторая на золотисто-рыжем коне. Силат помаячили на гребне, а затем сорвались с места и умчались, как ветер, вслед за Тариком.

Тарег увидел ханшу раньше, чем она его. На вершине песчаной дюны, утыканной низкими перекрученными деревцами, стоял золотистый просторный паланкин с ярко-оранжевой занавеской. Его охраняли, как и было уговорено, трое ближних нукеров супруги кагана.

Когда нерегиль подъехал – паланкин стоял дальше, чем показалось с первого раза, монотонно-желтый цвет степи скрадывал расстояния, – занавеска откинулась, и женщина вышла наружу.

На ней переливалось синим шелком ханьское парадное платье с застежкой-запахом. Узорчатые рукава стекали до самой земли, золотой орнамент тянулся по подолу нижнего платья небесно-голубого царственного шелка. Голову женщины венчала высокая, остроконечная, расшитая золотом шапка с соболиными отворотами. С обеих сторон на уши и на плечи стекали парчовые ленты, перевитые жемчугом. Ханша прижала к груди руки в длинных рукавах, скрывающих на ханьский манер не только запястья, но и ладони, – и отдала низкий поклон.

Тарег спешился, снова окинул взглядом женщину и поклонился в ответ. Ханша указала на горевший у вершины дюны костер. С двух сторон от огня был настелен войлок и брошена подушка: белая кошма и синяя шелковая подушка для супруги кагана, черный войлок и простое кожаное сиденье для чужеземного воина. Им предстояло разговаривать через невысокое пламя костра.

Усевшись друг напротив друга, они еще раз переглянулись. Женщина проговорила на языке джунгар:

– Ты ведь понимаешь меня, существо из Сумерек. В паланкине сидит переводчик, но я не думаю, что он понадобится.

– Я понимаю тебя, – ответил Тарег по-джунгарски.

В другое время и в других обстоятельствах ему было бы интересно заняться строем и родственными связями этого языка. Но сейчас было не то время, да и обстоятельства не подходили для языковедческих разысканий.

Ханша вдруг улыбнулась и сказала:

– Мое имя – Хулан-хатун.

Нерегиль посмотрел, прищурился и вдруг наклонился к пламени костра:

– Имя тебе – легион.

– Смотрите, какой умный...

Женщина-демон, уже ничего не стесняясь, выглянула из глаз человеческого тела. Для второго зрения Тарега фигура собеседницы изрядно изменилась: над головой заколыхались, как у лежащей на дне утопленницы, волосы, глаза увеличились и превратились в выпуклые, пустые черные капли, в которых матово отражался свет костра.

– Приветствую князя Тарега Полдореа, – бледные тонкие губы раздвинулись, и демоница показала два ряда острых, одинаковых по размеру и длине зубов.

– Мы встречались? – усмехнулся нерегиль.

Это была шутка. Если бы им довелось встретиться там, на западе, то кто-нибудь из них наверняка бы уже лежал в земле.

Вернее, в земле лежал бы Тарег, – если бы его оставила удача и он погиб в поединке. Куда посмертие забрасывает демонов, нерегиль не знал, да и не очень интересовался этим сугубо умозрительным, на его взгляд, вопросом. Тарег Полдореа предпочитал решать все вопросы с демонами практически – с помощью меча.

– Твоя слава идет впереди тебя, князь, – и женщина вновь оскалила острые, как у окуня, зубы.

– Что ты хотела мне сказать?

Вместо ответа демоница окинула его своим странным, неживым взглядом. И вздохнула:

– Какая жалость.

Она говорила о его гейсе. О Договоре. В мире второго зрения, в мире *хен*-Тарегов гейс выглядел отвратительно. Горло стягивала тонкая черная петля-удавка. Перекручивающаяся, влажно поблескивавшая, похожая на пуповину веревка свешивалась с шеи и уползала куда-то в сумерки *хен*. На самом деле понятно, куда, – к державшему другой конец человеку.

Демоница резко бросила:

– Они тебя никогда не отпустят. Ты знаешь это, Полдореа. Ты же знаешь, какие они – люди. Им всегда всего мало. Хозяева будут век за веком таскать тебя на поводке клятвы, измываясь, унижая, заставляя расплачиваться за то, что ты сильнее, умнее и достойнее их. Нравится тебе такое будущее, Тарег?

– У меня нет другого, – спокойно ответил нерегиль.

– Эсен предлагает его тебе, – уперев в него взгляд смоляных капель-глаз, твердо проговорила демоница. – Как говорят здешние люди, у тебя нет плети, кроме конского хвоста, нет друзей, кроме собственной тени. Мы – твоя истинная родня. Мы – а не люди. Стань нашим побратимом, *анда*.

Нерегиль расхохотался – и смеялся долго, до слез. Демоница, не изменившись в лице, наблюдала за его горьким весельем.

– Побратимом? – отсмеялся наконец Тарег. – Какие у демона побратимы?

– Ты мало знаешь, – возразила она. – Какие названные братья, спрашиваешь ты? Такие же, как мы с Эсеном. Когда-то я тоже была женщиной Сумерек.

Тарег нахмурился:

– Если ты – мой портрет в будущем, то мне оно не нужно.

– Таре-ег, – она покачала головой. – Кто говорит – нужно не нужно... У тебя нет другого будущего, ты сам сказал. Хочешь ты этого или нет, оно ждет тебя. Ты ведь не хотел подписывать

Клятву, правда? Однако они проволокли тебя с одного края мира на другой, затянули на шею эту удавку и гоняют теперь, как жеребца по кругу. При чем тут твои желания?

Нерегиль презрительно фыркнул:

– Ты хочешь сказать, что вы сможете сломать мой гейс? Гейс, запечатанный *этими* Именами?

Демоница вздрогнула и подобралась, выставив вперед когтистую лапу:

– Тише, тише... Кто говорит – сломать? Исполнить, мой князь, исполнить... – И она снова показала окуневую пасть в ухмылке.

Увидев, как Тарег прижал уши, она засмеялась:

– Вот видишь, я с самого начала сказала, что ты умный, – ты все понял. Таре-ег, ну сам-то подумай, сколько осталось сидеть на троне этому роду извращенцев и потомственных убийц. Ты же сам все знаешь, посмотри хотя бы на своего нынешнего владельца – капризный своевольный гаденыш без понятий о чести, совести и достоинстве. Он видит мир поверх задниц упавших к его ногам рабов – ну не омерзительный ли ублюдок, ублюдок и сын такого же ублюдка, ко всему прочему? Тарег, степь сметет их. Ты связан с халифом аш-Шарийа? Через десять, а то и пять лет халифом аш-Шарийа будет Эсен.

Нерегиль часто дышал, прижав уши и сжав кулаки.

– Да, Тарег, так будет. И они станут возглашать ему хутбу²⁵ в глупых каменных домиках, которые почему-то называют всякими страшными именами. Династия сменится – и править ими будем мы. Это справедливо, иного они не заслужили. А ты, Тарег, встанешь у нашего с Эсеном трона. Сейчас я предлагаю выбор: ты можешь прийти к нам добровольно. Для этого тебе достаточно лишь отпустить силат, – и демоница кивнула на переливающиеся за спиной Тарега золотую и темную фигуры, – и отъехать в сторону во время боя. Если ты заметил – а ты заметил, нерегиль, ты же у нас умный, – они забыли прописать в твоей Клятве запрет на недояние. Отступив в сторону, ты не причинишь вреда ни словом, ни делом, ни волшебством, ни оружием. Ты лишь дашь возможность свершиться справедливому суду над мерзкими вшами, которые вообразили себя непонятно кем. Как будто Силам есть какое-то дело до копошащихся в земле грязных личинок! Ты признаешь свое бессилие и сдашься нам в руки. Если поступишь так, твоя жизнь в будущем будет легка и беззаботна – ты станешь... ну... почти свободен. Ты же станешь нам *анда*, побратимом. Но если ты откажешься, Тарег... – Тут она улыбнулась во весь рот, и нерегиль почувствовал, что с трудом сопротивляется наползающему страху: – Если ты откажешься – смотри... Эсен и я сможем причинить мятежному рабу такие страдания, которые даже не начали тебе сниться в кошмарах в подвалах Этэхи Рат. Так как, Тарег?

Он молчал.

– Ах да, я забыла – ты же у нас нерегиль... упрямец, – демоница протянула это почти ласково. – Я не буду неволить тебя ответом сейчас. Впрочем, что тут думать? Ведь ты знаешь еще одну важную вещь, Тарег: ты нерегиль, мятежник – и ты проклят. Все твои начинания обречены на неудачу, всякая дружба обернется для тебя предательством, а всякое доброе чувство – гибелью близких. Неужели ты думал, что Проклятие нерегилей отпустит тебя только потому, что эти глупцы затащили тебя на край света? Они воистину глупцы – привезти себе в помощники обреченного и проклятого. Пожалуй, Тарег, ты им напоегаешь...

И она залилась жутким, холодным, как серп ущербной луны, смехом.

Нерегиль молча сидел перед хохочущим демоном, глядя в умирающее пламя костра. Женщина тем временем отсмеялась и снова обратила на него жадный голодный взгляд:

– Решайся, Тарег. У тебя есть еще несколько дней на размышление – до ночи последнего боя твоих хозяев. Думай, мой серебряный... – снова сверкнули рыбы зубы.

---

²⁵ *Хутба* – проповедь во время пятничного полуденного богослужения, в которую обязательно включались благопожелания в адрес правящего монарха.

Тогда нерегиль поднял взгляд и посмотрел в черные капли глаз, за которыми пульсировал разум существа гораздо старше и мудрее него. Потом вытащил из ножен кинжал и всадил его в пламя костра.

Демоница отшатнулась.

– Вот так, по законам твоих нынешних орудий, я отвечаю тебе, легион.

Тарег вынул изогнутое лезвие ханджара из синюшных угольев.

Демоница ослабилась:

– Глупец. Тебя ждут муки, в сравнении с которыми пытки в Этэхи Рат тебе показались бы отдыхом в зеленом оазисе. Прощай, Тарег. В следующий раз, когда мы увидимся, ты будешь ползать на коленях и умолять о самой мучительной и страшной, но смерти.

Она поднялась и хлопнула в ладоши. Над песчаной дюной завихрился злой степной ветер, кинул в глаза Тарегу горсть песка, а когда нерегиль с проклятиями отплевался и откашлялся, на желтом гребне не было ни паланкина, ни охранников-нукеров. Только ветер трепал на сухой ветке перекрученного куста длинную тряпку с рядом черных, как тараканы, иероглифов.

Прискакав в лагерь ашшаритов, Тарег ответил на вопросительный взгляд Аммара:

– Обычные глупости. Вы нам то, да мы вам это, но между двух огней пройти все-таки надо. Ну и Тенгри поклон отвесить. Что тебе стоит отвесить поклон Тенгри, а, Аммар?

Ашшарит сплюнул. И крикнул:

– Правоверные! Сегодня мы встанем на общую молитву!

Люди кинулись исполнять его приказание: необходимо было построить войско лицом в сторону киблы.

Аммар перевел взгляд на Тарика, который с отсутствующим видом разнуздывал Гюлькара, – нерегиль всегда так выглядел, когда речь заходила о вопросах веры. Решившись, халиф проговорил:

– Я разрешаю тебе молиться своим богам, Тарик. Ты язычник, но пусть – обратись за помощью к тем, к кому следует обращаться твоему племени.

В ответ самийа долго молчал. И в конце концов улыбнулся:

– Я благодарен тебе за разрешение, Аммар, – в голосе нерегиля, против обыкновения, не слышалось насмешки.

Самийа замолчал, но Аммар чувствовал, что Тарик сказал не все, что хотел. И действительно, помолчав, нерегиль добавил:

– Но я принадлежу к такому племени, которое не молится никому. Потому что нам некому молиться и не у кого просить помощи, Аммар.

По приказу Тарика на следующий день они бросили коней в молниеносный рейд по степи Саарикеер. В густой зеленой траве яркими пятнышками мелькали соцветия: отчаянно желтые лютики и сурепка, сиреневые цветы чабреца и ирисов, белая звездчатка и бледно-желто-розовый благородный окрас эдельвейсов.

К вечеру ашшариты вышли на пустынное плато, с юга огражденное далекими горами. Впереди вставали хребты Хангая, с них стекали полноводные по весне реки, деля зеленый ковер степи на глубокие долины.

Солнце клонилось к западу, но небо еще оставалось высоким и голубым. По нему плавали большие кучевые облака, отбрасывая громадные тени на колышущиеся под ветром травы. Присмотревшись к зеленому ковру впереди, самийа смог разглядеть то, что они искали в весеннем разнотравье степи, – скопище белых и серых юрт вокруг холма, на котором ветер колыхал что-то темное и длинное. Вокруг белого знамени сульдэ стояло кочевье Великого кагана джунгар Эсен-хана.

– Мы нападём ночью, – тихо сказал Тарик.

И выставил вперед руку в кожаном наруче. На нее спикировал Митрион, захлопал пестрыми крыльями, перетаптываясь лапами и показывая ослепительно-белое подхвостье.

– Займись их дозорными, дружок, – ласково обратился к ястребу Тарик.

И дал птице укусить палец, затянутый в кожу перчатки.

А ночью пошел дождь. Сначала никто не придал этому значения – разве что начали шутить: ну теперь только снега или града не хватает.

Однако к полуночи непогода разыгралась не на шутку: ветер хлестал так, что кони упирались передними ногами в землю и выгибали шеи, полы джубб парусили, и всадники чуть не вылетали из седел. В довершение всего в небе разразилась гроза.

Когда над степью полыхнула первая молния, многие вскрикнули от ужаса – такого ашшариты еще не видели. Ветвистая, на толстой перевитой светящейся «ноге», она сверкнула на полнеба – а затем грохнуло так, что даже боевые обученные кони с ржанием заплясали. Потом от земли до неба ударила еще одна ослепительная рогатина. И еще одна. И еще. Тогда нерегиль приказал выступать.

В хлещущей темными струями, грохочущей тьме то и дело вспыхивали в свете молний бледные картины – то одинокое горящее дерево на холме, то заросли кустарника в ложбине. Но чаще всего мимо них проносилась вспыхивающая на мгновение и тут же гаснущая, стелющаяся длинной серой травой степь.

В становище они влетели в ослепительно-ярком высверке небесного разряда: полыхнуло, всадники смели часовых, тут же кошмарно грохнуло. В кочевье, в которое ворвались ашшаритские конники, разверзся ад грешников.

Аммар потом смутно вспоминал, что устал бояться еще в начале грозы – времени и сил на страх просто не осталось, эта сумасшедшая скачка наперегонки с бьющей по вершинам соседних холмов, догоняющей небесными копьями смертью отнимала все силы души. Поэтому, когда перед копытами коня как из-под земли поднялась ослепительно-красивая женщина с очень белым лицом, он заорал: «Али! Призываю имя „Могущественнейший!“» – и наотмашь рубанул мечом. По закаленному в аш-Шаме лезвию было вытравлено тройное имя Али. Изогнутый клинок меча полоснул женщину наискось, отделяя голову и левое плечо с частью руки. В уши ударил вой, но Аммар, не оглядываясь и не останавливаясь, помчался вперед, в коридоры между запыхавшимися юртами, и не видел, как из разрубленного тела женщины исходит, клацающая зубами и завывая, какая-то белесая сущность. Поверещав и покувыркавшись в ночном воздухе, рассеянная Именем и печатью праведности субстанция в последний раз попыталась сгуститься, не сумела – и безвозвратно растворилась в ночном воздухе.

Тарик, рубя направо и налево, рвался к высокому девятихвостому тугу на каменистой гряде – джунгары окружили Сульдэ и стояли насмерть. У самого древка прыгали и завывали, тряся перьями и колокольчиками, шаманы. Нерегиль орал от бессильной ярости, сиглави танцевал и скидывал передние ноги, пытаясь встать в свечку. Аммар вдруг понял, отчего орет самийа, – он не мог раскрыть свои крылья, не мог «проявить ореол», как говорили маги сумеречников. На место каждого поверженного джунгара заступал новый, словно степняки в одинаковых кафтанах и малахях вырастали из-под земли из рассеянных зубов дракона – как в сказке, только очень страшной.

– Али-и! – закричал Аммар, высоко поднимая меч.

По изогнутому клинку бело-голубым блеском шваркнул отсвет молнии.

– Всевышний с нами! О Дарующий победу и Попирающий нечестивых! – заорал Аммар в хлещущее страшными белыми плетями небо: – Твое имя – Призывающий на суд!

С холма, на котором порывы ветра рвали с шеста девять черных конских хвостов, донесся тоскливый волчий вой. Тарик, словно вступая с этой руладой в жуткий противоестественный диалог, разразился пронзительной, модулированной фразой на своем странном языке – а потом

перешел на отчаянный, яростный крик. Не переставая орать что-то жуткое, нерегиль послал коня в отчаянный прыжок – джунгары отшатнулись, и самийа врезался в их плотный строй, кося клинком, как воплощенная смерть. Аммар тоже заорал и бросился следом.

Когда, обтекая кровью джунгар и дождевыми струями, они вырвались на плоскую вершину увенчанного белым камнем холма, кони взвились на дыбы, а кто-то завопил от ужаса.

У самого знамени сидел огромный белый волк и скалил длинные, желтые, как у черепа, зубы.

– Эсе-ен! – закричал Тарик. – Эсен! А-ай-а-а! Смотри, кто тебя убьет!

И бросил коня вперед. Волк прыгнул. Сиглави пронзительно заржал и повалился на бок – с его спины кубарем скатились два сплетенных тела. В цепенящем ужасе Аммар смотрел, как волк клацает зубами у горла самийа, а тот отчаянно отжимает здоровенную башку прочь от лица.

И тут он вдруг увидел у себя под ногами невзрачный куст – рассказывали, что джунгары высаживали такие за упокой души родственника и всю свою жизнь бережно ухаживали за кустом. Аммар спешил и вдруг оказался словно бы отрезанным от звуков и цвета. В мертвой тишине в лужице лунного света перед ним топорщился безлистный кустик из пяти веток. Аммар глубоко вздохнул и занес меч. Веточки зашевелились. Не давая им времени сделать что-нибудь еще, ашшарит с маху секанул клинком – его лицо тут же залила брызнувшая во все стороны кровь. Продолжая рубить уже вслепую, Аммар чуть не оглох от рванувшихся ему в уши воплей – и снова оказался в гуще боя на холме, у белого камня на плоской вершине.

Задыхаясь и всхлипывая, он отер рукавом джуббы лицо. Шайтан-колючка была изрублена им в клочья. И эти клочья плавали в кровавой луже. Медленно оглянувшись по сторонам, Аммар остановил глаза на сцене, которая не сразу поместилась в его разум.

Крича и выкликая чье-то имя, воины оттащивали в сторону здоровенную белую тушу.

– Тарик! О Тарик! Господин!

Тут Аммар встряхнулся и заорал вместе со всеми. И побежал к месту, где под отваленной тушей обнаружилось тело самийа.

Нерегиль лежал, опрокинутый навзничь, раскинув руки, – в правой мертвой хваткой зажат был обтекающий какой-то черной, нечеловеческой, дымящейся кровью кинжал. Молоденький ханетта, стоявший на коленях над телом самийа, поднял на Аммара наполненные слезами глаза: Тарик лежал в луже крови, своей и волчьей.

Волчьей? За спиной у Аммара раздались дикие вопли, и несколько голосов разом призывали имена Али и Всевышнего. Огромная белая туша вдруг задымилась и перетекла в другой силуэт – на траве остался лежать труп узкоглазого плосколицего мужчины с тощей джунгарской бородкой. В груди у него, прямо посреди дорогого золотого шитья кафтана, зияла широкая рана.

Вдруг из раны стало подниматься, клубясь, что-то белесое. Оно попыталось свиться в фигуру человека, заколыхалось – и тут в разоренном стойбище заорал петух. Дымчатый образ явственно зашипел, сгустился – и разошелся с тихим последним вздохом.

Тарик вдруг пошевелился и открыл глаза.

– Он убит?.. – прошептал он посиневшими, холодеющими губами.

– Убит, – опускаясь возле него на колени, ответил Аммар.

В отчаянии он смотрел на раны, располозовавшие плечи, грудь и, видимо, спину нерегилья. Когти демона сумели прорвать даже легендарную ашшаритскую кольчугу.

– А.. она?... – прошелестел самийа и закашлялся, выплевывая кровь на подбородок.

– Убита, – ответил Аммар, понимая, о ком идет речь. – И я порубил его куст. И Сульдэмы порубили тоже и подпалили во имя Всевышнего, праведного, справедливого.

Аммар обернулся к разложенному из обломков адского знамени костерку. Видимо, он все-таки здорово устал за эту ночь, потому что ему показалось, что обломки шевелятся и пыта-

ются выползти из костра. Стоявший рядом с огнем южанин со злостью поддал по не желающему умирать куску дерева ногой и забросил его в самое пламя.

– Тарик. Ты... лежи, – сказал Аммар, не зная что сказать.

Впрочем, самый уже закрыл глаза и опять потерял сознание.

... В высокие, от пола и в рост человека, окна дворца наместника Фейсалы уже заглядывало утреннее солнце – пора было задерживать занавеси плотного шелка.

Аммар потер ладонью глаза.

Яхья задумчиво кивнул своим мыслям:

– Значит, силат увезли его к себе.

– Да.

Перед внутренним взором Аммара явственно предстала картина: Тарик, распростертый на камне в тени странной, похожей очертаниями на спящую собаку скалы. А над ним водит ладонями бледное черноволосое существо. Потом огромные миндалевидные глаза без радужки и зрачка оборачиваются к ашшаритам:

– Уходите.

Голос шелестит почему-то за ними. Губы джинна не двигаются. Тарик лежит на камне, бессильно запрокинув голову.

– ...Мой повелитель?

Голос старого астронома вернул его в этот мир.

– Сколько дней прошло с тех пор, как вы покинули Мухсин, о мой халиф?

– Семь. Или восемь, – дернул плечом Аммар. – А что?

– Ничего, о мой халиф, – с лукавой улыбкой ответил Яхья.

Аммар прислушался к происходящему на улице.

А там явно что-то происходило: в колодце двора метались крики, топотали и куда-то бежали люди. «Смотрите, смотрите! Там, на дороге!»

Аммар ахнул и подскочил к окну, настезь распахивая лазоревый шелк занавески. С Башни Наместника открывался потрясающий вид на южный склон долины – лабиринт скал в белесой дымке лежал перед взглядом халифа как на ладони.

По старой караванной тропе, вот уже несколько столетий заброшенной и неторной, вверх к городу поднимался всадник. Серый сиглави цокал копытами, высоко поднимая ноги и петухом распуская гордый хвост. Ехавший на благородном скакуне воин поднял голову и приложил ладонь козырьком ко лбу – пытался разглядеть сквозь слепящее солнце, что происходит на стенах.

На стенах толпились люди, и толпа все прибывала. Аммар посмотрел вниз, посмотрел на всадника на дороге, посмотрел на усмехающегося Яхью – и вместе со всеми радостно, как мальчишка, заорал:

– Смотрите, вон он! Вон он! Смотрите! Он – вернулся!!!

И, прыгая через две ступени, припустил вниз по лестнице.

Солнце всходило на востоке, а заходило на западе.

Джунгары были разгромлены.

Тарик вернулся.

Аш-Шарийа было за что поблагодарить Всевышнего.

5. Пятничная проповедь

Фейсала, 403 год аята, первый месяц лета

– ...Повтори для него, – мрачно приказал Аммар.

Испуганно покосившись на самийа – нерегиль меж тем устраивался на подушках по левую руку от повелителя верующих, – сотник гвардии повторил:

– Бени Умейя покинули лагерь. Они сняли все шатры и все навесы, и даже опрокинули изгороди, за которыми держат лошадей. На холме они оставили копье острием вверх, и на острие мы нашли вот что.

И сотник почтительно протянул руку к двум небрежно свернутым листам, измятым и продырявленным посередине. Справа лежал мансури, лист бумаги самого большого размера, который только можно было найти в халифате. Именно на такой бумаге полагалось писать повелителю верующих. Слева на ковре топорщился листок поменьше. По нему тоже шла надпись уставным почерком умейядов – угловатым, древним, с красными, как капельки крови, значками гласных букв над черной строкой вязи.

– А это – тебе, Тарик, – кивком указал Аммар на листок.

Нерегиль, сердитый и снулый, кивнул, продолжая кутаться в джуббу. Утренняя зевота раздирала ему рот, и самийа злился, то и дело прикрывая рот ладонью. Аммар про себя подивился: надвигался летний зной, скоро придется надевать накидки самого тонкого хлопка – а ему, поди ж ты, зябко.

Озабоченно покачав головой, халиф поднял с ковра послание, которое нынешний глава рода Умейя оставил для своего повелителя на острие копья, обещавшего войну и мятеж.

Пробежав глазами строчки, Аммар оглядел собравшихся военачальников и сказал:

– Умейяды вынули головы из ошейника покорности, вышли из круга равновесия и поставили ногу в круг смуты.

Люди начали перешептываться и кивать. Что мятеж Бени Умейя есть дело времени, понятно было и хромоту ослу. Старший сын убитого нерегилем Умара ибн Имрана зря бы носил черные одежды Умейядов, если б не решил отомстить за гибель отца. Самый могущественный клан халифата отозвал свои войска. Воины Умейядов в кольчугах под фиолетово-золотыми накидками, верхом на чистокровных гнедых конях, злых настолько, что их взнуздывали с намордниками, сейчас уходили на северо-запад, в родовые земли клана. Потомки сына Али отказывались от нового похода в джунгарские степи – и отказывались держать руку эмира верующих.

Аммар меж тем снова кивнул нерегилю:

– Прочти, раз писано тебе.

Тот пожал плечами, скривился и, потянувшись из-за Аммаровой спины, подхватил с ковра мятый листок. Развернув письмо обеими руками, Тарик уперся взглядом в написанное.

В проникавшем через шелковые полотнища шатра утреннем свете – ковры завернули вверх и подхватили шнурами – тонкая бумага просвечивала. Она, видно, была скверной по качеству, да и само послание написали до оскорбительного небрежно: чернила просочились сквозь бумагу, и испод листа, обращенный к собранию военачальников, пятнали отвратительные кляксы. Судя по линиям черных точек на обороте, письмо к Тарику содержало лишь две строчки.

Нерегиль застыл с поднятым высоко, на уровень глаз, листом бумаги. Не все поняли, что происходит нечто необычное: зажаты в пальцах самийа листок мелко задрожал, а Тарик задышал медленно и глубоко. Аммар, знакомый с приступами ярости самийа не понаслышке, тихо приказал:

– Дай сюда.

Не переставая глубоко дышать – вдох-выдох, это он так успокаивался, – Тарик передал своему халифу послание Умейядов.

Оно содержало один стихотворный бейт:

Не домогайся достоинств; поверь, не в них превосходство.
Ты сыт и одет к тому же. Зачем тебе благородство?²⁶

Аммар перевел взгляд на нерегиля. Тот уже почти овладел собой, только губы еще кривила гневная судорога.

– Что предлагаешь делать? – резко, будто хлопнув в ладоши, спросил его Аммар.

Тарик встряхнул головой и сбросил с себя остатки морока ярости:

– Поступать разумно. Решать задачи в порядке поступления. Сначала мы... принудим к миру джунгар. Потом... Умейя.

Последние слова были сказаны, однако, таким голосом, что потом, заслышав в речах Тарика этот стальной звон, люди говорили: «Если птицы летят хвостами вперед – быть урагану».

Из преданий о славных деяниях и хроник:

Погиб Эсен-хан, пошел северный царь войной на улусы его сыновей.

Пронесется по степи война, как пожар! Так сказали все, даже храбрецы из племен ойратов и уруутов.

«Отгоним наш скот подальше к Хангаю! – так решили старейшины. – Высоки гранитные скалы, крепки стволы лиственниц – там и укроемся».

Четверо сыновей осталось после Эсен-хана: хитроумный Араган, Сенгэ-храбрец, а еще Дабачи и Рабдан – любимцы отца, его правая рука и левая рука, верные цепные псы. Кормили их человеческим мясом у порога юрты.

Лбы их из бронзы,
А морды – стальные долота.
Шило – язык их,
А сердце – железное.
Плетью им служат мечи.
В пищу довольно росы им.
Ездят на ветрах верхом.
Мясо людское – походный им харч.
Мясо людское в дни сечи едят.

Решили объединить тумены Дабачи и Рабдан, достойно встретить северянина и его беломордого прихвостня они задумали. Пятидесятитысячное войско собрали к бою у Красного тальника.

Однажды на рассвете в ставку Дабачи и Рабдана приехал Цэван-нойон, хорчин Арагана. И завел такие речи:

– Давайте заманим северян в горные ущелья. Завлечем их в засаду, а кони наши тем временем откормятся после голодной весны!

---

²⁶ Это знаменитый бейт аль-Хутайи, который, согласно ибн аль-Аббару, написавшему книгу «Моления о прощения», эмир Муджахид отправил правителю аль-Мансуру. Ответом стал не менее знаменитый бейт катиба Абу Амира: «Ругают рабы Низара своих господ благородных. Уж так повелось от века: рабы поносят свободных». Цит. по «Средневековая андалусская проза». Москва, 1985.

А Дабачи сидел под знаменем-тугом с человеческим черепом на навершии. И он рассмеялся:

– С нами духи предков и Тенгри! Мы загребем их в полы халатов, как скотский навоз!

А Рабдан молчал. И вдруг глаза его закатились, а из груди вырвался хрип. Все пали на свои лица, потому что на Рабдана часто сходили мстительные духи. Рабдан снова захрипел – и вдруг заговорил голосом нижнего мира:

– Так и есть! Баба Араган разглагольствует так из страха. Не иначе хитрый байбак Араган желает договориться с ашурутами за нашей спиной! Из трусости и предательства выносит такое предложение баба Араган, который не выходил из дома даже на расстояние отхожего места для беременной бабы! После того как мы сдерем кожу с царя ашурутов и насадим на копьё голову его цепного нелюдя, твой хозяин будет следующим! Пусть приготовит острый кол для себя, чтобы нам не пришлось долго рыскать в поисках удобной палки, на которую мы натянем его парой быков!

С такими словами Рабдана Цэван-нойон вернулся в ставку Арагана.

«Сокровенное сказание джунгар»

Через пять дней тридцатитысячная армия ашшаритов прошла пески Харахалчжин-эста и вступила в хангайские степи.

Травы становились все гуще и гуще, горный хребет синел на горизонте, в ложбинах между холмами стали попадаться заросли ивняка и ильма, а потом и тополиные рощицы. Припудренные желтоватой пылью деревья трепал ветер, налетавший то из песков, то с поросших могучими деревьями склонов Хангая.

Кочевники встретили их странно: многочисленные разъезды дозорных сменили летучие отряды всадников в рваных, торчащих ватой халатах, – видимо пленные из покоренных племен, кераитов или меркитов. Их быстро отогнали и стали разбивать лагерь – ряды шатров следовало окружить рвом и частоколом из привезенных на верблюдах кольев.

Утром к ограде лагеря подъехало джунгарское посольство. Ханид-толмач, подросший и даже обзаведшийся отдельными волосками на щеках и подбородке, переводил Аммару, Тарику и стоявшим рядом военачальникам:

– Кочевники называют нас трусами, о повелитель! – Парнишка робко оглянулся на халифа, но Аммар милостиво и ободряюще кивнул – мол, не страшись, за чужие слова не накажу.

– Они говорят, что мы прячемся, как суслики по норам. Но они, мол, нас все равно из нор выгонят, как огонь выгоняет спящих байбаков.

– Как изящно сказано, – усмехнулся Тарик. – Жаль будет, если изысканные цветы джунгарской словесности окажутся навеки утрачены. Хорошо бы пару местных поэтов привезти в аш-Шарийа – в клетке, для развлечения. Согласен, Аммар?

Стоявшие рядом с халифом и нерегилом военачальники вежливо засмеялись – хотя всем было не до смеха. Самийа мог злословить и издеваться сколько его сумеречной душе было угодно, но джунгары почти вдвое превышали ашшаритов числом. Вдвое – это если считать пленных из покоренных племен. Но все равно – вдвое. И тут была не укрепленная неприступная Фейсала, за стенами которой можно было девять лет сидеть в осаде и не истощить припасы. Кругом стелилась враждебная степь, из которой в любой миг могли вынырнуть десятки и десятки тысяч раскосых людей на мохнатых выносливых лошадаках.

Послушав выкрики кочевников, Ханид сказал:

– О мой повелитель! Они требуют поединка! Причем не конного, а пешего, на саблях! Требуют, чтобы против их хана вышел самолично северный царь!

– Передай им – пусть их хан попробует сначала одолеть раба из рабов северного царя, подающего ему по утрам полотенце. Все, я пошел, – сообщил Тарик и, не дожидаясь ответа, повернулся, чтобы спрыгнуть с земляной насыпи.

– Это безумие! – рявкнул командующий Правой гвардией Хасан ибн Ахмад. – Повелитель, прикажи, чтобы самийа не покидал лагерь!

– Тарик, стой, – быстро приказал Аммар. – Это уловка. На тебя выскочит конный отряд и либо заарканит и уволочет в ханскую ставку, либо порубит в лагман-лапшу. Тебе нечего делать ни в лагере джунгар, ни в лагмане.

Нерегиль мгновенно развернулся обратно и прошипел:

– Аммар, ты, перед лицом войска запрещаешь мне выйти против какой-то грязной толпы, во главе которой стоит повивальная бабка?!

– Там засада! – никого не стесняясь, заорал в ответ Аммар.

– На западе мне расставляли засады не чета этим! Я дрался с огненными демонами, и мой государь не удерживал меня за рукав с увещаниями: «Осторожно, Тарег, ты можешь обжечься, осторожно, ты можешь удариться!»! – взорвался в ответ нерегиль.

– А может, ему как раз следовало это сделать в твой последний выезд? – вдруг тихо спросил Аммар.

Нерегиль, хотевший что-то сказать, судорожно глотнул воздуха и осекся.

А потом все-таки ответил:

– В мой последний выезд я встретился не с засадой, Аммар. Под стены вверенной мне крепости вполне открыто приполз дракон. Впрочем, все это уже совершенно неважно...

И самийа тряхнул головой, словно отгоняя наваждение. А потом поклонился своему повелителю, повернулся, спрыгнул с земляного вала и пошел прочь. Люди шарахались у него с дороги и вопросительно посматривали на халифа.

Дракон. Аммар понял, что получил ответ на вопрос, заданный в населенный ангелами воздух, – мол, с кем же дрался Тарик, что попал сначала в плен, а потом на весы для взвешивания скотины? И еще Аммар понял, глядя в спину удаляющегося нерегиля – тот старался высоко держать голову, и ему это почти удавалось, – что навряд ли у него получится оскорбить самийа сильнее.

Кочевники продолжали крутиться у земляного вала, охаживая плетями бока лошадок и выкрикивая оскорбления. Военачальники стояли, затаив дыхание, и ждали слов своего повелителя.

– Тарик! – решился Аммар.

Нерегиль остановился, но не обернулся.

– Да поможет тебе Всевышний. Иди, принеси мне немытую голову этого наглеца.

Когда пришло время обедать, голова Рабдан-хана уже красовалась на пике у порога Аммарова шатра.

Рассказывали, что многие остались крайне разочарованы зрелищем, поскольку не успели толком ничего увидеть. Только пристроились посмотреть, протолкавшись локтями, как бац – все уже закончилось.

То есть хан подъехал верхом на нестепном высоком жеребце. Здоровенный, грузный, в панцире из крупных бронзовых пластин, в островерхом шлеме со стрелкой-наносником. Тарик стоял, подбоченившись. Рядом с широкоплечим, высоченным даже по ашшаритским меркам степняком он казался мальчишкой, ввязавшимся, на свою голову, во взрослые военные забавы. Рабдан отдал поводья коня ближним нукерам, те отъехали на положенное при поединке расстояние в полполета стрелы. Затем степняк выхватил из ножен саблю. Тарик обнажил свой прямой толайтольский меч.

И тут случилось что-то странное, о чем рассказывают по-разному, и не все сходятся во мнении. Кто-то говорил, что видел, как из левой руки кочевника заструилось что-то подобное черному туману – это среди бела дня-то, туман, да еще и черный! – и змеиной лентой метнулось к нерегилю. А тот крест-накрест свистнул мечом – и туманной змее настал конец. А кто-то говорил, что Рабдан-хан держал в левой руке круглый кожаный щит, какой принят у кочевников, и бросил этот щит самийа под ноги – чтобы ранить острым, обитым заточенной бронзой краем и повалить наземь. А нерегиль прыгнул, как кошка, и перескочил через щит.

А дальше все уже сходились и говорили одно и то же: самийа сиганул через голову джунгара, перекувырнувшись в воздухе. Приземлился у того за спиной – и засек кочевника в два удара. Один пришелся поперек тела, прямо над наборным поясом, второй снес голову.

Вероломные джунгары помчались к нерегилю, разматывая арканы, но тут из травы поднялся вороной конь несказанной красоты. Тарик подхватил голову врага за косичку, вскочил на скакуна-джинна верхом и был таков.

Впрочем, пообедать ашшаритам не пришлось, потому что джунгары перешли в наступление. Тогда многие поняли, что не зря Тарик гонял их на бывшем поле боя в южной долине Фейсалы – на потеху феллахам, наблюдавшим за маневрами конников. Нерегиль заставлял строиться, и рассыпать строй, и снова быстро строиться, перестраиваться и разбиваться на отряды. Так что в преддверии джунгарской атаки все сумели быстро занять свое место в боевых порядках.

Поскольку землю уже сотрясала мощная дробь копыт заходящих из степи туменов, с Тариком никто не успел толком поспорить, а нерегиль, как потом рассказывали, предложил невиданное и безумное построение. Кольчужную тяжелую пехоту он оставил в центре, как ашшариты и поступали от века – воины наклонили копья и уперли их в землю, прикрывшись щитами. За ними, как диктовали все руководства по ведению войны, самийа расположил лучников. И резервный конный полк он поставил за ними – тут тоже все было правильно и по обычаю аш-Шарийа. А вот на правое и левое крыло следовало поставить лучшие конные отряды! А что сделал нерегиль? Он усилил левое крыло вдвое против правого. И приказал – в полном противоречии с собственными прежними умозаключениями – левому крылу наступать клином, прорвать вражеские порядки и атаковать джунгарские резервные полки под ханскими тугами. Впрочем, следуя разумному обычаю, он поставил по два отряда на каждый из флангов – пока передний атаковал, второй оставался прикрывать пехотинцев.

Но, видно, Всевышний благоволил ашшаритам в тот летний день, и все сделалось по слову нерегиля. Джунгарам вышли в тыл, рассекли их войско на части, окружили и перебили до последнего человека. Халиф правоверных лично зарубил Дабачи-хана, прибавив его голову к голове Рабдана у порога своего шатра. Впрочем, в милосердии своем повелитель верующих приказал оставить в живых женщин и детей кочевников. Да и пленных в тот день взяли предостаточно – так что, когда войску пришло время возвращаться в аш-Шарийа, колонны рабов подняли такую тучу пыли, что казалось, войско вдвое прибавило в числе.

На полпути к долине Халхи, в которой кочевали родичи Араган-хана и Сенгэ-батурса, ашшаритов встретило посольство – от обоих сыновей Эсен-хана. Араган, сын Эсена, приехал сам. Он, двое его взрослых сыновей – старшему уже исполнилось семнадцать, – а еще четверо сыновей Сенгэ-хана. Все они подошли с поясами на шеях и преклонили колени у копыт коня повелителя верующих. Халиф даровал им жизнь, милостиво разрешил подняться и говорил с ними.

...Против ожидания, приехавшие с Араган-ханом джунгары оказались не такими уж дикарями. Выбритые, в чистых халатах и кафтанах хорошего стеганого шелка. Лбы они тоже брили, и из-под круглых желтых кожаных шапок с золотыми шариками на острых кончиках спускалась к переносице лишь одна стриженная прядь. Араган, крепкий мужчина за сорок, сел

на кошму напротив Аммара с уверенностью и достоинством природного повелителя. Поглаживая длинные черные усы, он переводил взгляд умных серьезных глаз с халифа на Тарика.

Нерегиль пребывал в состоянии умеренной ярости и потому сидел на подушке за левым плечом Аммара молча, не принимая никакого участия в разговоре. Тарика с трудом, но удалось убедить, что джунгары – люди, а не какие-то твари, с которыми он воевал у себя на западе. Но упрямый нерегиль все равно считал, что джунгарское посольство следовало отправить восвояси, пройти оставшиеся до Халхи четыре дневных перехода и поступить с кочевьями братьев так же, как ашшариты поступали с джунгарскими кочевьями до того. То есть упразднить. Нерегиль считал, что принуждение джунгар к миру – такими мудреными словами он называл этот поход – нужно довести до конца.

Тем временем Аммар изложил условия ашшаритов. Джунгары должны дать заложников – от каждого хана одного взрослого и троих несовершеннолетних сыновей, а также трех несовершеннолетних дочерей. Детей следовало воспитать при дворце халифа – в истинной вере, среди достойных наставников. Допустить в кочевья проповедников – чтобы люди степи услышали слово Всевышнего. Не преследовать и не чинить неудобств и препятствий обратившимся в веру аш-Шарийа. Беспрепятственно пропускать все караваны, идущие из Хань и Ханатты, – и обеспечивать им охрану и сопровождение. Карать смертью или выдавать ашшаритам осмелившимся напасть на купцов или путешественников. Карать смертью или выдавать ашшаритам всякого военачальника или предводителя, осмелившегося переступить границы халифата со злыми намерениями. Платить дань и раз в два года являться в Мадина-аль-Заура для подтверждения вассальной присяги – со всей семьей, до последнего грудного младенца и младшей наложницы. Халиф правоверных оставлял за собой право удержать при себе любого члена семьи хана – не считая тех, кого уже доставили к его двору как заложников.

Араган-хан подумал, покрутил ус – и согласился.

Когда неожиданно раздался голос Тарика, все вздрогнули.

Нерегиль пролаял что-то по-джунгарски. Предводитель кочевников долго молчал, прежде чем ответить. Но в конце концов ответил.

– Что он спросил? – дрожа от злости, наклонился Аммар к Ханиду.

В конце концов, у нерегиля могло хватить уважения к своему повелителю и к собранию, чтобы задать вопрос на ашшари. Но не хватило. Это мне за последний выезд и дракона, подумал Аммар. Ну какое же злопамятное создание.

Ханид тем временем перевел:

– Тарик спросил, откуда Араган узнал про оставшихся в живых троих Мугисов и про место, где они скрывались.

Аммар медленно кивнул. Злопамятный-то злопамятный, но умный – этого не отнимешь.

Кочевник начал говорить – медленно, осторожно взвешивая каждое слово:

– Я ничего не узнавал, – так же медленно и осторожно переводил Ханид, – все узнал мой благословенный отец Эсен-хан. Отец часто общался с Тенгри и духами, и ему было открыто многое. Он видел, если кто-то таит злобу и лелеет планы мести. Злоба и ярость Мугисов поднимались для него, как дым от костра в степи, – издали видно.

Тарик опять что-то пролаял на наречии кочевников.

– Он спросил, почему именно Мугисы? Почему не Тамим? Не Бармакиды? – срывающимся от страха голосом пискнул Ханид.

Ого, подумал про себя Аммар. Без году неделя в аш-Шарийа, а какая осведомленность. Тамим были несправедливо истреблены после несправедливой казни своего главы. Отец опасался мести за гибель благородного и – тут Аммар был с собой честен – ни в чем не повинного старого Хусейна. А вот Бармакидов перебили за разврат и нечестие Джафара ибн Бармака: тот не нашел ничего лучшего, чем навещать по ночам покои Аббасы, сестры халифа Мухаммада, отца халифа Амира, отца Аммара. Аббаса прижила от любовника двоих детей, причем маль-

чиков. Когда nepотребства в хариме халифа вскрылись и вышли наружу, ярость эмира верующих трудно было утишить казнью одного Джафара. Халиф опасался, что племянники станут угрозой для старшего сына, – и приказал сжечь незаконнорожденный приплод Аббасы в печи. Саму же Аббасу он приказал заколотить в деревянный ящик и утопить в Тиджре. А Бармакидов схватили и умертвили – кого распяли на мосту, кого четвертовали. Женщин и детей, как водится, продали бедуинам и хозяевам певиц и лютнисток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.